РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2013. № 8 (56)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199178,
Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
© Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2013
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2013
© Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета;

Артамонов В. С. — доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гуторов В. А. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Двас Г. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Журавлев В. П. — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва);

Киричук С. М. — доктор социологических наук (Москва);

Крастиньш А. В. — доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета, почетный доктор СЗИУ РАНХиГС;

Михеев Ю. А. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации (Москва);

Понеделков А. В. — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Ростов-на-Дону);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Суслов В. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук (Новосибирск);

Филиппов Г. Г. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Шевченко В. Я. — доктор химических наук, профессор, действительный член Российской академии наук, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — *главный редактор*;

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елфимов Г. М. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Исаев А. П. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кириллов А. Л. — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора;*

Клюев А. В. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Курзенев В. А. — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Старовойтов А. А. — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Чимаров С. Ю. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Яновский В. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

7 **А. В. ЛАБУДИН, В. А. ВАСИЛЕНКО**
К вопросу о совершенствовании системы подготовки и переподготовки кадров для государственной и муниципальной службы

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

16 **И. Ю. ПЕШПЕРОВА**
Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

23 **В. А. ПЛОТНИКОВ**
Социальная поддержка в образовании в контексте управления человеческим капиталом

31 **А. С. ИЛЬИН, Д. В. МАХНЕВ, В. В. ЯНОВСКИЙ**
Благоприятный инновационный климат региона — проектный подход

38 **А. В. ЛАБУДИН, Г. С. ГАЛСТЯН**
Формирование автономных учреждений как направление реформирования системы бюджетных организаций в Российской Федерации

47 **Е. А. КУКЛИНА, А. С. БРИТЬКО**
К проблеме оценки и выбора оптимального проекта инновационного развития организации

57 **О. Г. ФИЛАТОВА, А. В. ЧУГУНОВ**
Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

68

73 **С. В. АКОПОВ**
Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора

83 **Ж. ДЮМЕТЦ, А. М. СОСНОВСКАЯ**
Кросс-культурная коммуникация

91 **И. И. ОРДИНАРЦЕВ**
Ключевые факторы успеха издательской деятельности в России

97 **А. Ю. СУСЛОВ**
Прагматическая модель предпринимательской деятельности университета

102 **А. А. ЛОМАКИН**
Принятие решений в региональной системе оказания адресной социальной поддержки

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

108 **В. Б. АЛЕКСАНДРОВ**
Гуманизм в зеркале русской философии

114 **Л. И. ШИШКИНА**
Проблема национальной идентификации и культуры в работах Д. В. Философова

122 **А. Л. САГАЛОВА**
Парламентская демократия и международная организация во взглядах британских лейбористов (1914–1945 гг.)

A LINEA

129 **А. С. ПЕТРОВА**
Роль местного самоуправления в формировании гражданской культуры российского общества

135 **А. Ю. КУЛЕВ**
Динамика инновационных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

7 **A. V. LABUDIN, V. A. VASILENKO**
On the Question of Improvement of System of Education and Retraining of Personnel for the Public and Municipal Service

POLICY AND LAWFUL STATE

16 **I. Ju. PESHPEROVA**
Modern Aspects of International Legal Regulation of Foreign Adoption

POWER AND ECONOMY

23 **V. A. PLOTNIKOV**
Social Support in Education in the Context of Human Capital Management

31 **A. S. ILYIN, D. V. MAKHNEV, V. V. YANOVSKY**
Favorable Innovation Climate of the Region – Project Approach

38 **A. V. LABUDIN, G. S. GALSTYAN**
Formation of Autonomous Establishments as the Direction of Reforming of System of Budgetary Organizations in the Russian Federation

47 **E. A. KUKLINA, A. S. BRITKO**
On a Problem of an Assessment and a Choice of the Optimum Project of Innovative Development of the Organization

57 **O. G. FILATOVA, A. V. CHUGUNOV**
Electronic Interaction between Society and the Power: Formation of the Concept and the Practice of Realization in Russia

SOCIETY AND REFORMS

68

73 **S. V. AKOPOV**
Civilization and the Empire as a Way of Imagination of Cultural and Political Community in V. L. Tsymbursky and V. K. Kantor's Concepts

83 **G. DUMETS, A. M. SOSNOVSKAYA**
Cross-cultural Communication

91 **I. I. ORDINARTSEV**
Key Factors of Success of Publishing in Russia

97 **A. Yu. SUSLOV**
Pragmatic Model of Entrepreneurial Activity of University

102 **A. A. LOMAKIN**
Decision-making in Regional System of Rendering Address Social Support

HISTORY AND CULTURE

108 **V. B. ALEKSANDROV**
Humanity in the Mirror of the Russian Philosophy

114 **L. I. SHISHKINA**
The Problem of National Identification and Culture in Works of D. Filosofov

122 **A. L. SAGALOVA**
Parliamentary Democracy and the International Organization in Views of the British Labourists (1914–1945)

A LINEA

129 **A. S. PETROVA**
The Role of Local Government in Formation of Civil Culture of the Russian Society

135 **A. Yu. KULEV**
Dynamics of Innovative Processes in Regions of the North-West Federal District

А. В. Лабудин
В. А. Василенко

A. V. Labudin
V. A. Vasilenko

К вопросу о совершенствовании системы подготовки и переподготовки кадров для государственной и муниципальной службы

On the Question of Improvement of System of Education and Retraining of Personnel for the Public and Municipal Service

Лабудин Александр Васильевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой учета, контроля и финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
labudin59@mail.ru

Labudin Alexander Vasilyevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of the Account, Control and Financial Management
Doctor of Science (Economics), Professor
labudin59@mail.ru

Василенко Виктория Андреевна
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Аспирант кафедры экономической истории
victoriatkacheva@yandex.ru

Vasilenko Victoria Andreevna
Saint-Petersburg State Economic University
Graduate student of the Chair of Economic History
victoriatkacheva@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
учебное заведение, государственные и муниципальные служащие, образование, кадровое агентство

KEY WORDS
educational institution, state and municipal civil servants, education, employment agency

АННОТАЦИЯ
В статье дан обзор российского опыта подготовки кадров для государственной и муниципальной службы в разные исторические периоды. Особое внимание уделено попытке создания так называемых «Роскадров». Авторы отмечают возможность существования подобной государственной структуры в России в настоящее время.

ABSTRACT
This article considers the review of Russian experience in staff training for the state and municipal civil service in different historical periods. The main attention is paid to the attempt at organizing so-called “Roskadry”. The authors note the possibility of existing such a government institution at present day Russia.

В условиях реформирования системы государственного и муниципального управления Российской Федерации, а также усиливающейся глобализации экономических и социальных процессов в мире императивное требование

образования и профессионального развития государственных и муниципальных служащих становится особенно актуальным. Одной из приоритетных задач в настоящее время является построение действенной системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, направленной на обеспечение государства квалифицированными кадрами для государственной и муниципальной службы, способными эффективно управлять изменениями в различных областях общественной жизни.

Отметим, что в развитии системы образования в нашей стране важным этапом стало принятие в Киевской Руси христианства в 988 г., ознаменовавшее собой начало духовного образования. В язычестве ничего подобного не было. Стали появляться первые элитные учебные заведения, готовившие представителей высшего слоя социальной иерархии. К таким учебным заведениям, прежде всего, относились дворцовые школы (или школы «учения книжного»), предназначавшиеся для княжеских и боярских детей, детей духовенства и приходских старост, а также монастырские школы, предназначавшиеся для детей духовенства.

На рубеже XV–XVI вв. образовалось единое централизованное Российское государство в границах Московской Руси. Как результат, возникла потребность в квалифицированных административно-управленческих кадрах. Несмотря на то, что в этот период были открыты некоторые учебные заведения для подготовки государственных служащих (как, например, школа повышенного типа, организованная в 60-е гг. XVII в. в Спасском монастыре по инициативе Симеона Полоцкого, а также Славяно-греко-латинская академия, открытая в 1687 г.), активная деятельность по созданию сети учебных заведений, готовивших специалистов для отраслей хозяйства и управления, была развернута в период царствования Петра I.

В этот период был создан Правительствующий сенат (1711 г.), система приказов была заменена коллегиями. Важным моментом стало утверждение 24 января 1722 г. «Табели о рангах» — закона, определившего иерархию чинов, а также вступление в чин по старшинству. В последующие века, вплоть до 1917 г., этот закон (с вносимыми изменениями) оставался одним из главных документов, регламентирующих отбор кандидатов и их поступление на государственную службу [1]. Как утверждают В. Барышев, Т. Журавлева, «Табель о рангах» формально допускала к государственной службе представителей всех сословий, однако на деле ограничивала доступ и продвижение по службе выходцам из податных сословий и разночинцам, обеспечивая тем самым привилегированное положение дворян в качестве государственных служащих [Там же].

В целом, дореволюционный период характеризуется значительным вниманием со стороны императорского правительства к качественному обеспечению органов государственного управления квалифицированными служащими. В это время начался процесс отделения гражданской и военной государственной службы, а также процесс создания многоуровневой системы государственного образования. Были открыты первые учебные заведения, готовившие молодых людей к государственной службе. Первым таким заведением, в начале XVIII в., стала школа иностранных языков при Посольском приказе. В этот же период Славяно-греко-латинская академия по правительственному распоряжению стала принимать на учебу детей не только духовенства, но и приказных людей. С 1721 г. при Сенате открылась школа подьячих, в коллегиях Сената был также учрежден институт юнкеров, где изучали управление без отрыва от производства, и открыты юнкерские школы при Сенате и коллегиях для обучения грамоте и наукам [3, с. 171].

В 1731 г. в Петербурге стал действовать Сухопутный шляхетский корпус, а позже начали открываться кадетские корпуса и другие привилегированные закрытые учебные заведения подобного типа [2, с. 13].

В начале XIX в., в годы правления Александра I, произошли крупные админи-

стративные реформы, предполагающие переход от коллегиального управления к началам единоличной власти. Согласно манифесту от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств» было создано 8 министерств. Народное просвещение с 1802 г. стало самостоятельной отраслью государственного управления.

Кроме того, была предпринята попытка изменить существующую систему назначения на придворные должности и получения высоких гражданских чинов лицами без предварительной профессиональной подготовки и опыта служебной деятельности. Основным учебным заведением, готовившим специалистов для государственной службы в данный период, стал университет. Позже, в годы правления Николая I, университеты приобрели особый статус: будучи под особым покровительством Его Императорского Величества, они стали называться императорскими[1].

Наряду с университетами профессиональную подготовку государственных гражданских служащих осуществляли специальные учебные центры. Так, в 1810 г. император Александр I издал «Постановление о Лицее» (Царскосельский лицей), в котором подчеркивается, что «учреждение лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной»[2]. Начала формироваться система дополнительного образования и повышения квалификации государственных служащих.

Как видно из вышесказанного, к началу XX в. была создана сеть университетов и отраслевых вузов, занимающихся подготовкой специалистов для государственной службы, однако в целом количество учебных заведений все еще оставалось недостаточным и существовали серьезные сословные ограничения в доступе к власти. Такое положение дел не могло не влиять на отношения широких масс населения и государственного аппарата.

Октябрьские события 1917 г. стали поворотным моментом в развитии системы органов государственной власти после падения монархии. К власти пришла Российская коммунистическая партия (большевиков). Сразу были приняты меры по ликвидации старых административно-политических институтов и формирования новой единой политической системы Советов, соединявшей в одних органах власти законодательные, представительные и исполнительные функции, по всей стране. Однако налицо были существенные проблемы, связанные, прежде всего, с высокой степенью региональной дифференциации и относительно невысоким уровнем экономического развития. Строить социализм в таких условиях без сильного государства и соответствующей структуры управления было невозможно. В связи с этим вместо символического государства-коммуны пришлось срочно создавать мощное государство с разветвленным аппаратом исполнительной власти в центре и на местах [3, с. 309–310]. Источником и регулятором комплектования кадров государственной, военной (включая другие силовые структуры) и дипломатической службы стала коммунистическая партия.

Согласно Декрету СНК РСФСР, ВЦИК от 24.11.1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», все существовавшие в России сословия, гражданские чины, звания и титулы были уничтожены, и установлено одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики[3].

---

[1] *Общий* университетский устав 1835 г. и углубление вузовской реформы: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный центр образовательного законодательства». URL: http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?22.html (дата обращения: 22.03.2013).

[2] *Постановление* о Лицее: [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Российской государственной библиотеки (РГБ) — Старопечатные книги. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01002986405?page=1 (дата обращения: 27.02.2012).

[3] *Об уничтожении* сословий и гражданских чинов: Декрет СНК РСФСР, ВЦИК от 24 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти.

Таким образом, была ликвидирована «Табель о рангах», впервые утвержденная Петром I. С этого времени подбор, воспитание и расстановка кадров стала осуществляться посредством номенклатуры партийных органов, то есть перечня должностей, подлежащих утверждению тем или иным партийным комитетом — от Политбюро (Президиума) ЦК до парткома предприятия (учреждения). Номенклатурный способ стал основным в формировании правящего класса и предполагал подбор кадров сверху с учетом рекомендаций партийных органов, социального происхождения, партийности, декларируемой верности официальной идеологии и т. д. Он сформировался к концу 30-х гг. и просуществовал вплоть до конца 80-х гг.

Характеризуя советский период, отметим, что в эти годы образование государственных служащих было тесно взаимосвязано с системой партийной учебы и основывалось на социальном заказе, как тогда говорили, «партии и правительства». В этот период были сделаны большие шаги в развитии профессиональной подготовки кадров для государственной и муниципальной службы (хотя такие термины тогда не были «в ходу», но фактически круг решаемых задач был примерно тем же, что и сейчас). Была значительно расширена сеть вузов и техникумов, формировалась система специальных учебных заведений и велась целенаправленная работа с молодежью. В первые годы советской власти широкое распространение получила курсовая форма подготовки, поскольку позволяла в короткие сроки давать основы управленческих знаний выдвиженцам из рабочих и крестьян.

В сентябре 1920 г. был издан Декрет Совета Народных Комиссаров «О рабочих факультетах», согласно которому при вузах открывались рабочие факультеты, задачей которых стало повышение общеобразовательного уровня учащихся (как правило, из рабоче-крестьянской молодежи) с целью будущего поступления в вуз [3, с. 410–411].

В 1919–1920 гг. развернулось активное строительство советско-партийных школ, в 1921–1923 гг. стали открываться коммунистические университеты. Помимо этого начинает развиваться система заочных и вечерних совпартшкол. С конца 20-х гг. стал выдвигаться принцип единства теории и практики, согласно которому комвузы и совпартшколы обязывались обеспечить более глубокое изучение экономической теории, истории экономических учений, экономической политики [Там же, с. 399–402].

В конце 80-х гг. приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 17 ноября 1987 г. № 790 «Об утверждении перечня специальностей вузов СССР» для подготовки студентов высших учебных заведений была введена специальность «Партийное и советское строительство».

Все вышесказанное способствовало подготовке большого количества специалистов, немалая часть которых использовалась в комплектовании органов государственной власти. Однако обучение носило идейно-политический характер, и попытки сформировать самостоятельно мыслящих специалистов с собственным мнением и готовностью принимать решения, в основном, пресекались. Также de facto отсутствовал равный доступ граждан к государственной службе. Это, в свою очередь, негативно отражалось на уровне образования государственных и муниципальных служащих.

После распада СССР в декабре 1991 г. в нашей стране проблемы кадровой работы государственного аппарата стали особенно актуальными. Россия взяла курс на создание и развитие рыночной экономики. Система подготовки и работы с кадрами, сформированная партийными органами, начала претерпевать изменения. В связи с этим еще в конце 1991 г. была выдвинута довольно интересная идея, которая, на наш взгляд, заслуживает особого внимания и может иметь существенный смысл сегодня.

М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I. С. 72.

Речь шла о создании общегосударственной кадровой службы в составе: Российского кадрового агентства при Государственном совете РСФСР, Административно-кадрового управления в составе Администрации Президента РСФСР, Службы региональной кадровой политики в составе Контрольного управления Президента РСФСР. В ходе согласований предложенное первоначальное название Кадрового агентства было изменено и 23 ноября 1991 г. было подписано Постановление Правительства РСФСР о создании Департамента государственной службы РСФСР[1]. С этого момента, можно сказать, начался новый этап развития профессиональной подготовки государственных служащих, который характеризовался введением такого социального института, как «государственная служба».

Однако при подготовке Указа Президента РСФСР о структуре органов исполнительной власти от 28 ноября 1991 г. название «Департамент государственной службы» было заменено на «Главное управление по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации» («Роскадры»)[2].

Велась работа по созданию и развитию учебных заведений «Роскадров». Первоначально планировалось создание на базе высших партийных школ специальной организации — некоего кадрового центра, который бы выполнял комплекс услуг для федеральных и местных органов власти и управления, необходимых для формирования основ современной на тот момент государственной службы. Здесь предполагалось сосредоточить основную часть работ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации государственных служащих, сложные виды оценки кадров органов государственного и местного управления и выявление перспективных руководящих кадров, научно-методическую помощь и консультирование органов государственного и местного управления по вопросам совершенствования их деятельности, организации государственной службы и работы с персоналом, но уже к середине 1992 г. кадровые центры и институты повышения квалификации сформировались как научные, образовательные, методические и консультационные центры в регионах и выполняли функции по подготовке специалистов с высшим образованием и повышения квалификации руководителей и специалистов на разных уровнях власти, проведению научно-исследовательских работ в области государственной службы, оказанию учебно-методической и консультационной помощи, осуществлению работ по научно-методическому обеспечению деятельности местных органов власти в области управления персоналом, организации в регионе работы по созданию эффективной системы подготовки резерва кадров руководителей местных органов власти и управления, участию в формировании федерального кадрового резерва, обучению кандидатов в депутаты, содействию в развитии нормативно-правового обеспечения государственной службы, проведению аналитической работы, разработке оптимальных моделей функционирования служб местных органов власти с учетом специфических условий региона, созданию и поддержке банков информации о состоянии кадровой политики в регионе, проведению социологических опросов, просветительской и издательской деятельности и др. Вышесказанное говорит о том, что региональные кадровые центры выполняли не только учебные функции, но и развивались как непосредственные участники разработки и реализации кадровой политики

[1] *Об образовании* Департамента государственной службы РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 23 ноября 1991 г. № 16: [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://giod.consultant.ru/doc.asp?ID=89465 (дата обращения: 25.01.2013).

[2] *О реорганизации* центральных органов государственного управления РСФСР: Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1696.

нового российского государства [4, с. 52–55].

Официально список кадровых центров был закреплен Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 1992 г. № 145 «Вопросы Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации». Этим же Постановлением Положение о «Роскадрах» было утверждено. Согласно документу на «Роскадры» возлагались задачи по организации подготовки кадров (через размещение заказов и иными способами), разработке профессионально-квалификационных требований к государственным служащим, а также анализу фактического состояния кадров государственной службы, разработке системы оценки соответствия профессионально-квалификационным требованиям лиц, впервые поступающих на государственную службу или претендующих на продвижение по службе, созданию инфраструктуры по обучению кадров, организации научно-методического обеспечения работы по управлению персоналом, участию в работе по повышению эффективности системы государственной службы, структур и процедур деятельности федеральных правительственных органов и учреждений[1] [4, с. 25–28].

В связи с вышеназванными задачами была организована работа «Роскадров», для выполнения которой правительство передало в распоряжение подведомственные организации:

- Волго-Вятский кадровый центр (г. Нижний Новгород);
- Дальневосточный кадровый центр (г. Хабаровск);
- Поволжский кадровый центр (г. Саратов);
- Северо-Западный кадровый центр (г. Санкт-Петербург);
- Северо-Кавказский кадровый центр (г. Ростов-на-Дону);
- Сибирский кадровый центр (г. Новосибирск);
- Уральский кадровый центр (г. Екатеринбург);
- Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов промышленности строительных материалов бывшей Государственной ассоциации «Союзстройматериалы» (поселок Красково Московской области), который позже был исключен из списка Распоряжением Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 1672-р «О внесении изменения в Постановление Правительства РФ от 6 марта 1992 г. № 145»;
- Всесоюзный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов бывшего Министерства энергетики и электрификации СССР (г. Москва);
- Дальневосточный филиал (г. Владивосток) Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников (г. Киев) бывшего Государственного концерна по водохозяйственному строительству «Водстрой»;
- Центральное бюро научно-технической информации бывшего Минмонтажспецстроя СССР (г. Москва)[2].

Во время работы «Роскадров» был создан высокопрофессиональный коллектив, который заложил основу для всей нормотворческой работы по созданию государственной службы России и системы подготовки ее кадров. «Роскадры» проработали значительный срок: с декабря 1991 г. по январь–апрель 1994 г.

В начале 1994 г. «Роскадры» были исключены из структуры Правительства РФ, но фактически продолжали работать до мая 1994 г. Официальной датой завершения деятельности «Роскадров» можно считать 3 мая 1994 г., когда в соответ-

[1] *Вопросы* Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 1992 г. № 145: [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=229425 (дата обращения: 10.05.2013).

[2] Там же.

ствии с Распоряжением Правительства РФ № 626-р закончился срок работы ликвидационной комиссии, которую возглавлял К.М. Скобеев[1]. С большим трудом функции «Роскадров» были перераспределены между Управлением федеральной государственной службы Президента РФ и Российской академией управления [4, с. 28, 64] (с 1994 г. — Российская академия государственной службы при Президенте РФ (Указ Президента РФ от 6 июня 1994 г. № 1140 «О Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации»)), с 2010 г. — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Указ Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1140 «Об образовании Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»). С этого времени начинается новый этап становления объединенной системы учреждений обучения государственных служащих.

В настоящее время подготовкой государственных и муниципальных служащих занимается, в первую очередь, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), а также присоединенные к ней государственные образовательные учреждения. Согласно Указу Президента РФ от 7 июля 2011 г. № 902 «О внесении изменения в перечень федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, самостоятельно устанавливающих образовательные стандарты и требования для реализуемых ими образовательных программ высшего профессионального образования, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2008 г. № 1332», РАНХиГС имеет право самостоятельно устанавливать образовательные стандарты и требования для реализуемых в системе Президентской академии образовательных программ высшего профессионального образования.

Существование на сегодняшний день подобной системы образовательных учреждений является, безусловно, положительным моментом в подготовке государственных и муниципальных служащих, однако существует некая неопределенность в плане реализации обучения, отвечающей реальным потребностям регионов РФ, в которых расположены образовательные учреждения, входящие в систему РАНХиГС. Имея ограниченные финансовую, организационную и другие свободы, данные учреждения в результате имеют и ограниченные возможности развития. В связи с этим нам представляется возможным реализация идеи, выдвинутой еще в 1991 г., в части организации единой общегосударственной кадровой службы. Ведь в настоящее время дело государственной службы находится в разрозненном состоянии — на федеральном уровне, в каждом из восьмидесяти трех субъектов федерации и в каждом из 23 118 муниципальных образований (по субъектам Российской Федерации по состоянию на 1 января 2012 г.)[2], где вообще служба называется муниципальной, хотя по своей сути представляет собой решение государственных задач на местном (муниципальном) уровне. Поэтому единый орган управления, вырабатывающий государственную политику в кадровой области, безусловно, должен «иметь место быть».

Отметим, что на современном этапе вопросами труда в нашей стране занимается Министерство труда и социальной защиты РФ (Минтруд России).

[1] *О прекращении* деятельности Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве РФ: Распоряжение Правительства РФ от 3 мая 1994 г. № 626-р // Собрание законодательства РФ. 1994. № 3. Ст. 262.

[2] *Число* муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2012 г. // Стат. бюллетень / Фед. службы гос. статистики: Формирование местного самоуправления в Российской Федерации. 2012. С. 9–12.

В структуру Минтруда России входят 12 Департаментов, один из которых — Департамент развития государственной службы, представляющий, на наш взгляд, интерес. Положение о Департаменте было утверждено Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2012 г. № 38 «Об утверждении Положения о Департаменте развития государственной службы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации».

Согласно Положению, на Департамент возложены задачи по развитию механизмов формирования кадрового состава гражданской службы, совершенствованию механизмов противодействия коррупции, институциональному развитию гражданской службы и системы государственного управления, организации дополнительного профессионального образования федеральных гражданских служащих и координации дополнительного профессионального образования гражданских служащих субъектов Российской Федерации, а также совершенствованию правового регулирования прохождения гражданской службы.

Как видно из вышесказанного, в компетенцию Департамента входят, в том числе, вопросы, касающиеся профессиональной подготовки гражданских служащих. В статье 6.5 Положения данные вопросы раскрываются, но их круг ограничен: в основном, речь идет о федеральных гражданских служащих и об их дополнительном профессиональном образовании (профессиональной переподготовке, повышении квалификации и стажировке).

Говоря про систему дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих в нашей стране, отметим, что на сегодняшний момент практически каждый государственный орган самостоятельно организует обучение для своих служащих, это можно проследить по Положениям о данных учреждениях и ведомствах. В Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ: программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки. «Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ»[1]. Однако на сегодняшний момент государственные стандарты по дополнительному образованию отсутствуют, что подтверждает тот факт, что единой системы, проводимой государством по повышению квалификации, стажировке и профессиональной переподготовке государственных и муниципальных служащих, еще не создано.

В связи с этим нам представляется целесообразным и возможным на базе Департамента развития государственной службы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации создание единого федерального органа государственного управления (аналог работавших в 1991–1994 гг. «Роскадров», о которых шла речь выше), занимающегося государственной и муниципальной службой, выработкой единых требований к кадрам государственных и муниципальных служащих, их профессиональным и дополнительным профессиональным образованием, аттестацией и другими вопросами государственной и муниципальной службы в масштабах страны в целом, т. е. на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в неразрывной связи и взаимодействии. Данный государственный орган будет взаимодействовать, с одной стороны, с образовательными учреждениями по подготовке кадров для государственной и муниципальной службы и

[1] *Об образовании* в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

общественными организациями (формирующими социальный заказ), а с другой стороны — с другими государственными органами исполнительной власти (формирующими государственный заказ). В такой ситуации откроется больше возможностей по выявлению кадровых потребностей соответствующих территорий, а также особенностей их подготовки, и своевременному их отражению в учебных планах соответствующих образовательных учреждений. Вузы, прежде всего РАНХиГС, ее филиалы (например Северо-Западный институт управления) и представительства, тем временем, смогут более основательно заняться процессом подготовки государственных и муниципальных служащих в соответствии с потребностями территорий субъектов федерации, на которых они функционируют.

Что касается других высших учебных заведений, готовящих кадры для государственной и муниципальной службы, но не специализирующихся на данном направлении, то они также будут подчиняться единым требованиям подготовки государственных и муниципальных служащих, установленным новым органом государственной власти, касающимся как «контрольных цифр приема», так и стандартов и программ обучения. Однако в условиях современных преобразований в высшем образовании вполне вероятным представляется упразднение подобных подразделений в непрофильных вузах и полная передача всех полномочий по подготовке государственных и муниципальных служащих в компетенцию РАНХиГС, включая ее филиалы и представительства.

Литература

1. *Барышев В., Журавлева Т.* Российская государственная служба: с петровских времен до наших дней // Человек и Труд. 2002. № 1. С. 53–58.
2. *Гуркина Н. К.* История образования в России (X–XX века): Учеб. пособие. СПб.: СПбГУАП, 2001.
3. *Мельников В. П.* Государственная служба в России: исторический опыт: Учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2005.
4. *Реформа* государственной службы России: история реформирования с 1992 по 2000 год / Ред. и предисл. Т. В. Зайцевой. М.: Весь Мир, 2003.

References

1. *Baryshev V., Zhuravlyova T.* Russian public service: since Petrovsky times up to now // Person and Work. 2002. N 1. P. 53–58.
2. *Gurkina N. K.* Education history in Russia (the X–XX century): Textbook. SPb.: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2001.
3. *Melnikov V. P.* State service in Russia: historical experience: Tutorial. M.: RAGS publishing house, 2005.
4. *Reform* of public service of Russia: reforming history since 1992 up to 2000 years / Under the edition of T. V. Zaytseva. M.: Whole world, 2003.

И. Ю. Пешперова **Iu. J. Peshperova**

Современные аспекты международно-правового регулирования иностранного усыновления

Modern Aspects of International Legal Regulation of Foreign Adoption

Пешперова Изольда Юрьевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intlaw@szags.ru

Peshperova Izolda Juryevna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in Jurisprudence, Associate Professor
intlaw@szags.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
иностранное усыновление, коллизионные нормы, международное частное право, российское право

KEY WORDS
foreign adoptions, conflict rules, international private law, Russian law

РЕФЕРАТ
В статье рассмотрены международно-правовые основы иностранного усыновления. При этом освещаются проблемы взаимодействия норм международного права, международного частного права и национального законодательства РФ и зарубежных стран: порядок и условия усыновления, ограничение правоспособности иностранных усыновителей.

ABSTRACT
The article describes the international legal framework for foreign adoption. Problems of interaction of the norms of international law, international private law, national legislation of Russian Federation and foreign countries: the procedure and conditions of adoption, restricting the legal capacity of foreign adoptive parents.

Правоотношения в области международного (иностранного) усыновления регулируются правовыми нормами, разными как по форме закрепления, так и по юридической силе. Такое многообразие обусловлено наличием в правоотношении так называемого иностранного элемента.

Как известно, гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, регулируются международным частным правом [3, с. 30–31]. Под «иностранным» следует понимать элементы структуры правоотношения во всем их многообразии: субъект, объект, юридический факт, содержание. Неоднородность элементов правоотношения приводит к проблеме столкновения (коллизии) права разных государств, законодательство которых ко всему прочему может по-разному регулировать одни и те же правоотношения. Таким образом, возникает коллизия права нескольких государств, с которыми правоотношение связано посредством того или иного элемента правоотношения.

Поскольку международное частное право основывается на принципах свободы, диспозитивности, равенства субъектов и автономии воли, то к сфере урегулирования относятся лишь коллизии (столкновения) частного материального права иностранного государства (гражданского, торгового, семейного и т. д.), а не публичного (налогового, уголовного, финансового и т. д.). В противном случае имело бы место нарушение принципа суверенного равенства государств и принципа невмешательства во внутренние дела государства. В результате применения норм международного частного права появляется уникальный аспект правового регулирования общественных отношений — *на территории одного государства может быть применено частное право другой страны*.

С другой стороны, наличие иностранного элемента в частноправовых отношениях напрямую связано с международным аспектом правового регулирования, поскольку в правовую систему того или иного государства входят международные договоры, вступившие в силу для последнего. Без установления четкой взаимосвязи между нормами международных договоров и коллизионными нормами международного частного права невозможно представить особенности правового регулирования общественных отношений в области усыновления.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть институт международного (иностранного) усыновления вконтексте правовых норм международного права, унифицированных материально-правовых и коллизионно-правовых норм международного частного права.

Итак, основу межгосударственного сотрудничества в области усыновления составляет Конвенция ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Для РФ Конвенция вступила в силу 15 сентября 1990 г.[1]. Конвенция является источником международного права, поскольку регламентирует международные обязательства государств-участников в области защиты прав ребенка, в том числе и при усыновлении. Конвенция не определяет правовую природу «иностранного» усыновления, не раскрывает содержания отношений между усыновителем и усыновленным, поскольку относит данные вопросы к внутригосударственному праву стран-участниц. Основополагающим положением Конвенции следует считать принцип приоритета прав и законных интересов ребенка, которым следует руководствоваться и при иностранном усыновлении.

В ст. 21 Конвенции говорится, что усыновление ребенка из одной страны-участницы в другую может рассматриваться лишь в качестве альтернативного способа ухода за ребенком, если в стране происхождения он не может быть передан на воспитание или помещен в семью, а также обеспечение какого-либо подходящего ухода является невозможным[2]. Таким образом, закрепляется приоритетная форма внутреннего усыновления[3] либо использование иных форм, допустимых национальным законодательством (приемная семья, опека). Что касается защиты прав и законных интересов детей при усыновлении в другое государство-участник, то страны-участницы, в которых допускается (признается) такое усыновление, обеспечивают:

1) соблюдение норм и гарантий, которые применяются в отношении внутреннего усыновления;
2) получение разрешения компетентных органов государства на такое усыновление с соблюдением применимого закона и достоверной информации о процедуре усыновления;
3) определение статуса ребенка, в отношении которого возможно иностранное усыновление;

[1] *Конвенция* ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Собрание международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[2] Там же.

[3] По нашему мнению, под «внутренним усыновлением» следует понимать отношения, в которых отсутствует иностранный элемент, а именно у усыновителя и усыновленного должно быть общее гражданство государства, на территории которого и производится усыновление.

4) недопущение финансовых выгод при устройстве ребенка на воспитание в иностранном государстве;
5) получение согласия на усыновление законных представителей ребенка;
6) заключение двусторонних и многосторонних соглашений в области иностранного усыновления, в том числе по вопросам деятельности компетентных органов[1].

В исполнение данного положения государства-участники, к которым относится и РФ, заключили ряд международных соглашений.

Одним из таких многосторонних договоров в области международного усыновления стала Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 г.[2]. В целом Конвенция содержит унифицированные материально-правовые нормы о правовой сущности и признании правовых последствий иностранного усыновления, о создании централизованного компетентного органа по вопросам иностранного усыновления. РФ подписала, но пока не ратифицировала Конвенцию.

Так, Конвенция распространяется на полное усыновление, при котором между усыновителем и усыновленным устанавливается состояние постоянной связи как между родителями и детьми — признаются правоотношения между ребенком и его приемными родителями, возникает ответственность приемных родителей за ребенка. Если в соответствии с законодательством государства происхождения прекращаются ранее существовавшие правоотношения между ребенком и его матерью и отцом, то в принимающем государстве ребенок имеет те же права, которые вытекают из усыновления в принимающем государстве или в любом другом государстве-участнике Конвенции, где признается усыновление (ст. 26). Подчеркнем, что Конвенция четко обозначает субъектов и как следствие отношения между ними — приемные родители и ребенок, ребенок и его мать, отец по происхождению.

Согласно ст. 2 *иностранное* усыновление имеет место, когда ребенок, постоянно проживающий в одном государстве-участнике («государство происхождения»), переехал, переезжает или должен переехать в другое государство-участник Конвенции («принимающее государство») либо усыновление ребенка в государстве происхождения осуществляется супругами или лицом, которые обычно проживают в принимающем государстве[3]. Как видим, Гаагская конвенция определяет иностранный элемент в правоотношениях как место совершения усыновления, и его правовые последствия возникают на территории разных государств либо место обычного проживания усыновителя и усыновленного должны находиться на территории разных стран. Не менее важным представляется и введение понятий «принимающее государство» и «государство происхождения» с целью уточнения международного (иностранного) характера отношений усыновления.

В соответствии с Гаагской конвенцией каждое государство-участник обязано создать централизованный орган по вопросам иностранного усыновления. К компетенции такого органа отнесены следующие функции:
1) координация деятельности с централизованными органами государств-участников и национальными органами, учреждениями;
2) предоставление информации о национальном законодательстве в области усыновления;

[1] *Конвенция* ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Собрание международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[2] *Гаагская* конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 г.: [Электронный ресурс] // Усыновление в России: Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. Департамент государственной политики в сфере защиты прав детей. URL: http://usynovite.ru/document/international/convention_int (дата обращения: 3.06.2013).

[3] Там же.

3) подготовка статистических данных, стандартных форм;
4) принятие ходатайств об усыновлении от лиц, проживающих в принимающем государстве;
5) подготовка документов, информации, отчетов об усыновителях, ребенке.

В общем, под «иностранным» усыновлением следует понимать семейно-правовые отношения, в которых усыновитель и усыновленный являются гражданами разных государств либо установление усыновления имеет место за границей и осуществляется согласно иностранному законодательству. Как справедливо замечает М. М. Богуславский, именно в таких случаях используется понятие «международное», или «иностранное», усыновление [1, с. 216–217]. На наш взгляд, к «иностранному» усыновлению можно отнести и признание на территории одного государства правовых последствий усыновления, произведенного в другой стране.

Следовательно, необходимо на основе коллизионных норм международного частного права определить, с одной стороны, применимое право государства, с другой — сферу действия применимого права, т. е. правоотношения в рамках усыновления. Коллизионные нормы могут содержаться как в международных договорах, так и во внутригосударственном законодательстве.

С целью унификации коллизионно-правовых норм международного частного права заключаются договоры о правовой помощи по гражданским, семейным делам. Для стран-членов СНГ, в том числе для РФ, большое значение имеет Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.[1].

Если усыновитель и ребенок являются гражданами разных государств-участников Конвенции, то к условиям усыновления применяется право государства, гражданином которого является усыновитель, а в отношении требований согласия законных представителей, компетентного органа и ребенка, применяется законодательство, гражданином которого является ребенок. Если усыновление осуществляется супругами, являющимися гражданами разных государств — участников Конвенции, применяется законодательство обоих государств[2].

Соответственно, Конвенция СНГ допускает единоличное усыновление и усыновление супругами. Иностранным усыновление будет, когда усыновитель и усыновленный имеют гражданство разных стран — участниц Конвенции на момент подачи заявления. Подобные коллизионные нормы содержатся во многих двусторонних соглашениях о правовой помощи, в частности в Договоре между РФ и Республикой Польшей о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г.[3], в Договоре между РФ и Эстонией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 26 января 1993 г.[4].

На основе анализа национального законодательства о международном частном праве различных государств, в частности ст. 165 СК РФ от 29 декабря 1995 г.[5], ст. 22 Вводного закона к ГГУ ФРГ от 18 августа 1896 г. (в ред. от 21 сентября 1994 г.) [2, с. 599–600],

---

[1] *Конвенция* СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (в ред. Протокола от 28 марта 1997 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472; *Собрание* законодательства РФ. 2008. № 4. Ст. 224.

[2] Там же.

[3] *Договор* между РФ и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г. // Бюллетень международных договоров РФ. 2002. № 5. С. 56.

[4] *Договор* между РФ и Эстонией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 26 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров РФ. 1998. № 3. С. 12.

[5] *Семейный* кодекс РФ: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

§ 26 Федерального закона Австрии «О международном частном праве» от 15 июня 1978 г. [4, с. 162], ст. 18 Закона Турции «О международном частном праве и международном гражданском процессе» от 20 мая 1982 г. [Там же, с. 579], ст. 53 Закона Туниса «О международном частном праве» от 27 ноября 1998 г. [Там же, с. 569], ст. 38–39 Закона Италии «Реформа итальянской системы международного частного права» от 31 мая 1995 г. [Там же, с. 332], Закон Таиланда «О конфликте законов» от 10 марта 1938 г. [Там же, с. 558] можно констатировать следующее.

Во-первых, правосубъектность усыновителя определяется по личному закону физического лица[1], а именно по праву государства, гражданином которого является усыновитель[2] [2, с. 599; 4, с. 332, 558, 569]. В этой связи устанавливается, имеет ли право данное лицо быть усыновителем; какие требования предъявляет иностранное законодательство к правоспособности и дееспособности физического лица, в том числе супругов; к разнице в возрасте между усыновителем и усыновленным; к наличию родственных связей и отношений свойства между усыновителем и усыновленным; к согласию супруга и его оформлению; к правовым последствиям усыновления.

Во-вторых, правовой статус ребенка, который может быть усыновлен иностранными гражданами, подчиняется личному закону усыновляемого [4, с. 332, 558, 643–644]. Так, согласно ст. 165 СК РФ при усыновлении на территории РФ ребенка-гражданина РФ иностранными гражданами должны быть соблюдены ст. 124–126, 129–132 СК РФ[3]. Речь идет об односторонней отсылке к материальному праву РФ — личного закона усыновляемого. И таким образом на этапе определения правосубъектности иностранного гражданина по зарубежному законодательству субсидиарно применяется отечественное законодательство: определение детей, которые могут быть усыновлены иностранными гражданами; учет детей, подлежащих усыновлению; согласие родителей (опекунов), компетентных органов, ребенка[4] [2, с. 600; 4, с. 162, 332]. Требование о получении согласия на усыновление указанных лиц не только на территории отечественного государства, но и при усыновлении ребенка — гражданина РФ на территории иностранного государства соответствует международным стандартам в области иностранного усыновления[5].

В-третьих, форма и процедура усыновления подчиняются праву государства, на территории которого совершается усыновление [4, с. 332, 498, 643]. Так, в РФ досудебная процедура усыновления подчиняется закону места совершения акта (юридического факта), а определение международной подсудности и судебного производства об усыновлении подчиняется закону суда[6]. В итоге коллизионные отсылки закона места совершения юридического факта и закона суда приводят к применению права одного и того же государства — РФ.

В настоящее время институт иностранного усыновления в РФ переживает сложный период. В отечественной литературе встречается мнение о разработке административных нормативно-правовых актов, полностью запрещающих иностранное усыновление на территории РФ [5, с. 133]. Однако правовые последствия столь радикального шага могут привести к другим проблемам. Возникнет правовая неопределенность в вопросе усыновления детей-граждан РФ, постоянно про-

[1] Личный закон субъекта правоотношений — это один из основных коллизионных принципов международного частного права.

[2] *Семейный* кодекс РФ: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Конвенция* ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Собрание международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[6] *Семейный* кодекс РФ: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

живающих в иностранном государстве, либо усыновления детей-граждан РФ родственниками, имеющими иностранное гражданство. По-видимому, усыновление данных категорий детей останется предметом межгосударственного сотрудничества на уровне как коллизионно-правового регулирования, так и унифицированных материально-правовых норм.

В мае 2013 г. РФ ратифицировала Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г.[1], ужесточив тем самым меры защиты прав детей, которые могут стать жертвами указанных преступлений. Во исполнение положений Факультативного протокола, подписанного РФ в июне 2012 г., был принят Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ[2]. В связи с трагическими событиями в США с усыновленными детьми из России ст. 4 этого Федерального закона ввела полный запрет на усыновление гражданами США детей — граждан РФ без каких-либо оговорок и уточнений.

Кроме того, сложной может оказаться ситуация с подготовленным в 2011 г. Соглашением между РФ и Францией о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей, поскольку во Франции в мае 2013 г. вступил в силу закон, закрепляющий право однополым союзам усыновлять детей[3]. На наш взгляд, в данном случае вполне применима ст. 167 СК РФ, в которой говорится, что нормы иностранного семейного права не применяются, если последствия такого применения противоречат основам правопорядка (публичного порядка) Российской Федерации[4]. В этом случае будет применяться российское законодательство и может быть отказано в усыновлении таким лицам.

Безусловно, иностранное усыновление как любая другая форма устройства ребенка на воспитание требует совершенствования[5], в том числе мер ответственности и контроля на международном и национальном уровнях. Полным запретом иностранного усыновления не решить проблемы детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо использовать и другие формы устройства детей на воспитание. Представляется целесообразным добросовестно и последовательно использовать имеющиеся международный и внутригосударственный механизмы иностранного усыновления в отношении конкретного ребенка, соблюдая международный принцип приоритета прав и законных интересов ребенка.

---

[1] *О ратификации* Факультативного протокола к Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г.: Федеральный закон РФ от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ // Российская газета. № 6075 от 13 мая 2013 г.

[2] *О мерах* воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Российская газета. № 5975 от 29 декабря 2012 г.

[3] *Олланд* удовлетворен. Закон «Брак для всех»: [Электронный ресурс] // Российская газета: Информационный веб-сайт. URL: http:// www.rg.ru/2013/05/20/france.html (дата обращения: 30.05.2013).

[4] *Семейный* кодекс РФ: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[5] *Федеральная* целевая программа «Россия без сирот» на 2013–2020 гг.: [Электронный ресурс] // Россия без сирот: Веб-сайт для общественного обсуждения проекта. URL: http://www.россия_без_сирот.рф (дата обращения: 03.06.2013).

Литература

1. *Богуславский М. М.* Международное частное право: Учеб. пособие. М.: Юрист, 2004. 416 с.
2. *Гражданское* уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / Пер. с нем.; Сост. В. Бергман. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.
3. *Звеков В. П.* Международное частное право: Учебник. М.: Юрист, 2004. 703 с.
4. *Международное* частное право: Иностранное законодательство / Сост.: А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М.: Статут, 2001. 892 с.
5. *Шамрин М. Ю.* Реформирование системы административно-правового регулирования защиты прав ребенка в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2013. № 4 (59). С. 130–137.

References

1. *Boguslavsky M. M.* International private law: Manual. M.: Jurist, 2004. 416 p.
2. *Civil* code of Germany: The introduction law to the Civil Code / Translation from German; Editor V. Bergman. M.: Volters Kluver, 2006. 816 p.
3. *Zvekov V. P.* International private law. M.: Jurist, 2004. 703 p.
4. *International* private law: Foreign legislation / A. N. Zhiltsov, A. I. Muranov (eds). M.: Statute, 2001. 892 p.
5. *Shamrin M. Yu.* Reforming of system of administrative and legal regulation of protection of the rights of the child in the Russian Federation // Eurasian legal magazine. 2013. N 4 (59). P. 130–137.

В. А. Плотников **V. A. Plotnikov**

Социальная поддержка в образовании в контексте управления человеческим капиталом

Social Support in Education in the Context of Human Capital Management

Плотников Владимир Александрович
Юго-Западный государственный университет (г. Курск)
Профессор кафедры региональной экономики и менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
plotnikov_2000@mail.ru

Plotnikov Vladimir Alexandrovich
Southwest State University (Kursk)
Professor of the Chair of Regional Economy and Management
Doctor of Science (Economics), Professor
plotnikov_2000@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
человеческий капитал, инновационное развитие, образование, социальная поддержка, управление развитием

KEY WORDS
human capital, innovation, development, education, social support, management of development

РЕФЕРАТ
Трансформация социально-экономических основ российского общества предъявляет новые требования к качеству человеческого капитала, который во многом формируется национальной системой образования. В статье рассмотрены роль и механизмы влияния социальной поддержки обучающихся на управление развитием человеческого капитала.

ABSTRACT
The transformation of the socio-economic foundations of Russian society is placing new demands on the quality of human capital, which is largely shaped by the national system of education. The paper discusses the roles and mechanisms of social support for students to manage the development of human capital.

Современное российское общество находится на достаточно сложном этапе развития, что связано с его многоуровневыми трансформациями. К числу наиболее существенных из них, по мнению автора, можно отнести изменение базовых ценностей и принципов поведения людей, вызванное сменой типа государственного устройства; развитие национального самосознания и связанные с этим процессы поиска этнической идентичности; унификация общественных институтов под влиянием глобализации; всемерная информатизация процессов жизнедеятельности, хозяйственных отношений, государственного и муниципального управления, в том числе приводящая к миграции социальных процессов в виртуальную среду.

Эти трансформации как объективного характера, так и инициированные субъективными решениями в рамках проводимых в стране реформ явились причиной многочисленных проблем в социальной сфере, которые непосредственно отражаются на уровне жизни людей, состоянии и перспективах изменения показателей, характеризующих качество жизни.

В качестве примера укажем, что по информации, приведенной в «Демографическом ежегоднике России» за 2012 г. [6, с. 529–530], средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в нашей стране (2011 г.) составляла для мужчин 64,0 года, женщин — 75,6 лет. При этом в более стабильных обществах эти показатели выше. Так, в Австралии (2008–2009 гг.) — 79,5 и 84,0, Бразилии (2010 г.) — 68,8 и 77,3, Франции (2010 г.) — 78,3 и 85,3 соответственно. Аналогичные примеры можно привести и по другим показателям.

Безусловно, одним из главных факторов, определяющих социальную динамику, является экономический. Материальные условия жизни, экономическая доступность основных товаров и услуг существенно влияют на качество жизни населения. И в этой связи необходимо обратить внимание на структурные сдвиги в самой экономической системе. Они связаны с возрастанием в современных условиях значимости такого фактора экономического роста, как человеческий капитал [8–11 и др.]. Структурные сдвиги в экономике изменяют приоритетность ресурсов, в результате чего на первый план выходят те из них, которые способствуют интенсификации процессов капиталообразования, связанного с развитием способностей людей генерировать доходы [7].

Отметим, что в нашей стране значимость мер по регулированию ускоренного формирования человеческого капитала официально признана на правительственном уровне. В частности, на его ускоренное накопление, преодоление негативных тенденций в этой сфере были направлены приоритетные национальные проекты, реализованные в период второго президентского срока В. В. Путина, касавшиеся развития образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и аграрно-промышленного комплекса. При этом если первые два направления касались непосредственно мер по стимулированию капиталообразования, т. е. могут быть отнесены к прямым методам государственного воздействия на человеческий капитал, то вторые два были призваны влиять на него косвенно, через создание комфортных условий (обеспечение жильем и качественным продовольствием) жизнедеятельности населения.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) отдельный раздел посвящен развитию человеческого потенциала. В этой области планируются «системные преобразования двух типов: направленные на повышение конкурентоспособности кадрового потенциала, рабочей силы и социальных секторов экономики; улучшающие качество социальной среды и условий жизни людей. Они охватывают среднесрочные и долгосрочные цели, приоритеты и основные направления демографической политики, политики модернизации здравоохранения и образования, развития пенсионной сферы и социальной помощи, развития культуры, формирования эффективных рынков труда и жилья».

Заметим, что понимание важности человека как субъекта и объекта социально-экономического развития сформировалось достаточно давно. В теории же человеческого капитала эти взгляды нашли свое адекватное закрепление. Современная теория человеческого капитала получила развитие в работах Г. Беккера, Б. Вейсброда, Дж. Минцера, Б. Л. Хансена, Т. Шульца и ряда других ученых в 1950–1980-е гг. При этом исторические корни ее могут быть найдены в работах Т. Витстейна, К. Маркса, У. Петти, А. Смита,У. Фарра, Э. Энгеля и многих других экономистов классического и неоклассического направлений.

Основной вклад в популяризацию и развитие идеи человеческого капитала, по нашему мнению, был внесен Т. Шульцем. Человеческий капитал в его трактовке — это имеющийся у каждого индивида запас знаний, навыков и мотиваций, которые при их использовании в хозяйственных процессах способны приносить

обладателю человеческого капитала чистый доход. Основными направлениями инвестиций в человеческий капитал принято считать: образование; накопление производственного опыта; охрану здоровья; обеспечение географической мобильности людей; поиск информации.

Важной особенностью человеческого капитала как научной категории является его двойственный характер. Действительно, с одной стороны, его можно рассматривать наравне с другими видами капитала — торговым, финансовым, промышленным и т. д. Основа такого подхода — универсальное свойство капитала генерировать доход. Но, с другой стороны, закономерности формирования и развития человеческого капитала подчиняются не только неоклассической экономической логике максимизации чистого дохода, но также обусловлены социальными, психологическими и иными неэкономическими факторами, проявляющимися и через поведение человека, его систему ценностей, особенности мышления и мировосприятия, механизмы социального взаимодействия.

Один из важных компонентов инвестиций в человеческий капитал — образование. Это признается не только отраслевыми экспертами и исследователями, но и на официальном уровне. Так, Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (действующая редакция) в пункте 1 статьи 1 устанавливает: «Российская Федерация провозглашает область образования приоритетной». Анализу образования с позиций человеческого капиталообразования посвящено достаточно много работ. Причем интерес к этой проблематике в современной России актуализируется двумя важными факторами:

1) ситуационным (продолжающимся реформированием национальной системы образования [2; 3], не всегда встречающим поддержку как у населения, так и у профессионального сообщества. Эти реформы (пересмотр стандартов обучения, введение ЕГЭ, укрупнение вузов и др.) сопровождаются активной не только научной, но и общественно-политической дискуссией);
2) фундаментальным (формированием основ нового типа хозяйственной системы, получающей различные обозначения: экономики, основанной на знаниях, инновационно-креативной экономики, информационной экономики и т. д. Суть этой трансформации — в возрастании роли человека и информации как ключевых факторов социально-экономического развития. Причем эти два фактора рассматриваются совместно, в системной взаимоувязке. Значимость образования в формировании хозяйственной системы нового типа определяется тем обстоятельством, что через систему образования происходит тиражирование знаний, распространение информации, прививаются навыки ее обработки).

Следует отметить, что сам феномен образования многогранен и включает в себя много аспектов. Эта идея в сжатом виде нашла отражение в преамбуле Закона Российской Федерации «Об образовании»: «Под образованием... понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов). Под получением гражданином (обучающимся) образования понимается достижение и подтверждение им определенного образовательного ценза, которое удостоверяется соответствующим документом».

В составе образовательной деятельности законодательно выделяется в явном виде, по крайней мере два направления: обучение (передача знаний, которая строится на формально-информационном взаимодействии субъектов образовательной деятельности) и воспитание (подразумевает наличие эмоциональных, культурных, ценностных, социально-психологических и иных слабоформулизуемых форм взаимодействия).

В приведенной выше формулировке содержится ключевое противоречие, определяющее, по мнению автора, большинство проблем в образовательной сфере современной России (см. выше рассуждение о ситуационном факторе). Если прочитать ее внимательно, то выясняется, что с управленческих позиций она некорректна. Действительно, образование, провозглашенное двухкомпонентной категорией, оценивается и трактуется более узко, однокомпонентно — как, прежде всего, обучение. Если проанализировать вектор направленности современных образовательных реформ в России, то выясняется, что они осуществляются в соответствии с трактовкой, приведенной в законе: превалирует информационная компонента, тогда как воспитательная воспринимается как второстепенная.

Автор придерживается более широкой трактовки образования, с приоритетизацией именно воспитательной компоненты. Эта точка зрения перекликается с альтернативным определением образования, приведенным в одном из словарей[1]: «Образование — процесс и результат усвоения человеком общего и специализированного социального опыта, систематизированных знаний, умений, а также общественных норм и ценностей; одно из важнейших средств социального регулирования, консолидации и воспроизводства общества и повышения уровня его адаптивных возможностей в постоянно меняющихся исторических условиях. В процессе образования происходит инкультурация и социализация личности, освоение человеком определенной функциональной роли в общественном разделении труда».

Иначе говоря, важнейшая функция образования — это социализация личности, создание предпосылок для интеграция человека в социум [4; 10; 12 и др.]. Опыт показывает, что специалисты с глубокими профессиональными знаниями, т. е. со значительным запасом человеческого капитала, не всегда в состоянии успешно интегрироваться в систему хозяйственных связей, т. е. их запас индивидуального капитала может остаться невостребованным. Причина этого — недостаточная социализация личности.

Особенно убедительны такие примеры с трудовыми мигрантами (например, гражданами среднеазиатских республик, приезжающими на заработки в Россию, или россиянами, ищущими работу, скажем, в Германии). Их сложности трудоустройства по специальности связаны не только с отсутствием признания дипломов и иных документов, подтверждающих квалификацию, на международном уровне. А также не с языковым барьером, который зачастую легко преодолевается. Свою немаловажную роль играют и социальные барьеры.

Таким образом, по нашему мнению, в современной российской практике сложился определенный «перекос» в восприятии образования. Оно преимущественно трактуется как обучение. При этом вопросы социализации обучаемых отходят на второй план. Этим (не только этим, существуют и другие влияющие факторы) определяются не всегда приемлемые результаты образовательного процесса. В качестве примера можно привести негативную практику сдачи школьниками ЕГЭ с использованием различного рода мошеннических приемов, описанием которых изобилуют российские СМИ (фиктивный перевод в другие школы в конце последнего года обучения, исправление результатов за взятки, многочисленные и разнообразные подлоги, пользование интернет-подсказками и др.).

В результате, получая при сдаче этого тестового испытания знания, школьники получают существенный негативный социальный опыт. Упомянутые приемы воспитывают асоциальный тип поведения, доказывают его успешность в со-

[1] *Большая* актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова, О. Матвейчева: [Электронный ресурс]. URL: http://www.politike.ru/dictionary/839/word/obrazovanie (дата обращения: 01.05.2013).

временном российском обществе. Далее подобные модели поведения получают закрепление при получении среднего профессионального и высшего профессионального образования и тиражируются в хозяйственной деятельности. На борьбу с ними тратятся значительные ресурсы. Но это подобно деятельности по откачиванию воды из трюма судна, имеющего пробоину. Это — бесконечный процесс с заранее заданным отрицательным результатом. Более эффективным будет сначала ликвидировать «пробоину», а лишь потом приступить к «откачке воды». Следовательно, требуется большее внимание уделять социальным, воспитательным вопросам функционирования системы образования.

В частности, мы хотим обратить внимание на такую составляющую современной системы образования, как социальная поддержка обучаемых [14; 18]. Ее необходимость обусловлена тем, что в процессе обучения и социального взаимодействия обучаемые сталкиваются с большим числом проблем, затрудняющих как получение новых знаний, так и процессы их социализации. Сначала разберемся с самим термином.

Категория «социальная поддержка» широко изучается лингвистикой, педагогикой, психологией, социологией и рядом других научных дисциплин. Само это понятие, его атрибутивные признаки и особенности реализации рассматриваются в работах Т. В. Анохиной, О. С. Газмана, И. Б. Котовой, Н. Б. Крыловой и многих других специалистов. Обобщающий обзор этих взглядов выполнен Е. В. Янкиной, в статье [19] которой эта категория получила всестороннее рассмотрение.

Автор согласен с выводом указанного специалиста, что социальная поддержка является одним из основных факторов, определяющих успешное решение проблем в коммуникации, а также состояние здоровья и субъективного благополучия ее участников. Реализуясь через множество форм, социальная поддержка направлена на формирование комфортного, равновесного душевного состояния людей, помогая, таким образом, преодолевать им различные затруднительные (при этом степень затруднительности может быть различная, обусловленная различными внешними и внутренними факторами, в том числе личностно-психологическими) жизненные ситуации, в том числе возникающие в процессе обучения.

Проведя анализ литературы, в которой прямо или косвенно затрагивается проблематика социальной поддержки в образовании [1; 5; 13; 15–17 и др.], мы пришли к выводу, что эта категория в отечественной науке и образовательной практике рассматривается с двух позиций (при этом, безусловно, все меры социальной поддержки реализуются с опорой на имеющуюся правовую базу).

1. Социальная поддержка обучаемых — одна из форм функционирования системы их социальной защиты. Она направлена на разрешение возникающих у них проблем, сглаживание социальных диспропорций. Особенно часто в данном контексте речь идет о «трудных» подростках школьного возраста, обучаемых с ограниченными физическими возможностями (инвалидах), детях-сиротах, студентах из регионов, подвергнутых террористическим атакам, и т. д.

В этом случае система социальной поддержки неявно опирается на некий социальный «норматив» (поведения, статуса, здоровья, уровня доходов семьи и др.), не обязательно выраженный количественно и качественно, но непременно подразумеваемый. И задача социальной поддержки при таком подходе состоит в «подтягивании» конкретного обучаемого до уровня этого норматива. При этом могут использоваться как экономические инструменты (освобождение студентов от платы за общежитие, выплата им гарантированной социальной стипендии независимо от успеваемости и др.), так и социально-психологические (консультации психологов, вовлечение в различные общественные проекты, дополнительные занятия и др.).

Главным достоинством такого подхода нам видится возможность снижения

дифференциации обучаемых, обусловленной слабо зависящими от них причинами. Это приводит к «выравниванию» психологического климата в группах обучаемых, установлению между ними более тесных контактов, устранению ощущения неполноценности у людей, не соответствующих упомянутым социальным стандартам. В конечном итоге это положительно сказывается на усвоении новых знаний, а значит, приводит к формированию человеческого капитала более высокого качества.

Одновременно следует отметить недостатки рассматриваемого подхода. Они обусловлены тем, что упомянутый социальный стандарт зачастую не имеет строгого правового закрепления, что приводит к размытости адресной аудитории обучаемых, нуждающихся в социальной поддержке. Кроме того, в ряде случаев в отечественной правовой базе и практике управления образовательными учреждениями обучаемый должен самостоятельно доказывать нуждаемость, т. е. подтверждать свой статус индивида, не соответствующего социальному стандарту. Очевидно, что это способствует усилению психологического травмирования некоторых обучаемых, а также приводит к формированию искаженных представлений о получателях социальной поддержки и реально нуждающихся в ней.

2. Социальная поддержка обучаемых — способ развития их индивидуальности. В этом случае речь не идет о наличии стандарта, нивелирующего характеристики обучаемых, но о дифференцировании обучаемых в соответствии с их личностными и иными особенностями.

В отличие от предыдущего подхода, где на социальную поддержку могут рассчитывать лишь отдельные обучаемые и их группы, в данной трактовке социальная поддержка становится более широкой, она ориентирована на всех обучаемых. Очевидно, что с процедурной точки зрения реализация ее мероприятий должна включать аналитический (выявление особенностей обучаемых, требующих развития) и конструктивный (реализация мероприятий, направленных на развитие тех или иных качеств) этапы. Эти этапы тесно связаны посредством проведения непрерывного мониторинга.

Примерами мер социальной поддержки в рамках второго подхода являются туристско-экскурсионные мероприятия, проводимые со студентами, организация встреч с известными людьми, осуществление студенческого обмена (в том числе международного), организация с обучаемыми дополнительных занятий (факультативов), расширение перечня дисциплин по выбору в вузах, организация работы студенческих клубов, спортивных секций, кружков по интересам и др.

Основными преимуществами второго подхода к осуществлению социальной поддержки обучаемых являются: охват ею всего контингента обучаемых; ориентация на личностное развитие, что способствует формированию системой образования человеческого капитала более высокого качества; более полный учет индивидуальных особенностей обучаемых.

В то же время эффективность социальной поддержки, ориентированной на индивидуальное развитие, весьма чувствительна к качеству аналитической работы и мониторинга, а также к уровню социальной активности самих обучаемых. Эта зависимость может нивелировать усилия по оказанию поддержки обучаемым. В то же время в данном подходе отсутствуют четкие критерии и показатели оценки результативности социальной поддержки, что порождено отсутствием задаваемого в предыдущем случае социального стандарта, являющегося базой для сравнения. В результате выделяемые на социальную поддержку ресурсы могут расходоваться недостаточно эффективно.

Два рассмотренных подхода к изучению и реализации на практике социальной поддержки обучаемых принципиально не противоречат друг другу и могут, по мнению автора, использоваться совместно, комплексно. Это позволяет, с одной стороны, гарантировать (вследствие применения первого подхода) превышение минимально допустимого уровня социализации обучаемых, а с другой — способствует их социальной

дифференциации на основе интенсификации индивидуального развития (вследствие применения второго подхода). Именно такая комплексная социальная поддержка способствует росту количественных и качественных характеристик человеческого капитала, формируемого у обучаемых образовательной системой.

Литература

1. *Антонова Л. Н.* Педагогическая поддержка детей группы риска // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2011. № 1. С. 14–17.
2. *Багров Н. М.* Высшее образование в современной России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 3. С. 94–102.
3. *Багров Н. М.* Высшее образование России — годы реформ // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 2. С. 153–162.
4. *Березин А. Е.* Социальная политика современной организации высшего образования // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 1 (14). С. 127–131.
5. *Болотова М. И., Насибуллина А. Д.* Основные направления социально-педагогической поддержки семьи в учреждении дополнительного образования детей // Здоровье семьи — 21 век. 2010. № 4. С. 1.
6. *Демографический* ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 535 с.
7. *Ершова И. Г., Вертакова Ю. В.* Систематизация подходов к прогнозированию потребности в трудовых ресурсах // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8, № 1. С. 53–60.
8. *Жаравина В. А., Плотников В. А.* Гуманизация экономического роста как ключевая тенденция процесса перехода к экономике, основанной на знаниях // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2009. № 1. С. 5–10.
9. *Зусев Г. Ю., Плотников В. А.* Социальные закономерности и роль человека в современном экономическом развитии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2011. Т. 2, № 119. С. 22–26.
10. *Кривоносов И. А.* Программа формирования благоприятного имиджа вуза как инструмент социального управления // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 5. С. 77–79.
11. *Крутинь Е. В.* Инновационная экономика как тип хозяйства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 4. С. 85–88.
12. *Мурадова Н. С., Ерахтина Т А.* Актуализация проблемы социализации старших школьников в Российской Федерации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 324–329.
13. *Силантьева Т. А.* Социальная поддержка как ресурс саморегуляции в ситуации инвалидности // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 1. С. 148–153.
14. *Соколова Н. А.* К вопросу о сущности понятия «социально-педагогическая поддержка ребенка в дополнительном образовании» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10. С. 110–115.
15. *Старик И. Н.* Доступность образования для людей с ограниченными возможностями здоровья // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 80–84.
16. *Трегубова Т. М.* Студент вуза как объект и субъект социально-педагогической работы в условиях международной образовательной интеграции // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 2. С. 193–197.
17. *Филипова А. Г.* Институт социальной поддержки в системе социальной защиты детства // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. Т. 2, № 12. С. 48–55.
18. *Шамсутдинов И. Г.* Социально-педагогическая работа в современном вузе: новые парадигмы, интернационализация, образовательный перенос // Образование и саморазвитие. 2011. Т. 3, № 25. С. 48–53.
19. *Янкина Е. В.* К вопросу о содержании понятия «социальная поддержка» (языковой аспект) // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2011. Т. 7, № 9. С. 102–105.

References

1. *Antonova L. N.* Pedagogical support of children of group of risk // Messenger of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogic. 2011. N 1. P. 14–17.
2. *Bagrov N. M.* The higher education in modern Russia // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2011. N 3. P. 94–102.
3. *Bagrov N. M.* The higher education of Russia — years of reforms // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2013. N 2. P. 153–162.
4. *Berezin A. E.* Social policy of the modern organization of the higher education // Messenger of Volga Region Academy of Public Administration. 2008. N 1 (14). P. 127–131.
5. *Bolotova M. I., Nasibullina A. D.* The main directions of a social and pedagogical family support in institution of additional education of children // Family Health — 21 century. 2010. N 4. P. 1.
6. *Demographic* year-book of Russia. 2012: Statistics digest / Rosstat. M., 2012. 535 p.
7. *Ershova I. G., Vertakova Yu. V.* Systematization of approaches to forecasting of requirement for a manpower // Region: systems, economy, management. 2010. Vol. 8, N 1. P. 53–60.
8. *Zharavina V. A., Plotnikov V. A.* Humanization of economic growth as a key tendency of process of transition to the economy based on knowledge // Scientific Notes of the St. Petersburg University of management and economy. 2009. N 1. P. 5–10.
9. *Zusev G. Yu., Plotnikov V. A.* Social regularities and a role of the person in modern economic development // Scientific and technical papers of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2011. Vol. 2, N 119. P. 22–26.
10. *Krivonosov I. A.* Program of formation of favorable image of higher education institution as instrument of social management // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2011. N 5. P. 77–79.
11. *Krutin' E. V.* Innovative economy as economy type // News of St. Petersburg University of Economics and Finance. 2012. N 4. P. 85–88.
12. *Muradova N. S., Erakhtina T. A.* Updating of a problem of socialization of the senior school students in the Russian Federation // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanitarian and Social sciences. 2009. N 3. P. 324–329.
13. *Silantyeva T. A.* Social support as a self-control resource in a disability situation // Actual problems of psychological knowledge. 2013. N 1. P. 148–153.
14. *Sokolova N. A.* On a question of essence of the concept «social and pedagogical support of the child in additional education» // Messenger of the Orenburg State University. 2006. N 10. P. 110–115.
15. *Starik I. N.* Availability of education for people with limited opportunities of health // Theory and practice of social development. 2011. N 2. P. 80–84.
16. *Tregubova T. M.* The student of higher education institution as object and the subject of social and pedagogical work in the conditions of the international educational integration // Messenger of the Kostroma State University of N. A. Nekrasov. Series: Pedagogic. Psychology. Social work. Yuvenologiya. Sociokinetika. 2010. Vol. 16, N 2. P. 193–197.
17. *Filipova A. G.* Institute of social support in system of social protection of the childhood // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2012. Vol. 2, N 12. P. 48–55.
18. *Shamsutdinov I. G.* Social and pedagogical work in modern higher education institution: new paradigms, internationalization, educational transfer // Education and self-development. 2011. Vol. 3, N 25. P. 48–53.
19. *Yankina E. V.* On a question of the content of the concept “social support” (language aspect) // News of the Volgograd State Technical University. 2011. Vol. 7, N 9. P. 102–105.

A. S. Ilyin
D. V. Makhnev
V. V. Yanovsky

А. С. Ильин
Д. В. Махнев
В. В. Яновский

Favorable Innovation Climate of the Region – Project Approach

Благоприятный инновационный климат региона – проектный подход

Ilyin Alexey Sergeevich
North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg).
Senior Lecturer of the Chair of Local Government and Regional Development

Ильин Алексей Сергеевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Старший преподаватель кафедры местного самоуправления и территориального развития

Makhnev Dmitry Viktorovich
North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student
makhnev@gmail.com

Махнев Дмитрий Викторович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
makhnev@gmail.com

Yanovsky Valery Vitalyevich
North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Local Government and Regional Development
Doctor of Science (Economics)
ianovski@mail.ru

Яновский Валерий Витальевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург).
Профессор кафедры местного самоуправления и территориального развития
Доктор экономических наук
ianovski@mail.ru

KEY WORDS
regional economy, congenial innovation climate, KPI principles, diffusion of innovations

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
региональная экономика, благоприятный инновационный климат, принципы KPI, диффузия инноваций

ABSTRACT
The role of actors of the innovation process and the role of government in creating congenial innovation climate in the region are considered in the article. A project approach in order to solve problems of regional development is proposed in the article.

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается роль участников инновационного процесса в устойчивом развитии региона, а также роль государства в создании благоприятного инновационного климата в регионе. Также предлагается применение проектного подхода для решения задач устойчивого развития региона.

It is now highly recognized that innovation is a key growth driver: top ranking companies like Apple, Google, Toyota Motor and others are leaders in innovation. National governments and leaders are also increasingly recognizing the importance of innovation as a driver for sustainable development and many are proactively taking measures to create the right infrastructure to facilitate innovation [5].

The problem of “immunity” of Russian economy to innovations remains since the

period of USSR. We suppose the problem is in the idea of embedding itself: an attempt to embed any novelty in an existing social-economic system from the outside implies that either this system will transform, or it will reject a novelty. A functioning system will always reject any attempt to transform it. Besides the system transformation (including the transformation of a social-economic system of a region) occurs only forcedly, it usually has a structural nature: a purchase of a new equipment leads to changes in manufacturing process and remuneration plan followed by changes in product cost, quality, marketing etc.

As "where there's demand, there's supply", all necessary knowledge and inventions will be finally created in the market system, but the main question is how long it will take. That is why it is important to permanently monitor the system with its environment and interrelations, to trace all evolution processes inside it, to forecast its near-term state and to breed above mentioned demand in advance. It is also crucial to have a developed and mobile R&D system that will be able to supply such demand — and here is the functional place of science. In this case we do not face usual implementation problems. Experience of the USA in this field gives us a very important conclusion: the activity of searching for people with entrepreneurial spirit should be decentralized. Venture industry is a typical example: it rejects approximately 90% of all ideas, but at the end the system sifts out the most noteworthy start-ups from a great number of nonsensical and prospectless projects.

Recently The President of Russian Federation stated the problem of the low labour productivity. Perhaps in the nearest future the law, that prohibits the employment of all equipment that is older than 5 years, will become the main innovation law. There is another way to stimulate firms based on Japanese and Korean experience: if an entrepreneur buys modern equipment, government will grant tax of custom privileges. Moreover, may be there should be an official standing regarding the amount of money all public enterprises must spend on research and development. Obviously, modernization of Russian economy requires the systematic approach, which in the process of economy regulation becomes apparent in the project management.

We suggest dividing all above mentioned problems into two parts. The first is a creation of a congenial economic climate in the region [13], and the second is to provide the innovation growth of the regional economy.

Project management can help government to adapt to the changing dynamics of the environment, and it is probably the ideal management tool for coping with a fast-changing world. Certainly, project management will not guarantee that public sector will accomplish great and wonderful things, but it will increase the probability that it will [12].

It is reasonable to set up a regional standard based on KPI (key performance indicators) principles in order to create a congenial innovation climate in the region. In this case "A Standard of the activities of the executive authorities of subjects of Russian Federation in order to provide a congenial investments climate in the region", developed by "Business Russia" ("Delovaya Rossija") and "Agency of strategic initiatives" could be taken as an example [3].

Generally, four main actors can be distinguished in the innovation process on the regional level: government, firms, educational sector and users (customers).

The educational sector produces most of the labour force as well as the highly qualified personnel, but both groups make significant contributions to innovation. The education sector also creates knowledge which can be made freely available through publication, or it can be commercialized and sold.

The government sector is responsible for building and maintaining some of the boundaries of the innovation system. It is also the source of new policies and their implementation, and that makes the government sector key to the discussion [2].

Joseph Schumpeter in his book "Capitalism, socialism and democracy" underlined the role of entrepreneurs whose main function is to reform or revolutionize the pattern of production by exploiting an invention or, more generally, an untried technological possibility for producing a new commodity or producing an old one in a new way, by opening up a new source of supply of materials or a new outlet for products, by reorganizing an industry and so on [10]. The essence of trying something new, of innovation, is that outcomes are uncertain in this sense, with success never a sure thing. And where and when a considerable amount of innovation is going on, created by different economic actors, the ecosystem is particularly uncertain. In such a context, considerable progress may be being made by the economy as a whole, but through a process of "creative destruction" that involves losers as well as winners [6].

Customers in the market regarding new technologies and new innovative products play the role of the institute of the competitive selection: successful innovations flourish while unsuccessful ones die out [11].

A general historical intuition is that economic development is intertwined with the change in the institutions supporting the generation, diffusion and exploitation of technological knowledge and with change in corporate organizations and strategies [1].

Carlotta Perez and Christopher Freeman have proposed that the key technologies and industries of different eras generally require different sets of supporting institutions. Their argument is that the nations that tend to be leaders in the different eras are those that had, or managed to build, the appropriate set of institutions. At the same time, nowadays, according to Richard Nelson, achieving the needed reforms in a country's economic structure may well be a more difficult task than gaining the scientific and engineering knowledge needed to operate the new technologies [6].

The role of institutions is an enormously complex topic. It is probably where economic theory at its weakest and modeling of institutions is still at a highly rudimentary stage [1]. Understanding better the processes of institutional evolution, and how those processes interact with the evolution of technologies and firm and industry structures, may be the key to understanding the processes of economic catch-up [6].

It is obviously, that for countries aiming to catch up, developing the capabilities for learning and innovation in firms is the heart of the challenge. However, a strong system of university and public labs research can play a very important supporting role [Ibid]. Actors of the innovation process are connected with each other and it is their interrelation that plays the key role in the innovation process on the regional level and in the development of the region.

According to Christopher Freeman and Bengt-Ake Lundvall innovation is an interactive process and the interaction between user and producer can take three different forms: exchange of products, exchange of information and cooperation [4]. However, the interrelations between the actors of the innovation process are not as strong as they could be. For example, the fact that most universities have rather weak relationships to industry and the fact that most attempts to strengthen the interaction have failed, has put this item on the agenda of national governments, and international organizations [Ibid].

The effective interrelations between government, firms, educational sector and consumers are essential for the innovation process. There is a complex system of interaction between the actors of the innovation process of the region (Fig. 1). The main questions for government should be: "How to promote and foster innovation?" [2]. This question leads us to another one: "How government can intensify the interrelations between actors of the innovation process?" The influence of government can augment collaboration processes that will result in a synergetic effect, which will lead to the creation of additional opportunities for the development of all actors.

It is important to emphasize, that the development of a social-economic system

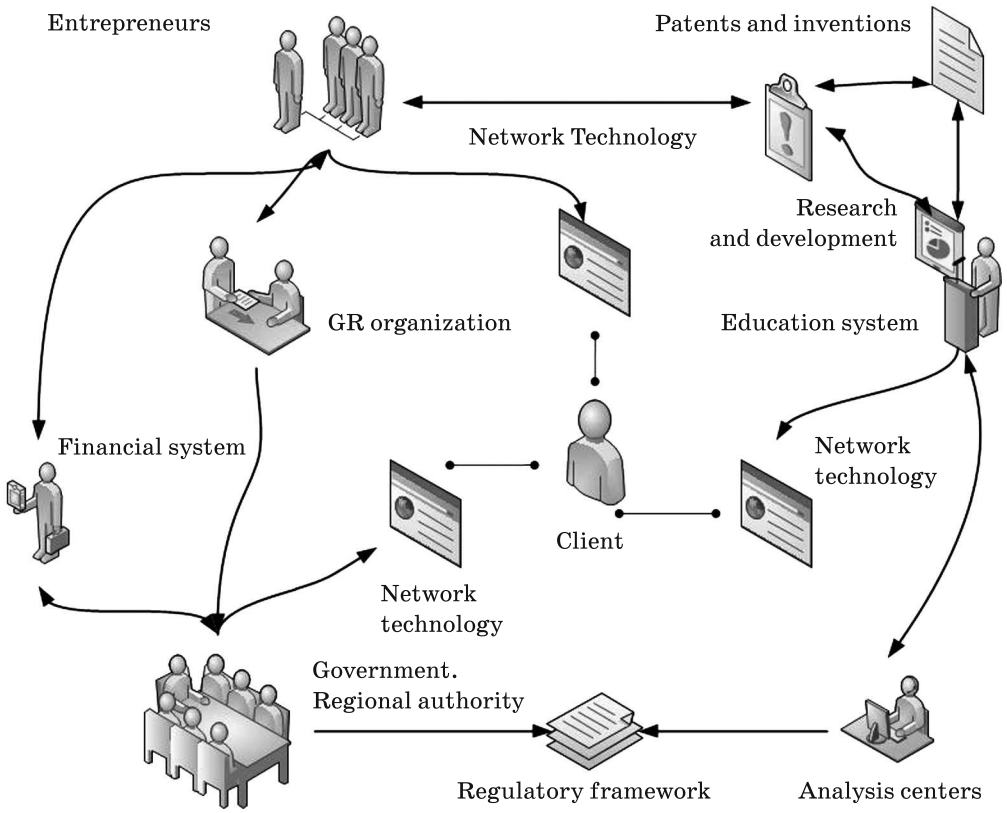


Fig. 1. The scheme of interaction between actors of innovation process of the region

of the region is a construction of new economic levels, which are higher than existing ones in a qualitative sense. Economic level is an aggregate of enterprises with similar technologies, resources and production. Nowadays a potential of timely reorientation of resources from technologically backward productions to technologically advanced ones becomes a criteria of the effectiveness of organization systems on all levels of economics.

We suppose, that the average growth rate of cutting-edge industries (the speed of elimination of technological multiplicity) V is inversely proportional to the effectiveness of territorial social-economic system E_{SES}. Then assume that k is an average speed of the diffusion of innovations:

$$V = \frac{k}{E_{SES}}. \qquad (1)$$

Basic growth rate of N-th industry R_{gb}^{N} is easy calculated:

$$R_{gb}^{N} = \frac{Y_N}{Y_0}, \qquad (2)$$

where y_N — current level of industry development, y_0 — basic level for comparison.

In our case: $V = \frac{\sum_N T_{gb}^{N}}{N}$, inserting it to (1) results in:

$$E_{SES} = k\left(\frac{N}{\sum_N T_{gb}^{N}}\right). \qquad (3)$$

As follows from eq. 3, the effectiveness of territorial social-economic system is proportional to the number of cutting-edge industries in the economy of the region and to the average speed of the diffusion of innovations [5].

Competitive resources are vital for the regional innovation process. Competitive resources mean everything that attracts attention of the target consumers.

The objective of setting up a sustainability of competitive advantage consists in creating of a special uniqueness and value impossible to copy. There are two main ideas of sustainable competitive advantage: idea of secure market positioning and idea of unique resource potential [7, 8].

According to the first one competitive advantage lies in choosing and protecting a market niche (niche specialism). It is not a worth recommending strategy for all regions, but some may find it suitable. According to the second idea competitive advantage is provided by unique internal resources and this approach seems to be perspective especially for urban agglomeration.

In our point of view, setting up the sources of competitive advantages, which provide a sustainable economic growth and increase a quality of life, should be fulfilled based on innovation foundation and using investments to raise returns to resources. Innovations should be interpreted as a natural way of gaining competitive advantages in a market economy, because they play an essential role in effective usage of simple and creating specialized competitive factors (according to M. Porter). Investments must ensure a global competitiveness for the region based on innovations and cutting-end technologies, providing its sustainable development [14].

Government should find key factors of regional policy that should lead to a creation of innovative environment, where new projects and startups will flourish. It requires a systematic and complex approach and should begin with analyzing and understanding of the regional innovation system, its structure, components and agents, their interrelations and behaviors and their influence on the overall system behavior.

Afterwards it is vital to create a model of the innovation system with all interrelations between participants of innovation process in the region. Using this complex model as a basis will help to find ways of intensification economic and innovation processes by force of government contribution. While modeling it is important to take into account the works by Philippe Aghion, Peter Howitt and especially Paul Romer, who was the first to develop the idea of the model of endogenous growth instead of exogenous: “From the point of view of policy advice, growth theory had little to offer. In models with exogenous technological change and exogenous population growth, it never really mattered what the government did” [9].

Measures to raise the effectiveness of the R&D sector and its integration to a global economy mostly become apparent in increase of the role of Russia as a knowledge provider. Stimulation of the entrepreneurial sector demand on innovations could lead to enlargement of foreign technologies import that will increase the risk of “impoverishing” development. In this case a capitalization of R&D sector will take place mostly outside Russia and business sector resources will be excluded from the R&D sector reproduction chain.

At the same time an attempt on providing system integrity of Russian economy based on innovation development fraught with risks:

1) A possible intention to restrict the direction of fundamental research within problems that are relevant for technologically backward entrepreneurial sector will cause a negative effect on a potential of long-term economic growth.
2) Stimulation of technological innovations in terms of depreciated manufacturing capabilities is ineffective. Making a switch of investment demand on domestic supply could create additional barriers for import of technologies and equipment that will slow down the rate of industrial modernization and will threaten competitiveness of the region.
3) Criteria of competitiveness cannot be universal, so it is important to proceed from principle of relativity. It means that specific industries that are ready to be competitive should be oriented to the world market, and backward industries

important for sustainable development should be measured up with domestic competitors.

4) Therefore the role of government is as important as the role of institutions in organization of regional economy.

Today competitiveness is determined by the effectiveness of usage of the regional resources such as capital and labour force in comparison with other regions. Regional competitiveness is a capability to produce services and goods in the terms of free market, selling of which increases a common weal in the region and the whole country.

Sustainable development could be based only on a capital and labour productivity growth switching to a new "case of resources". A foundation of this case in the modern economy consists of:

- mobile labour force with modern key competences;
- cutting-edge technologies;
- legal, transport, communication and trade integration to open markets;
- competitive market positions (global brands, distribution channels etc.);
- corporations-residents, implementing growth strategies on global markets.

Nevertheless, economic incentives for technological modernization of industries and social direction of economy are not formed yet on the regional level. That is why many processes in Russian economy cannot be kept within classical schemes and models of real market economy.

References

1. *Dosi G., Freeman C., Fabiani S.* The Process of Economic Development: Introducing Some Stylized Facts and Theories on Technologies, Firms and Institutions // Industrial and Corporate Change. 1994. Vol. 3, N 1.
2. *Gault F.* Innovation Strategies for a Global Economy. Development, Implementation, Measurement and Management. International Development Research Centre, 2010.
3. *http://www.asi.ru/standard/.*
4. *Lundvall B. A.* Product Innovation and User-Producer Interaction // Industrial Development Research Series. 1985. N 31.
5. *Maxwell I. E.* Managing Sustainable Innovation. The Driver for Global Growth. Springer, 2009.
6. *Nelson R. R.* Economic Development From the Perspective of Evolutionary Economic Theory // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2006. N 2.
7. *Porter M. E.* What is strategy // Harvard Business Review. 1996. Vol. 74, Issue 6.
8. *Prahalad C. K. And Hamel Gary.* The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. P. 79–91.
9. *Romer P. M.* Capital Accumulation in the Theory of Long-Run Growth, Modern Business Cycle Theory. Oxford, 1989.
10. *Schumpeter J. A.* Capitalism, Socialism and democracy. Routledge, 2003.
11. *Weidlich W.* Sociodynamics: A Systemic Approach to Mathematical Modeling in the Social Sciences. Dover Publications, Inc., 2000.
12. *Wirick D. W.* Public-sector project management: meeting the challenges and achieving results. John Wiley & Sons, Inc., 2009.
13. *Yanovsky V. V.* Organizational-economic mechanism of management of innovative activity the region // Regional Economics: Theory and Practice. 2009. N 16 (109). P. 34–42.
14. *Yanovsky V. V.* The innovation process and the competitiveness of the region // Personality. Culture. Society. 2006. Vol. VIII, Issue 2 (30). P. 331–348.
15. *Yanovsky V. V.* Tunneling effect for the innovation economy barriers // Administrative consultation. 2008. N 4, 2008. P. 84–94.

Литература

1. *Dosi G., Freeman C., Fabiani S.* The Process of Economic Development: Introducing Some Stylized Facts and Theories on Technologies, Firms and Institutions // Industrial and Corporate Change. 1994. Vol. 3, N 1.
2. *Gault F.* Innovation Strategies for a Global Economy. Development, Implementation, Measurement and Management. International Development Research Centre, 2010.

3. *http://www.asi.ru/standard/.*
4. *Lundvall B. A.* Product Innovation and User-Producer Interaction // Industrial Development Research Series. 1985. N 31.
5. *Maxwell I. E.* Managing Sustainable Innovation. The Driver for Global Growth. Springer, 2009.
6. *Nelson R. R.* Economic Development From the Perspective of Evolutionary Economic Theory // Working Papers in Technology Governance and Economic Dynamics. 2006. N 2.
7. *Porter M. E.* What is strategy // Harvard Business Review. 1996. Vol. 74, Issue 6.
8. *Prahalad C. K. And Hamel Gary.* The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. P. 79–91.
9. *Romer P. M.* Capital Accumulation in the Theory of Long-Run Growth, Modern Business Cycle Theory. Oxford, 1989.
10. *Schumpeter J. A.* Capitalism, Socialism and democracy. Routledge, 2003.
11. *Weidlich W.* Sociodynamics: A Systemic Approach to Mathematical Modeling in the Social Sciences. Dover Publications, Inc., 2000.
12. *Wirick D. W.* Public-sector project management: meeting the challenges and achieving results. John Wiley & Sons, Inc., 2009.
13. *Яновский В. В.* Организационно-экономический механизм управления инновационной активностью в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 16 (109). С. 34–42.
14. *Яновский В. В.* Инновационный процесс и конкурентоспособность региона // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный науч.-практич. ж-л соц. и гуманит. наук. 2006. Т. VIII, вып. 2 (30), 2006. С. 331–348.
15. *Яновский В. В.* Туннельный эффект для барьеров инновационной экономики // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 84–94.

А. В. Лабудин
Г. С. Галстян

A. V. Labudin
G. S. Galstyan

Формирование автономных учреждений как направление реформирования системы бюджетных организаций в Российской Федерации

Formation of Autonomous Establishments as the Direction of Reforming of System of Budgetary Organizations in the Russian Federation

Лабудин Александр Васильевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой учета, контроля и финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
labudin59@mail.ru

Галстян Гаяне Смбатовна
ООО «Новотера» (Санкт-Петербург)
Исполнительный директор
Соискатель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС
Gagaya@yandex.ru

Labudin Alexander Vasilyevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of the Account, Control and Financial Management
Doctor of Science (Economics), Professor
labudin59@mail.ru

Galstyan Gayane Smbatovna
JSC Novotera (Saint-Petersburg)
Executive director
Candidate for the degree in economics of the North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Gagaya@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
бюджетный сектор экономики, автономное учреждение, бюджетное учреждение, бюджетные ассигнования, субсидии, государственное (муниципальное) учреждение, государственное (муниципальное) задание

KEY WORDS
budgetary sector of economy, autonomous establishment, budgetary establishment, budgetary appropriations, subsidies, public (municipal) institution, state (municipal) task

РЕФЕРАТ
Статья посвящена очень важной проблеме — бюджетной реформе в общественном секторе экономики Российской Федерации и главным целям в этой области экономики. Рассматриваются механизм создания и функционирования автономных учреждений, их преимущества и недостатки.

ABSTRACT
The article is devoted to very important problem — the budgetary reform in public sector of economy of the Russian Federation and to main goals in this area of economy. The mechanism of creation and functioning of autonomous establishments, their advantages and shortcomings are considered.

Проблема реформирования бюджетного сектора экономики не является в России новой. Ее стали обсуждать еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в самом начале рыночных реформ. Действительно, в обществе, где подавляющее большинство хозяйствующих субъектов являются частными и участвуют в формировании государственного бюджета лишь посредством налоговых платежей, доля национального дохода и валового внутреннего продукта, распределяемого (перераспределяемого) посредством бюджета, не может не быть меньше, чем в условиях централизованно управляемой экономики с преобладанием государственных предприятий. Другое дело, что с ростом экономики должны расти и макроэкономические показатели, а значит, и налоговые поступления в бюджет, а значит, и возможности финансирования государственных учреждений, относящихся к общественному, в подавляющей части — бюджетному сектору экономики.

Однако реформы в России проводили такими способами, что они вызвали хронический экономический кризис, начиная с 1991 г. и вплоть до сегодняшнего дня. Естественно, что в условиях кризиса возможности финансирования за счет государственного бюджета резко уменьшились. Поэтому в 1992 г. были приняты решения, закрепленные рядом «отраслевых» федеральных законов (например, «Об образовании») и нормативных правовых актов правительственного и министерского уровней, позволившие бюджетным учреждениям самостоятельно «выживать», зарабатывая денежные средства путем предпринимательской деятельности и использования имущества, закрепленного за ними на праве оперативного управления, доходы от которых поступали на так называемые внебюджетные счета. В таких условиях бюджетное финансирование, которое в соответствии с законодательством должно было быть основным источником финансирования деятельности бюджетных учреждений, осуществлялось на явно недостаточном уровне.

Доходы от внебюджетной деятельности зависели от искусности руководителей бюджетных учреждений, эффективности их работы в условиях рыночной конкуренции и от их честности, поскольку возможностей безнаказанно переправлять зарабатываемые коллективами и с использованием государственного имущества денежные средства в оффшорные зоны и на счета «своих» фирм было сверхдостаточно. Поэтому 1990-е гг. создали и «отличников» работы по-новому, в условиях рынка, и тех, кто оказался способным лишь на примитивное воровство.

Не случайно, что в принятом в 1998 г. Бюджетном кодексе РФ содержалась норма, что все доходы, зарабатываемые бюджетными учреждениями, должны поступать в соответствующий бюджет и, следовательно, проходить дотошную проверку в органах казначейства, не допускающих или, по крайней мере, существенно затрудняющих нецелевое расходование бюджетных средств. Однако после «дефолта» августа 1998 г., следствиями которого стали экономический «кризис внутри кризиса» и новое сокращение возможностей бюджетного финансирования, ограничивать свободу бюджетных учреждений в зарабатывании денег, а значит — выживании, решили отложить.

В начале 2000-х гг., со сменой высшего политического руководства РФ и приходом на пост Президента РФ В. В. Путина, интенсивность работы высших органов государственного управления существенно возросла. Отложенные в долгий ящик во время второго президентства Б. Н. Ельцина проблемы вновь были вынесены на повестку дня. Среди этих проблем одним из первых встали наведение элементарного порядка в бюджетном секторе экономики и создание законных возможностей для хозяйственной самостоятельности государственных и муниципальных учреждений и их конкуренции с уже действующими в тех отраслях (образовании, здравоохранении, культуре, науке и т. п.) негосударственными организациями — частными и принадлежащими общественным объединениям.

Раздавались и радикальные предложения, вплоть до приватизации бюджетной сферы по аналогии с промышленностью, сельским хозяйством, транспортом, сферой услуг и другими отраслями народного хозяйства, где приватизация была проведена в 1990-е гг. Однако эти предложения были отвергнуты, прежде всего Президентом В. В. Путиным. Причиной было то, что частные организации вынуждены были бы оказывать большинство услуг на платной основе, а это вызвало бы и социальное напряжение, а то и взрыв и катастрофическое падение уровня обеспеченности населения общественно значимыми услугами. Как показывали социологические исследования, если бы за образование детей, даже общее среднее, пришлось бы платить, большинство родителей не стало бы делать этого, рассуждая по принципу: заработает, пусть учится на «свои», если захочет. Ясно, что с таким образовательным «потенциалом» говорить о достижении нашей экономикой мирового уровня конкурентоспособности было бы просто невозможно.

Поэтому руководство страны решило пойти по пути эксперимента. Те бюджетные учреждения, которые чувствовали себя готовыми к самостоятельности, причем сумели в этом убедить и вышестоящие органы, получали возможность эту самостоятельность, прежде всего в финансовой области, приобрести — став автономными учреждениями. 3 ноября 2006 г. Президентом был подписан Федеральный закон № 174-ФЗ, вносящий целый ряд соответствующих изменений в другие федеральные законы, прежде всего в Гражданский и Бюджетный кодексы.

Закон «Об автономных учреждениях» предполагал, что путь к образованию автономного учреждения на основе существующего бюджетного учреждения должен быть достаточно долгим и извилистым, чтобы исключить возможность попадания на дорогу финансовой самостоятельности случайных и неподготовленных «игроков». Первым шагом должно быть одобрение изменения типа бюджетного учреждения на автономное высшим коллегиальным органом управления этим учреждением, т. е. собранием или конференцией трудового коллектива (п. 4 ст. 5 174-ФЗ). Предложение об изменении типа бюджетного учреждения на автономное должно быть, согласно п. 6 ст. 5 этого закона, подготовлено с участием трех сторон:

- исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, в ведении которого находится соответствующее государственное или муниципальное учреждение (т. е. министерства, службы, агентства на федеральном уровне, министерства, комитета или управления на региональном уровне, комитета или управления местной администрации);
- исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, на которое возложено управление государственным или муниципальным имуществом;
- самого государственного или муниципального учреждения, инициатива или согласие которого в данном вопросе обязательны.

В составе документов, включаемых в предложение о создании автономного учреждения путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения, предусмотрено обоснование создания автономного учреждения, в том числе с учетом возможных социально-экономических последствий его создания, доступности и качества выполняемых работ, оказываемых им услуг. Такое технико-экономическое обоснование является самой объемной и сложной частью предложения о создании автономного учреждения.

При создании автономного учреждения путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения не допускается изъятие или уменьшение его имущества, в том числе денежных средств. Имущество, в том числе денежные средства, автономного учреждения должно быть достаточным для обеспечения возможности

осуществлять предусмотренную его уставом деятельность и нести ответственность по обязательствам, возникшим у государственного и муниципального учреждения до изменения его типа.

Государство оставило за собой целый ряд блокирующих рычагов в процессе деятельности автономных учреждений. Прежде всего, они касаются управления государственным и муниципальным имуществом, находящимся в оперативном управлении автономного учреждения. Все имущество автономного учреждения закрепляется за ним на праве оперативного управления, а значит, собственник имущества вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество, закрепленное за автономным учреждением либо приобретенное автономным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником. Автономное учреждение без согласия учредителя не вправе распоряжаться недвижимым имуществом и особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним учредителем или приобретенным автономным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение этого имущества.

Федеральный закон «Об автономных учреждениях» предусмотрел ряд ограничительных мер против так называемого вывода активов посредством создания хозяйственных обществ и товариществ с участием автономных учреждений. Любое имущество, в том числе денежные средства, автономное учреждение вправе вносить в уставный (складочный) капитал других юридических лиц или иным образом передавать это имущество другим юридическим лицам в качестве их учредителя или участника только с согласия своего учредителя. Эти ограничения не действуют в отношении имущества, самостоятельно заработанного автономным учреждением.

Ограничения, предусмотренные ч. 6 ст. 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» с 1 января 2011 г., распространяются только на имущество, указанное в ч. 5 ст. 3, а именно: недвижимое имущество, закрепленное за автономным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение этого имущества; находящееся у автономного учреждения особо ценное движимое имущество (здесь, надо понимать, имеется в виду и особо ценное движимое имущество, приобретенное автономным учреждением за счет самостоятельно заработанных средств). Данное положение, на наш взгляд, является коррупционным, поскольку именно недвижимое имущество представляет особый интерес с точки зрения «вывода активов» из государственной или муниципальной собственности. Правда, ч. 6 ст. 3 174-го Федерального закона в новой редакции исключает из состава объектов, возможных к передаче автономным учреждением другим юридическим лицам в качестве их учредителя или участника даже с согласия учредителя автономного учреждения, такие «лакомые» объекты, как объекты культурного наследия народов Российской Федерации; предметы и документы, входящие в состав музейного фонда Российской Федерации, Архивного фонда Российской Федерации, национального библиотечного фонда. Однако это ограничение относится только к тем подобным объектам, которые закрепляются за автономным учреждением учредителем или же приобретаются им за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение этого имущества.

Следует обратить внимание на ч. 1 ст. 3 174-го Федерального закона, согласно которой земельный участок, необходимый для выполнения автономным учреждением своих уставных задач, предоставляется ему на праве постоянного (бессрочного) пользования. Соответственно земельные участки не могут быть объектами какого-либо временного или постоянного отчуждения. Это, безусловно, является четко выраженной антикорупционной нормой.

174-й Федеральный закон снял опасения насчет возможной приватизации бюджетных учреждений через изменение их типа на автономные учреждения.

Реорганизация автономных учреждений проводится только в пределах данной юридической формы, причем слияние или присоединение автономных учреждений происходит лишь если они созданы на базе имущества одного и того же собственника. Изменяться тип автономного учреждения может только в сторону понижения степени самостоятельности — на бюджетное, а с 1 января 2011 г. еще и на казенное учреждение.

Государство установило целый ряд ограничителей, призванных обеспечить соблюдение государственных и муниципальных интересов в процессе управления автономным учреждением. Так, ст. 9 174-го Федерального закона закрепила широкий перечень полномочий за учредителем автономного учреждения. Принципиально новым органом управления становится наблюдательный совет автономного учреждения, которому посвящены ст. 10, 11, 12 174-го Федерального закона.

Особый интерес представляет понятие «крупная сделка», обязательная к утверждению наблюдательным советом автономного учреждения, причем квалифицированным большинством голосов. Ею признается сделка, связанная с распоряжением денежными средствами, привлечением заемных денежных средств, отчуждением имущества (которыми в соответствии с 174-м Федеральным законом автономное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно), а также с передачей такого имущества в пользование или залог, при условии, что цена такой сделки, либо стоимость отчуждаемого или передаваемого имущества превышает 10% балансовой стоимости активов автономного учреждения, определяемой по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, если уставом автономного учреждения не предусмотрен меньший размер крупной сделки. Таким образом, учредитель, утверждая устав автономного учреждения, вправе фактически любую более или менее существенную сделку поставить под контроль наблюдательного совета, где его представители, а также представители других государственных и муниципальных органов, составляют треть списочного состава, а вместе с представителями общественности, подбор которых также зависит от соответствующего органа исполнительной власти, даже две трети членов. Все это обеспечивает достаточно прочную юридическую основу контроля за финансово-хозяйственной деятельностью автономных учреждений.

Что же привлекает или, по крайней мере, должно привлекать руководителей и коллективы бюджетных учреждений в новой форме организации в бюджетной сфере? Выделим четыре момента.

- Возможность заниматься любыми видами деятельности, лишь бы эти виды деятельности служили достижению целей, ради которых учреждение создано, при условии, что такие виды деятельности указаны в его учредительных документах.
- Автономное учреждение, кроме государственного (муниципального) задания и обязательств, вытекающих из него, по своему усмотрению вправе выполнять работы, оказывать услуги, относящиеся к его основной деятельности, для граждан и юридических лиц за плату и на одинаковых при оказании однородных услуг условиях в порядке, установленном федеральными законами.
- Собственник имущества автономного учреждения не имеет права на получение доходов от осуществления автономным учреждением деятельности и использования закрепленного за автономным учреждением имущества.
- В автономном учреждении можно устанавливать любые выплаты в качестве оплаты труда. Вопрос о величине оплаты труда упирается лишь в отсутствие или, наоборот, наличие денежных средств, в первую очередь от оказания платных услуг.

По нашему мнению, опасение лишиться гарантированного бюджетного финансирования — причина того, что бюджетные учреждения очень мед-

ленно поворачиваются к новому типу государственных и муниципальных учреждений — к автономным учреждениям. Согласно ст. 4 174-го Федерального закона финансовое обеспечение выполнения задания учредителя осуществляется в виде субсидии из соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и иных не запрещенных федеральными законами источников (их состав не расшифровывается). А субсидии и финансируемые посредством них задания определяются и утверждаются ежегодно — при принятии закона (на муниципальном уровне — решения) о бюджете на очередной финансовый год. Поэтому существует возможность и даже вероятность того, что в том или ином наступающем году автономное учреждение задания и, следовательно, бюджетного финансирования в виде субсидии из соответствующего бюджета не получит. Закон, включая Бюджетный кодекс РФ, такой вариант вполне предусматривает ч. 1 ст. 78 Бюджетного кодекса говорит, что в бюджетах бюджетной системы Российской Федерации могут предусматриваться субсидии на возмещение нормативных затрат на оказание в соответствии с государственным (муниципальным) заданием государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ).

Следовательно, могут предусматриваться, а могут и не предусматриваться. Получается, что погнавшись за «журавлем» доходов от платных услуг, парящим в воздушном океане рыночной конъюнктуры, можно вполне лишиться проверенной бюджетной «синицы» в клетке нормативных документов. Правда, с 1 января 2011 г. установлено, что в бюджетах бюджетной системы Российской Федерации предусматриваются субсидии бюджетным и автономным учреждениям на возмещение нормативных затрат, связанных с оказанием в соответствии с государственным (муниципальным) заданием государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ), а также могут предоставляться субсидии из бюджетов бюджетной системы РФ бюджетным и автономным учреждениям на иные цели.

Однако, на наш взгляд, уточнение формулировки связано с необходимостью подчеркнуть обязательность субсидии при наличии задания от государства или муниципального образования. А вот предоставление такого задания автономным, а по завершении переходного периода (установленного до 1 июля 2012 г.) и бюджетным учреждениям, отнюдь не гарантируется законодательно, что, кстати, закреплено ч. 2 ст. 120 Гражданского кодекса РФ. Также вряд ли мог усилить притягательность нового типа некоммерческих организаций и отказ государства (муниципального образования) от субсидиарной ответственности по обязательствам автономных учреждений, по отношению к которым они являются учредителями. С 1 января 2011 г. эта норма распространена и на бюджетные учреждения. Однако фактически под угрозой исков кредиторов находится только имущество, самостоятельно заработанное автономным учреждением. В отношении бюджетных учреждений из-под угрозы исков кредиторов выведено недвижимое имущество в целом, в том числе самостоятельно заработанное бюджетным учреждением.

Создание автономных учреждений рассматривалось в 2006–2009 гг. как основной и перспективный путь реформирования бюджетного сектора экономики. Что касается собственно бюджетных учреждений, то речь шла не о возрастании «степени свободы» для них, а наоборот — о жестком вписании их в бюджетную систему со свойственными ей контролем и отчетностью. В апреле 2007 г. был принят, а 26 апреля 2007 г. подписан Президентом РФ Федеральный закон № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» в части регулирования бюджетного процесса и приведения в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации». Согласно этому закону, новая редакция

ст. 41 и 42 Бюджетного кодекса РФ предписывала считать доходы от использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и платных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями, средства безвозмездных поступлений и иной приносящий доход деятельности при составлении, утверждении, исполнении бюджета и составлении отчетности о его исполнении доходами бюджета — федерального, регионального или местного в зависимости от принадлежности бюджетного учреждения. Данное положение предполагалось в полной мере применять со дня вступления в силу Федерального закона, определяющего особенности использования бюджетными учреждениями средств от оказания платных услуг, безвозмездных поступлений от физических и юридических лиц, международных организаций и правительств иностранных государств, в том числе добровольных пожертвований, и средств от иной приносящий доход деятельности.

Такой закон — условно его называем Федеральным законом о бюджетных учреждениях — предполагалось быстро разработать (за это отвечал Минфин РФ) и после рассмотрения на заседании правительства внести в качестве правительственного законопроекта в Государственную Думу. Однако уже до принятия нового закона самостоятельность в распоряжении бюджетными учреждениями зарабатываемыми ими доходами предполагалось существенно ограничить уже с 1 января 2008 г., что и было сделано. Например, доходы от сдачи в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности и переданного в оперативное управление федеральным бюджетным учреждениям культуры и искусства, здравоохранения, науки, образования, а также архивным учреждениям отражаются на лицевых счетах указанных учреждений, открытых в органах Федерального казначейства, и направляются на содержание и развитие их материально-технической базы сверх бюджетных ассигнований, предусмотренных ведомственной структурой расходов федерального бюджета. Действуют и иные аналогичные положения. Таким образом, бюджетные учреждения постепенно, но неуклонно переводились в режим, который в соответствии с 83-м Федеральным законом от 8 мая 2010 г. предусмотрен для казенных учреждений (о них в 2007 г. не было и речи).

В Бюджетном послании Президента РФ Д. А. Медведева от 25 мая 2009 г. «О бюджетной политике в 2010–2012 гг.» отмечалось: «Целесообразно рассмотреть возможность перевода значительной части бюджетных учреждений со сметного принципа финансирования на формирование государственных заданий с обеспечением финансирования за счет субсидий, в том числе на основе преобразования бюджетных учреждений в автономные учреждения». Соответственно, в качестве основного пути намечалось изменение типа бюджетных учреждений на автономные, однако указывалось и на другой вариант изменений в бюджетной сфере, а именно переход от сметного финансирования на финансирование выполнения государственных заданий за счет бюджетных субсидий.

В выступлении Председателя правительства В. В. Путина на совещании в правительстве о реструктуризации состава федеральных бюджетных учреждений и оптимизации расходов на их содержание 20 июля 2009 г. не упоминался новый статус бюджетных учреждений, говорилось лишь о «дальнейшем расширении прав руководителей бюджетных учреждений по распоряжению средствами, которые находятся в их распоряжении». И одновременно В. В. Путин предложил «пойти на дальнейшее серьезное расширение прав федеральных органов власти по управлению подведомственными им учреждениями». И только в выступлении В. В. Путина на XI съезде партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г. впервые было сказано: «До конца года Правительство внесет в Госдуму законопроект, который расширит самостоятельность бюджетных учреждений, а глав-

ное — создаст реальную мотивацию для более эффективного расходования бюджетных средств».

В конце 2009 — начале 2010 г. был очень быстро разработан, обсужден в правительстве и внесен на рассмотрение Государственной Думы законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», который после принятия, одобрения Советом Федерации и подписания Президентом стал 83-м Федеральным законом. В нем предполагалось разделение государственных и муниципальных учреждений уже не на два (бюджетные и автономные), а на три типа — автономные, бюджетные, казенные (названы они нами по мере убывания самостоятельности).

В качестве причин изменения правительственной позиции авторы законопроекта, а это были работники Министерства финансов Российской Федерации, называли следующее:

- в существующем правовом статусе у бюджетных учреждений отсутствуют стимулы к оптимизации и повышению эффективности, что вызвано сметным финансированием фактически сложившихся расходов;
- более чем за два года, прошедших с момента вступления в силу Федерального закона «Об автономных учреждениях», на федеральном уровне было создано только четыре автономных учреждения; на региональном уровне создание автономных учреждений идет более активно, но лишь в тех субъектах Российской Федерации, в которых внедряются современные модели управления бюджетной системой (Тюменская область, Красноярский край, Республика Татарстан и др.);
- неоправданно сложная процедура создания автономных учреждений (требуется принятие Правительством РФ индивидуальных решений по каждому учреждению) и опасения руководителей большинства бюджетных учреждений по поводу организационных и иных трудностей, связанных с переходом в автономное учреждение.

Фактически Министерство финансов, а вслед за ним и Правительство РФ признали, что первоначальный замысел реформирования бюджетного сектора экономики и сокращения бюджетных расходов на финансирование общественно значимых отраслей (образование, здравоохранение, наука, физкультура и спорт, социальная защита населения и др.) не удался. Поэтому, как отмечалось в пояснительной записке к законопроекту, предполагалось изменить правовое положение существующих бюджетных учреждений, способных функционировать на основе рыночных принципов, без их преобразования и создать условия и стимулы для сокращения внутренних издержек и повышения эффективности их деятельности, в том числе:

- изменить механизмы финансового обеспечения бюджетных учреждений с расширенным объемом прав, переводя их со сметного финансирования на субсидии в рамках выполнения государственного задания;
- предоставить право бюджетным учреждениям заниматься приносящей доход деятельностью с поступлением доходов в самостоятельное распоряжение этих учреждений;
- устранить субсидиарную ответственность государства по обязательствам бюджетных учреждений с расширенным объемом прав;
- расширить права бюджетных учреждений по распоряжению любым закрепленным за учреждением движимым имуществом, за исключением особо ценного движимого имущества, перечень которого устанавливает учредитель.

Одновременно было предложено создать новый тип государственных (муниципальных) учреждений — казенное учреждение, статус которых по сути совпадает с закрепленным в действующем законодательстве нынешним статусом бюджетного учреждения с дополнительным ограничением в виде зачисления с

2011 г. всех доходов, полученных от приносящей доход деятельности, в соответствующий бюджет.

Таким образом, опыт формирования автономных учреждений показал, что они могут сыграть положительную роль в оптимизации бюджетного процесса при условии несокращения объемов услуг, оказываемых государством физическим и юридическим лицам. Однако эта организационная форма не явилась «панацеей», позволяющей решить все проблемы, что потребовало расширения числа организационных форм. Соответствующая проблематика будет рассмотрена в следующей статье авторов.

Е. А. Куклина
А. С. Бритько

E. A. Kuklina
A. S. Britko

К проблеме оценки и выбора оптимального проекта инновационного развития организации

On a Problem of an Assessment and a Choice of the Optimum Project of Innovative Development of the Organization

Куклина Евгения Анатольевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры экономической теории
Доктор экономических наук
jeakuklina@mail.ru

Kuklina Evgenia Anatolyevna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of Chair of Economic Theory
Doctor of Science (Economics)
jeakuklina@mail.ru

Бритько Анна Сергеевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры экономической теории
banok@list.ru

Britko Anna Sergeevna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student of the Chair of Economic Theory
banok@list.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
инновационный проект, оптимальность, эффективность, критерий, критериальные показатели, риск, неопределенность, решение, выбор, минимаксные критерии, теория нечетких множеств

KEY WORDS
innovation project, optimality, effectiveness, criterion, criterion indexes, risk, uncertainty, decision, selection, minimax criteria, the theory of fuzzy sets

РЕФЕРАТ
В статье формулируются особенности инновационных проектов, оказывающие влияние на методику оценки их экономической эффективности, предлагаются критерии, критериальные показатели и алгоритм выбора оптимального инновационного проекта. Задачу выбора оптимального инновационного проекта предлагается решать на основе минимаксных критериев принятия решений и теории нечетких множеств.

ABSTACT
In the article there are formulated the peculiarities of innovation projects that impact the method of estimation of their economic efficiency. The author suggests a criterion, criterion indexes and an algorithm of selection for optimal innovation project. The problem of selection of optimal innovation project should be solved using the minimax criteria of decision making and the theory of fuzzy sets.

В настоящее время одной из характерных черт российской экономики является низкий уровень инновационной активности. В то же время решение важной стратегической задачи оздоровления экономики России и выведения ее на траекторию инновационного развития не представляется возможным без успешной реализации инновационного потенциала страны посредством разработки инновационных проектов. В связи с этим одним из приоритетных направлений экономиче-

ской политики государства является обеспечение инновационного развития организаций и повышение степени коммерциализации результатов НИОКР. Таким образом, решение задачи оценки эффективности проектов инновационного развития и выбор наиболее предпочтительного из них весьма актуальны как для организации, так и для государства в целом.

Инновационную деятельность можно определить как процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с ним дополнительные научные исследования и разработки.

Проект инновационного развития (инновационный проект) — процесс целенаправленного изменения или создания новой технической или социально-экономической системы, важнейшей сущностной характеристикой которого является целевая ориентация проводимых работ. Реализация инновационного проекта объективно обусловлена инновационной деятельностью организации, которая представляет собой процесс по инициированию и внедрению инноваций. Реализация проекта инноваций преследует достижение организацией определенных экономических целей, которые соответствуют стратегии ее инновационного развития, обусловленной соответствующими управленческими решениями.

Традиционно инновационная активность организации оценивается тремя основными характеристиками: наличием завершенных инноваций; степенью участия организации в разработке данных инноваций; оценкой основных причин, по которым инновационная деятельность не осуществлялась. Важнейшим показателем инновационной активности организации является объем инновационной продукции за отчетный год, под которой понимается продукция, подвергавшаяся в последние три года технологическим изменениям.

Рассмотрим направления воздействия продуктовых инноваций на достижение экономических целей организации в контексте ее инновационного развития. Продуктовые инновации позволяют организации максимизировать прибыль через повышение по отношению к себестоимости цены фактической реализации единицы нового продукта, а также новых модификаций и модернизаций прежнего продукта. Повышенный уровень цены на новые продукты (модификации, модернизации прежних продуктов) при условии их фактической реализации (продажи) по этим повышенным ценам может стать реальностью для фирмы-производителя этих продуктов при следующих двух условиях (по отдельности либо при их сочетании): продукт соответствует объективно существующему неудовлетворенному спросу; уровень спроса на новый продукт либо данный тип продуктов, удовлетворяющих определенную потребность, перед появлением продукта на рынке и в ходе его продаж увеличивается вследствие активного маркетинга.

Продуктовые инновации позволяют организации максимизировать прибыль через увеличение объема продаж в следующих случаях: организация разрабатывает, осваивает и предлагает на существующем товарном рынке высокоэффективные, привлекательные продукты, переключающие на себя от конкурентов фирмы спрос покупателей по данному типу продукции; организация создает новый продукт, находящий нишу на рынке, удовлетворяющий имеющийся спрос на ранее незаполненном сегменте рынка; организация предлагает покупателю принципиально новый продукт и одновременно создает новый рынок, на котором еще нет конкурентов.

Как выбрать инновационный проект, в наибольшей степени соответствующий и экономическим целям организации (т. е. проект с максимальной экономической эффективностью) и, одновременно, имеющий наибольший инновационный

потенциал? На объективность оценки эффективности инновационной деятельности оказывает значительное влияние выбор методологии оценки. Анализ многочисленных исследований по данной проблеме показал, что в подавляющем большинстве случаев внимание авторов концентрируется на методологии оценки экономической эффективности инвестиционных проектов и выборе из возможных альтернатив оптимального проекта на основе экономических критериев оценки.

Рассматривая проблему оценки эффективности инновационных проектов и выбор наиболее предпочтительного из них (т. е. оптимального), необходимо подчеркнуть, что практическая реализация инновационных проектов и программ инновационного развития предполагает наличие информационной базы, включающей правовую, нормативно-законодательную, маркетинговую, инженерно-техническую и другую информацию, характеризующую сам проект и условия его осуществления. Большая часть этой информации, особенно связанной с будущим, носит прогнозный характер, не обладает необходимой полнотой и точностью, что сказывается на достоверности оценок эффективности проекта, зависящих от конкретных условий его реализации.

Методы оценки эффективности инвестиционных проектов были разработаны, как правило, для инвестиционной деятельности и не проходили специальной адаптации к инновационным проектам, которые реализуются в условиях более высокой неопределенности и значительного риска. Все это обуславливает необходимость разработки методов оценки эффективности инноваций при недостатке информации о внешней среде, которые бы учитывали специфику инновационной деятельности, но опирались при этом на общеизвестные механизмы оценки проектов. Такой подход к решению рассматриваемой проблемы позволит более адекватно и объективно осуществлять определение эффективности анализируемых инновационных проектов.

Неопределенность внешней среды характеризуется набором неуправляемых факторов для лиц, принимающих стратегические решения. В качестве таких факторов могут выступать природные, рыночные, международные, инфляционные и др. При определении эффективности принимаемых инновационных решений с учетом неопределенности внешней среды могут возникнуть следующие типы противоречий [9]: обусловленные применением различных принципов эффективности, учитывающие факторы внешней среды, которые являются неуправляемыми; возникающие при использовании набора экономических показателей; возникающие при применении нескольких инновационных показателей; между экономическими и инновационными показателями.

В специальной литературе для целей выбора эффективных решений рекомендуется применение различных критериев (которые зачастую называются также принципами) принятия решений: оптимизма, пессимизма, гарантированного результата, гарантированных потерь и др. Так, например, критерий оптимизма базируется на том, что неконтролируемые факторы, характеризующие внешнюю среду, считаются наиболее благоприятными для лиц, принимающих решение (ЛПР), при этом управляемые факторы выбираются оптимальным образом. Критерий пессимизма противоположен критерию оптимизма, т. к. при данном подходе определяется минимальный достижимый результат. При использовании критерия гарантируемого результата обеспечивается гарантированное значение того или иного результата независимо от действия неуправляемых факторов. Реализация данного принципа основана на выборе максимального результата из минимальных.

По нашему мнению, представляет интерес методика определения эффективности инновационных проектов при наличии неуправляемых факторов и применении совокупности противоречивых критериев, разработанная

Ф. Ф. Юрловым и Н. А. Плехановым[1]. При этом, с нашей точки зрения, целесообразно расширить сферу научного поиска решения задачи оценки и выбора оптимального инновационного проекта в двух следующих направлениях:

- рассматривать более широкий спектр эффектов инновационной деятельности и факторов эффективности, не ограничиваясь лишь финансовой стороной вопроса;
- различать эффективность управления инновационной деятельностью как процессом и эффективность инновационного проекта (опыт показывает, что в практической деятельности процессный и проектный подходы к управлению часто реализуются одновременно).

Несмотря на общность методологии оценки экономической эффективности инновационных и инвестиционных проектов, инновационные проекты обладают рядом особенностей, которые невозможно не учитывать при оценке их эффективности. К ним, по нашему мнению, относятся следующие: более широкий круг участников проекта (компания — инициатор проекта; инвесторы; управляющая компания проекта; подрядчики-исполнители; страховая компания; компания-оценщик; государственные учреждения, фонды и прочие институты, уполномоченные принимать решения о государственной поддержке инновационных проектов; контролирующие государственные учреждения); обязательное проведение сравнительного анализа эффективности; многокритериальность оценки эффективности.

По мнению авторов, можно утверждать, что оценка эффективности инновационных проектов и выбор оптимального проекта является отдельным направлением в сфере обоснования проектных решений, а ее методология выходит за рамки традиционных методов инвестиционного анализа.

Процесс решения поставленной задачи можно представить в виде логической последовательности двух блоков задач (рис. 1). Выбор оптимального (наиболее эффективного) инновационного проекта должен осуществляться при учете интересов ключевых участников проекта, которыми являются инвестор и компания — инициатор проекта.

Чтобы какой-либо вариант инновационного проекта мог считаться оптимальным с точки зрения инвестора и компании-инициатора, требуется достижение максимального значения чистого дисконтированного дохода. С другой стороны, повышение инновационной активности — в интересах как организации, так и государства.

В соответствии с основным постулатом системного анализа, оптимальным решением (управлением) является такое, при котором при заданных внешних условиях достигается максимальное значение показателя целевой функции данной системы [7]. Таким образом, та величина, которую необходимо максимизировать (или минимизировать) в результате выбора соответствующего управленческого воздействия, и будет критериальным показателем. Иначе говоря, тот количественный показатель эффективности, на основе которого принимается управленческое решение, является критериальным показателем для оценки эффективности.

Важно, чтобы этот показатель применялся в течение всего срока реализации данного решения при оценке всех промежуточных этапов. Окончательная оценка эффективности решения должна осуществляться на основе того же критериального показателя, который был сформулирован после этапа постановки цели, и любое его изменение должно предполагать начало нового решения. Критериальный показатель должен соответствовать критерию эффективности.

Существует довольно обширная литература, в которой разрабатываются многокритериальные подходы к реше-

[1] *Юрлов Ю. Ю., Плеханов Н. А.* Оценка эффективности принимаемых решений в условиях неопределенности и многокритериальности: [Электронный ресурс] // Экономика, инновации и менеджмент. 2011. URL: http://www.nntu.nnov.ru/trudy/2011/04/275-280.pdf

Рис. 1. Алгоритм решения задачи выбора оптимального инновационного проекта

нию задач оптимизации. Основная идея методов многокритериальной оптимизации — введение единственного комплексного критериального показателя оптимальности (функции ценности). Это позволяет свести проблему векторной оптимизации к одномерной (скалярной, одноцелевой) и, следовательно, однозначно оценить сравниваемые альтернативы. В случае наличия нескольких противоречивых целей в управляемой системе существуют три подхода к обоснованию критериального показателя и критерия эффективности.

1. Из множества показателей эффективности в качестве критериального показателя необходимо выбрать один, а остальные должны рассматриваться в качестве ограничений в течение времени выполнения решения. Например, в отдельных ситуациях доля продаж на рынке может рассматриваться как цель деятельности и критериальный показатель оценки организации, а минимально допустимый уровень рентабельности продаж — как ограничение. При таком подходе критерий эффективности формулируется следующим образом: максимизация доли продаж на рынке при достижении минимально допустимого уровня рентабельности продаж.

2. Ранжирование критериальных показателей в порядке их важности. Сначала оптимизацию выполняют по самому важному показателю, а затем определяют область решений, где этот показатель отличается от оптимального значения не более чем на 10%. В этой области возможных решений производится оптимизация по второму по важности критериальному показателю, и т. д. [8].
3. Сведение множества различных критериальных показателей к одному (т. е. «свертывание критериев оптимальности»).

«Метод свертывания критериев» является наиболее распространенным методом решения многокритериальных задач.

В качестве обобщенных критериальных показателей (критериев) могут быть использованы функции F следующего вида:

а) аддитивный критерий оптимальности

$$F = \sum_{i=1}^{n} x_i \alpha_i = \\ = x_1\alpha_1 + \ldots + x_i\alpha_i + \ldots + \\ + x_n\alpha_n \to \max. \quad (1)$$

б) мультипликативный критерий оптимальности

$$F = \prod_{i=1}^{n} x_i^{\alpha_i} \to \max, \quad (2)$$

где i — индекс показателя, $i = 1, \ldots, n$; α_i — вес (важность) i-го показателя; x_i — значение i-го показателя.

Для соизмерения различных целей устанавливаются относительные «веса» показателей, показывающие взаимоотношение между их шкалами, т. е. их важность.

«Вес» критерия может быть определен на основании специальных исследований, нашедших применение в других областях деятельности и подтвердивших свою эффективность. Таким методом, например, является метод анализа иерархий (МАИ), уменьшающий долю субъективизма, или метод коллективных экспертных оценок (метод Дельфи).

Оптимальный вариант инновационного проекта должен наилучшим образом удовлетворять интересам всех заинтересованных сторон, а также обеспечить выбор оптимального варианта проекта из сочетания технологических и экономических показателей его реализации.

Нами предлагается использование двух критериальных показателей для выбора оптимального инновационного проекта, учитывающих интересы инвестора и компании — инициатора проекта, один из которых является экономическим, второй — инновационным. На основании этого можно предложить следующую формулировку критерия эффективности принятия решения: максимизация чистого дисконтированного дохода от реализации инвестиций в проект инновационного развития при максимально возможном значении индекса инновационности.

В качестве экономического критериального показателя нами предлагается индекс доходности инвестиций (IRR), который является относительным оценочным показателем, производным от показателя чистого дисконтированного дохода (NPV).

IRR исчисленный с учетом факторов риска и неопределенности, является ожидаемым. Они используются только для обоснования положительных или отрицательных решений для выбора лучшего из нескольких проектов или вариантов одного проекта.

Инновационная активность организации оценивается тремя основными характеристиками: наличием завершенных инноваций; степенью участия организации в разработке данных инноваций; оценкой основных причин, по которым инновационная деятельность не осуществлялась. Важнейшим показателем инновационной активности организации является объем инновационной продукции, произведенной за отчетный год.

Оценивая сущность показателей инновационной активности, используемых в настоящее время в российской практике, представляется необходимым от-

метить, что современная отечественная методология статистического анализа непригодна для оценки инновационных процессов и, значит, принятия обоснованных управленческих решений. Поэтому не может быть показателей, единых для всех стадий инновационного процесса, а следовательно, единых для всех форм государственного участия в нем. Вот почему «необходимо провести реформу статистики инноваций» [1, с. 141].

По нашему мнению, критериальным показателем инновационного характера может быть индекс (коэффициент) инновационности (II), рассчитываемый как интегральный показатель на основании коэффициента НИОКР ($К_1$), коэффициента инновационной активности ($К_2$) и коэффициента доходности инновационной деятельности в целом по организации ($К_3$).

Коэффициент НИОКР ($К_1$) определяется долей затрат на НИОКР в общем объеме затрат организации; коэффициент инновационной активности ($К_2$) представляет собой долю инновационной продукции в объеме отгруженной продукции; коэффициент доходности инновационной деятельности организации ($К_3$) — отношение числа НИОКР, которые привели к созданию новой продукции и к получению дополнительной выручки, к числу НИОКР, которые в конечном итоге не привели к получению выручки. Величины всех коэффициентов принимаются на основании фактических данных и с учетом прогнозной динамики их изменения вследствие реализации инновационной стратегии фирмы.

Таким образом, оптимальность варианта инновационного проекта с точки зрения инвестора и компании-инициатора в этом случае определяется достижением максимального значения IRR при максимально возможной величине II. Для целей решения задачи выбора оптимального инновационного проекта нами рекомендуется наиболее распространенный метод решения многокритериальных задач — метод свертывания критериев, учитывающий относительную важность частных критериев оптимальности с помощью построения функции ценности, являющейся обобщенным критерием относительно показателей. В качестве обобщенного критерия используется аддитивный критерий оптимальности, при этом индекс инновационности II рассчитывается так же, как взвешенная сумма $К_1$, $К_2$ и $К_3$. Веса (важность) определяются на основании метода Дельфи.

Для учета и анализа риска при расчете NPV и IRR инновационного проекта нами рекомендован метод RADR (Risk-Adjusted Discount Rate), который состоит в том, что к безрисковому коэффициенту дисконтирования или некоторому его базисному значению добавляется поправка на риск и при расчете показателей оценки проекта используется откорректированное значение дисконтной ставки. В теоретическом плане применение метода RADR более оправдано, поскольку введение поправки на риск автоматически приводит к принятию безусловно обоснованной предпосылки о возрастании риска с течением времени.

Проблеме принятия решений в условиях неопределенности и риска посвящено множество работ, как в России, так и за рубежом. Источники неопределенности могут быть самые разнообразные: нестабильность экономической и/или политической ситуации, неопределенность действий партнеров по бизнесу, случайные факторы, технологические особенности, неточности замеров, т. е. большое число обстоятельств, учесть которые не всегда представляется возможным. Практикуются два основных подхода к принятию решения в условиях неопределенности.

1. ЛПР может использовать имеющуюся у него информацию и свои собственные суждения, а также опыт для идентификации и определения субъективных вероятностей возможных внешних условий, а также оценки вытекающих в результате отдач для каждой имеющейся стратегии в каждом внешнем условии. Это, в сущности, делает условия неопределенности аналогичными условиям риска, а процедура принятия ре-

шения, используемая для условий риска, выполняется и в этом случае.

2. Если степень неопределенности слишком высока, то ЛПР предпочитает не делать допущений относительно вероятностей различных внешних условий, т. е. ЛПР может или не учитывать вероятности, или рассматривать их как равные, что практически одно и то же.

Если применяется данный подход, то для оценки предполагаемых стратегий чаще всего используются четыре критерия решения: критерий Вальда (называемый также максимином); альфа-критерий Гурвица; критерий Сэйвиджа (называемый также критерием отказа от минимакса); критерий решений Лапласа (называемый также критерием решения Бэйеса). Возможно также применение критерия максимина и максимального математического ожидания Ходжа-Лемана и критерия максимальной ожидаемой полезности [3; 7].

Критерий Вальда (критерий максимина) — это критерий консерватизма, попытка максимизировать уровень надежности. По этому критерию необходимо определить наихудший из возможных вариантов каждой стратегии, а затем выбрать стратегию, обещающую наилучший из наихудших вариантов. Основной недостаток критерия Вальда состоит в том, что при выборе решения учитывается наихудший вариант.

Альфа-критерий Гурвица предполагает определение индекса решения (d) для каждой стратегии, который представляет собой средневзвешенное его экстремальных отдач. Взвешивающими факторами (весами) служит коэффициент оптимизма (α), который применим к максимальной отдаче (M), и его дополнение $(1 - \alpha)$, которое применимо к минимальной отдаче (m). Стоимость каждой стратегии вычисляется по формуле:

$$d_i = \alpha M_i + (1 - \alpha) \times m_i. \qquad (3)$$

Критерий Сэйвиджа (называемый также критерием потерь от минимакса) исследует убытки, которые представляют собой понесенные потери в результате принятия неправильного решения. Потеря измеряется как абсолютная разность между отдачей для данной стратегии и отдачей для наиболее эффективной стратегии в пределах одного и того же сос тояния экономики.

Критерий Лапласа — это критерий рациональности, полностью нечувствительный к отношению ЛПР, выбранная по нему стратегия — это стратегия с самой высокой предполагаемой стоимостью при условии равных вероятностей.

Критерий Ходжа—Лемана опирается одновременно на критерий максимина и критерий максимального математического ожидания выигрыша.

Критерий максимума ожидаемой полезности — наиболее распространенный критерий, согласно которому оптимальное действие имеет максимальную ожидаемую полезность.

Для целей решения задачи выбора оптимального инновационного проекта рекомендуется применение критериев Лапласа, Сейвиджа, Гурвица, Ходжа-Лемана и критерия максимума ожидаемой полезности [3; 7]. В качестве инструмента для представления и анализа результатов реализации стратегий используется матрица решения (платежная матрица), помогающая концептуализировать и формализовать процесс решения на: постановку целей; выбор возможной отдачи; оценку и выбор альтернативных стратегий.

Выбор оптимального варианта инновационного проекта производится путем обработки данных платежной матрицы при применении статистических критериев, конкретизируемых на основе оценки степени неопределенности условий, в которых принимается решение. При наличии фактической информации задаются вероятности стратегий, а затем для каждой из них определяется математическое ожидание получаемого результата. Затем выбирается стратегия, обеспечивающая оптимальный результат — минимальный либо максимальный, в зависимости от принятого критерия. При расплывчатости, неоднозначности данных о возможных вероятностях стра-

тегий, затрудняющих выбор необходимых статистических критериев, компромиссное решение принимается путем совокупного применения последних на основе математического аппарата нечетких множеств [4; 5; 6; 9 и др.]. При решении задачи выбора оптимального инновационного проекта для каждого из критериальных показателей выбираются минимальные и максимальные величины, а затем по ним рассчитываются средние значения показателей, которые присваиваются значениям функции принадлежности. Для каждого из статистических критериев строятся функции принадлежности показателя нечеткому множеству. Оптимальное (эффективное) управленческое решение находится путем совместного учета перечисленных критериев — их свертывания на основе теории нечетких множеств [2].

Для нашей задачи сначала оптимизация выполняется для критериального показателя IRR, затем та же самая процедура — для двух критериальных показателей (IRR + II). Таким образом решается задача выбора оптимального инновационного проекта с использованием двух критериальных показателей на основе минимаксных критериев принятия решений и принадлежности функции нечетких множеств.

Заключение

Чтобы какой-либо проект инновационного развития организации (инновационный проект) мог считаться оптимальным с точки зрения инвестора и хозяйствующего субъекта, требуется достижение максимального значения чистого дисконтированного дохода (и индекса доходности инвестиций соответственно). С другой стороны, достижение максимально возможной инновационности и повышение инновационной активности организации — в интересах как самой организации, так и государства. Таким образом, оптимальный вариант инновационного проекта должен наилучшим образом удовлетворять интересам всех сторон, а также обеспечить выбор варианта из сочетания производственных и экономических показателей.

Модельной основой выбора является синтез необходимых критериев: Сэйвиджа (наименьшая потеря прибыли), Лапласа (все варианты равновероятны), критерия максимина и максимального математического ожидания Ходжа-Лемана, критерия максимальной ожидаемой полезности, Гурвица (выбор между наихудшим и наилучшим).

Для решения поставленной задачи должна быть разработана методика нахождения оптимального решения путем совместного учета перечисленных критериев — их свертывания на основе теории нечетких множеств Л. Заде, что является предметом дальнейших исследований.

Оценка эффективности инновационных проектов и выбор оптимального проекта является отдельным направлением в сфере обоснования проектных решений, а ее методология выходит за рамки традиционных методов инвестиционного анализа. Необходимы специальные методы оценки эффективности инноваций в условиях неопределенности информации, которые бы учитывали специфику инновационной деятельности, но опирались при этом на общеизвестные механизмы оценки инвестиционных проектов.

Научный поиск решения задачи выбора оптимального инновационного проекта должен осуществляться по следующим направлениям: должен рассматриваться более широкий спектр эффектов инновационной деятельности и факторов эффективности; необходимо «развести» эффективность управления инновационной деятельностью как процессом и эффективность инновационного проекта. Выбор оптимального инновационного проекта должен осуществляться при учете интересов ключевых участников проекта, которыми являются инвестор и компания — инициатор проекта.

Критерием эффективности принятия решения в отношении проекта инновационного развития организации является максимизация чистого дисконтированно-

го дохода от реализации инвестиций в инновационный проект при максимально возможном значении индекса инновационности. Принятие решения осуществляется на основе многокритериального подхода с применением критериального показателя экономического характера (индекс доходности инвестиций — IRR, рассчитываемый как производный показатель от NPV) и критериального показателя инновационного характера (индекс инновационности — II, рассчитываемый как интегральный показатель на основании коэффициента НИОКР, коэффициента инновационной активности и коэффициента доходности инновационной деятельности).

Для учета и анализа риска при расчете NPV и IRR инновационного проекта рекомендуется использовать метод RADR. Задача выбора оптимального инновационного проекта с использованием двух критериальных показателей решается на основе минимаксных критериев принятия решений (критериев Лапласа, Сейвиджа, Гурвица, Ходжа-Лемана, критерия максимума ожидаемой полезности) и принадлежности функции нечетких множеств.

Литература

1. *Валентей С.* Контринновационная среда российской экономики // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 132–143.
2. *Заде Л. А.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 165 с.
3. *Кит П., Янг Ф.* Управленческая экономика: инструментарий руководителя. 5-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 624 с.
4. *Недосекин А. О.* Нечетко-множественный анализ риска фондовых инвестиций. СПб.: Сезам, 2002. 181 с.
5. *Нечеткие* множества и теория возможностей. Последние достижения / Пер. с англ.; Под ред. Р. Р. Ягера. М.: Радио и связь, 1986. 408 с.
6. *Пуряев А. С.* Теория и методология оценки эффективности инвестиционных проектов в машиностроении. Набережные Челны: Изд-во Камской госуд. инж.-экон. акад., 2007. 180 с.
7. *Сио К. К.* Управленческая экономика / Пер. с анг. М.: ИНФРА-М, 2000. 671 с.
8. *Системный* анализ и структуры управления / Под общ. ред. проф. В. Г. Шорина. М.: Знание, 1975. 304 с.
9. *Шахвердиев Э. А., Мазепин Д. А.* Выбор оптимального варианта инвестиционного проекта разработки месторождений нефти в условиях экономического риска // Вестник Российской академии естественных наук. Региональная экономика. 2011. № 6. С. 54–59.

References

1. *Valentey S.* Counter innovative environment of the Russian economy // Economy Questions. 2005. No. 10. P. 132–143.
2. *Zade L. A.* The term of a linguistic variable and its application to adoption of approximate decisions. M.: World, 1976. 165 p.
3. *Keat P., Young P.* Managerial Economics: economics tools for today's desicion makers. 5th ed. / translation from english. SPb.: Piter, 2008. 624 p.
4. *Nedosekin A. O.* Indistinct multiple analysis of risk of share investments. SPb.: Sezam, 2002. 181 p.
5. *Indistinct* sets and theory of opportunities. Last achievements: Translation from English / Under the editorship of R. R. Yager. M.: Radio and communication, 1986. 408 p.
6. *Puryaev A. S.* The theory and methodology of an assessment of efficiency of investment projects in mechanical engineering. Naberezhnye Chelny: Publishing house of Kamsky State Engineering and Economy Academy, 2007. 180 p.
7. *Seo K. K.* Managerial Economics: translation from English. M.: INFRA-M, 2000. 671 p.
8. *System* analysis and management structures / Under the edition of V. G. Shorin. M.: Knowledge, 1975. 304 p.
9. *Shakhverdiyev E. A., Mazepin D. A.* Choice of optimum version of the investment project of development of oil fields in the conditions of economic risk // Messenger of the Russian Academy of Natural Sciences. Regional economy. 2011. N 6. P. 54–59.

О. Г. Филатова
А. В. Чугунов

O. G. Filatova
A. V. Chugunov

Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России*

Electronic Interaction between Society and the Power: Formation of the Concept and the Practice of Realization in Russia

Филатова Ольга Георгиевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении факультета прикладных коммуникаций
Кандидат философских наук, доцент
filatovo@gmail.com

Чугунов Андрей Владимирович
Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
Заведующий кафедрой управления государственными информационными системами, директор Центра технологий электронного правительства
Кандидат политических наук
chugunov@egov-center.ru

Filatova Olga Georgiyevna
Saint-Petersburg State University
Associate Professor of the Chair of public relations in policy and public administration of the Faculty of Applied communications
PhD in philosophy, Associate professor
filatovo@gmail.com

Chugunov Andrey Vladimirovich
National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Management of the State information systems
Director of the Center of technologies of the electronic government
PhD in political sciences
chugunov@egov-center.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
электронная демократия, электронное участие, электронное взаимодействие, открытость власти, краудсорсинг, гражданское общество, мониторинг

KEY WORDS
electronic democracy, electronic participation, electronic interaction, government transparency, crowdsourcing, civil Society, monitoring

РЕФЕРАТ
В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с формированием нормативной правовой базы открытости власти и обеспечения электронного участия граждан в принятии политических решений. Анализируются первые результаты мониторинга интернет-портала «Российская общественная инициатива» и предлагаются рекомендации органам государственной власти и муниципального управления.

ABSTRACT
The article is devoted to the controversial issues of formation of normative legal base of open government and providing of electronic participation of citizens in political management. The authors analyze the first results of monitoring the internet-portal “Russian public enterprise” and put forward the suggestions for state and municipal authorities.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту «Электронное взаимодействие между обществом и властью: исследование процессов социодинамики и институционализации» (проект № 13-03-00603).

В 2011 — начале 2013 г. в России был дан старт серии проектов, которые можно отнести к тематическому направлению «Электронная демократия». В этой связи существенный научный интерес представляет анализ этих процессов с точки зрения политической науки и управленческого консультирования. Настоящая статья посвящена рассмотрению дискуссионных вопросов, связанных с формированием нормативной правовой базы открытости власти и обеспечения электронного участия граждан в принятии политических решений. В этом контексте основным вопросом, который в настоящее время только выносится на научную дискуссию, является вопрос, образуются ли при развитии «электронной демократии» и механизмов «электронного взаимодействия власти и общества» (и на каком этапе) новые социальные институты, а если образуются, то в чем основные критерии и признаки этих институциональных изменений.

Под электронным взаимодействием в данной статье мы подразумеваем двусторонний обмен информацией между обществом (бизнес-сообществом, экспертным сообществом, гражданским обществом в целом) и представителями государственной власти всех уровней в современном киберпространстве. Электронное взаимодействие предполагает прежде всего эффективные взаимоотношения граждан по поводу предоставления электронных услуг, а также вовлечение граждан в публичную политику, расширение существующих каналов взаимодействия власти и общества. В идеале электронное взаимодействие должно способствовать улучшению имиджа органов власти и реально помогать населению в решении насущных проблем.

Несомненно, что внедрение технологий информационного общества и электронного правительства является важной частью программы модернизации страны и особенно системы функционирования органов власти. Возникают вопросы о том, насколько серьезны институциональные изменения, которые сопровождают данную модернизационную программу, насколько новые институциональные практики опираются на развитие социальных потребностей, какие факторы влияют на трансформацию традиционных социальных институтов и появление новых. В настоящее время отечественное обществознание еще не имеет достаточно четких и обоснованных ответов на эти вопросы.

Институциональные изменения, связанные с развитием киберпространства и постепенным формированием специфических социально-коммуникативных потребностей, стали проявляться в России с начала 2000-х гг. Однако когда речь идет о трансформации органов власти и каналов взаимодействия власти и общества под влиянием институциональных изменений в рамках развития «Электронного государства» и «Электронной демократии», необходимо учитывать, что в этой сфере трудно ожидать изменений даже при наличии достаточно развитых социальных потребностей в обществе. В связи с тем, что речь идет о процессе институциональных изменений не «сетевых», а «учрежденческих» структур, с нашей точки зрения ключевую роль играют вопросы легитимизации этих изменений. Тем самым главную роль играет очень специфический процесс отражения социальных потребностей в нормативной базе, которая придает легитимность деятельности органов государственной власти и местного самоуправления по использованию интерактивных сервисов для оказания услуг населению и бизнесу, а также реализации принципов «общественного участия».

В Российской Федерации первые нормативные документы, регламентирующие отдельные аспекты открытости власти с использованием сети Интернет, относятся к 2002–2005 гг. [1; 8]. В дальнейшем эти вопросы нашли свое отражение в Федеральном законе от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Первые проекты, которые можно отнести к тематическому

направлению «Электронная демократия», стартовали в России в 2011–2012 гг.

В конце 2011 г. было объявлено о начале работ по созданию портала «Электронная демократия», который был разработан в рамках госконтракта с Минкомсвязью России и открыт в начале 2012 г. Эта деятельность сопровождалась началом общественного обсуждения концепции развития «Электронной демократии» в Российской Федерации. В 2012 г. был запущен ряд региональных проектов, в качестве наиболее успешного среди них можно выделить портал «Наш город» (г. Москва, http://gorod.mos.ru/), который предусматривает сбор информации о проблемах от граждан, проведение народного контроля деятельности органов власти и формирование рейтингов по различным разрезам.

В настоящее время все более популярными становятся проекты интеграции социальных интернет-сервисов и государственных информационных систем с гражданами и бизнесом. Среди наиболее значительных стоит отметить Zakon.government.ru (общественное обсуждение действующих законов), сайты госзакупок, торгов, размещения заказов, Fedstat.ru (статистические данные), Gosdiscuss.ru, ГосЛюди.ру, Govweb.ru и др.

Министерство экономического развития России запустило портал «Ваш контроль» (https://vashkontrol.ru), посвященный качеству предоставления государственных услуг, где собираются отзывы об опыте получения услуг от их получателей: граждан и представителей бизнеса. На портале можно оставить свой отзыв и посмотреть оценки качества предоставления услуг, оставленные другими получателями.

Следует, на наш взгляд, обратить внимание на сайт «Демократия 2» (http://democratia2.ru), который создан в русле концепции «облачной демократии» и представляет собой систему распределенного принятия решений большой группой людей. По мнению авторов сайта, «она сочетает в себе лучшие черты прямой и представительной демократии. Участник системы по части вопросов может делегировать свой голос представителю, а по оставшейся части вопросов оставить право принятия решений за собой, работая, таким образом, в реальности прямой демократии. Система предполагает абсолютно прозрачный подход к выработке и принятию решений по всем актуальным проблемам политической и общественной жизни России» (цитата с сайта).

Прозрачную схему сотрудничества между региональными органами власти, разработчиками проектов, экспертами рынка и пользователями Рунета представляет проект Gov2People. На сегодняшний день Gov2People добился эффективного взаимодействия между заинтересованными гражданами в развитии направления Government 2.0. В каталоге Gov2People собраны российские гражданские проекты, за которые можно проголосовать. Важно подчеркнуть, что веб-сайты, которые развивают самостоятельно гражданские активисты и различные общественные движения, зачастую оказываются более информативными для граждан, чем порталы госструктур.

Исследователями отмечается, что социальные медиа в Интернете постепенно вытесняют традиционные СМИ. Эта тенденция была зафиксирована в 2010 г., когда в США был проведен общенациональный опрос, результаты которого показали, что 34% американцев получают новости из сетевых источников (в 2008 г. — 29%), тогда как из традиционных новостных газет — 31% (зафиксировано снижение с 34% в 2008 г.) [9]. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному в апреле 2012 г., в России информации в сети Интернет доверяют 64% опрошенных, получающих информацию из этого источника, при этом уровень доверия к Интернету с 2008 г. вырос с 49 до 64%[1].

[1] *Вся* правда — в телевизоре? / ВЦИОМ. Пресс-релиз 2081, 2 августа 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941.

По данным Левада-центра, за 2012 г. число пользователей Интернета в России возросло на 5% — с 52% до 57%. На сегодняшний день в России 61 млн интернет-пользователей, по этому показателю россияне — первые в Европе[1]. Охват социальных медиа в России, а также их влияние на аудиторию продолжают расти, они проникают все глубже в регионы. Необходимо отметить, что количество пользователей социальных медиа значительно растет и в мире. Так, согласно отчету компании Nielsen «State of the Media: The Social Media Report — Q3 2011», в США социальные сети и блоги на сегодняшний день охватывают 80% активных интернет-пользователей[2]. Непрерывно растет число взаимодействий в социальных медиа — на сегодняшний день всего за 60 секунд в Интернете отправляется 168 млн писем по электронной почте, заводится более 60 новых блогов, свыше 320 новых Twitter-аккаунтов, выполняется 2100 чекинов на foursquare[3].

Бизнес-сообщество играет все более активную роль в информационном поле. Бум краудсорсинговых проектов (crowd — outsourcing, «мудрость толпы», «коллективный ум» — использование общественного ресурса, как правило, бесплатное для производства товаров, услуг, разработки идей и т. д.) [6] начался в 2000-х гг., именно тогда, когда коммерческие компании стали повышать эффективность своей деятельности за счет бесплатного использования «коллективного разума» интернет-пользователей, что постепенно стало альтернативой привлечению дорогостоящих экспертов. Затем опыт бизнеса начали применять власти, осознав, что краудсорсинг может быть использован и в сфере государственного управления, особенно при установлении «обратной связи» между государством и населением. Стремительному развитию краудсорсинга, несомненно, способствует Интернет благодаря своим коммуникационным возможностям.

Сегодня мы можем смело утверждать, что использование краудсорсинговых технологий позволяет госорганам изменить характер взаимодействия с населением и улучшить свою деятельность. В данном контексте следует обратить внимание на слова Барака Обамы: «Правительство должно быть построено на принципах общественного участия, что повышает эффективность его работы правительства и улучшает качество принимаемых решений. Знание распределено в обществе; доступ к этому распределенному знанию является важным ресурсом для государства»[4].

В России, где темпы роста охвата населения Интернетом в то время еще отставали от развитых стран, на первом этапе явно выделялась задача выравнивания уровня доступности ИКТ, обеспечения возможностей для граждан пользоваться общественными пунктами доступа и другие вопросы, связанные с ликвидацией информационного неравенства в регионах России [7]. Затем (в 2008–2010 гг.) основные акценты сместились в сферу развития электронных государственных услуг, создания системы межведомственного электронного взаимодействия и запуска Единого портала государственных услуг (ЕПГУ).

Система институциональной поддержки проектов в сфере «Электронной демократии» начала формироваться в 2010 г., когда в России была утверждена государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)». В Программе было предусмотрено создание электронных сервисов поддержки общественного обсуждения и контроля

[1] *Официальный* сайт «Левада-центр»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/12-11-2012/57-rossiyan-polzuyutsya-internetom.

[2] *The Socialmedia* Report: State of the Media: [Электронный ресурс]. URL: http://www.slideshare.net/MEL1971/nielsen-socialmediareport-10048886.

[3] *60 Seconds* — Things That Happen On Internet Every Sixty Seconds: [Электронный ресурс]. URL: http://www.go-gulf.com/blog/60-seconds/.

[4] *Ослон А.* Апология умной толпы: [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/blogs/10349.

за деятельностью власти, а также реализация онлайновых и мобильных механизмов участия общественности в процессе принятия решений[1].

В апреле 2012 г. В. В. Путин заявил о необходимости применения возможности современной технологии общественной экспертизы, в рамках которой предложения и решения может предлагать каждый пользователь Интернета без каких-либо ограничений[2]. В августе 2012 г. была представлена Концепция формирования механизма публичного представления предложений граждан с использованием Интернета для рассмотрения в Правительстве РФ. В соответствии с Концепцией, «все предложения, выраженные с использованием средств специализированного ресурса, поддержанные в течение одного года не менее 100 000 граждан, подлежат обязательному рассмотрению рабочей группой при Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства»[3].

В мае 2012 г. указом Президента России[4] было дано поручение по формированию системы раскрытия информации о разрабатываемых органами власти проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения и размещения всей перечисленной информации на едином ресурсе в сети Интернет. Тем же указом была утверждена концепция «Российская общественная инициатива» (РОИ), предусматривающая создание условий для публичного представления предложений граждан с использованием специализированного ресурса в сети Интернет. Концепция предусматривала рассмотрение предложений, получивших поддержку не менее 100 000 граждан в течение одного года, в Правительстве Российской Федерации после проработки этих предложений экспертной рабочей группой с участием депутатов обеих палат Федерального собрания, представителей бизнес-сообщества и общественности. На следующем этапе предполагается развитие механизмов электронных петиций на региональном и муниципальном уровнях. В августе 2012 г. Правительством России были утверждены концепции реализации вышеуказанных поручений Президента[5].

В марте 2013 г. указом Президента России[6] были утверждены Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса РОИ. Данным указом деятельность по работе с инициативами граждан была распространена также на региональный и муниципальный уровни (установлены сроки начала рассмотрения: для инициатив федерального уровня — с 15 апреля 2013 г., для региональных и муниципальных инициатив — с 1 ноября 2013 г.). Была также определена некоммерческая

---

[1] *О государственной* программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р: [Электронный ресурс] // Российская газета. 16 ноября 2012. URL: http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html.

[2] *Наумов И., Шварц И.* Владимир Путин сделал ставку на краудсорсинг // Независимая газета. 19.04.2012: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2012-04-19/2_kraudsorsing.html.

[3] *Концепция* формирования механизма публичного представления предложений граждан с использованием Интернета для рассмотрения в Правительстве РФ: [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/20405/.

[4] *Указ* Президента Российской Федерации В. В. Путина от 7 мая 2012 г. № 601: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html.

[5] *Д. А. Медведев* утвердил Концепцию формирования механизма публичного представления предложений граждан с использованием Интернета для рассмотрения в Правительстве РФ. [23 августа 2012]: [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/20405/

[6] О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 4 марта 2013 г. № 183. URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3560189

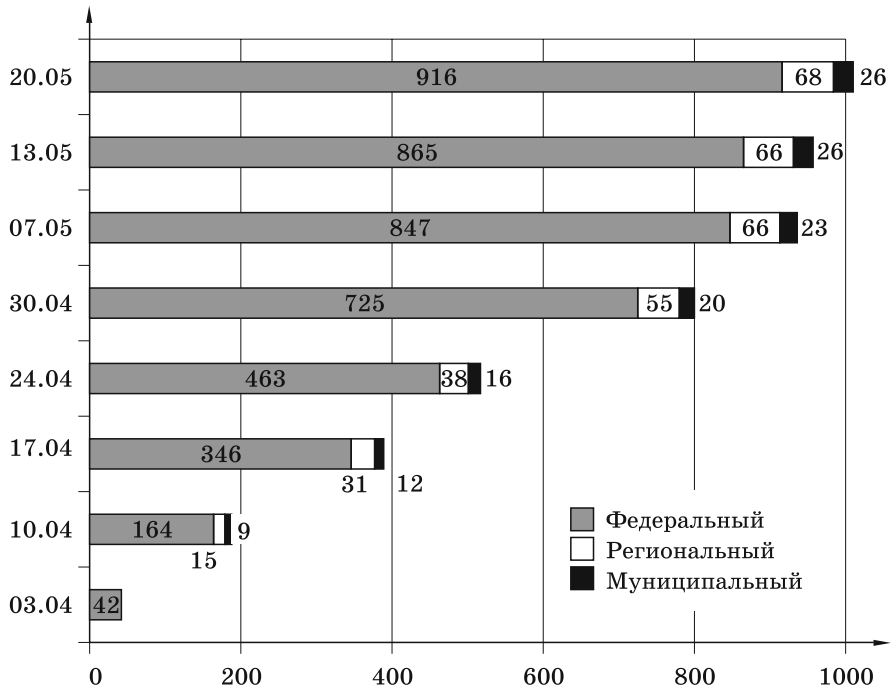


Рис. 1. Динамика представления инициатив на портале РОИ

организация (Фонд развития информационной демократии и гражданского общества «Фонд информационной демократии», http://www.id-f.ru/), уполномоченная на осуществление функций, предусмотренных Правилами рассмотрения инициатив. Во исполнение указа Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым даны соответствующие поручения федеральным ведомствам[1].

2 апреля 2013 г. состоялись презентация и запуск интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (http://www.roi.ru). С этой даты для всех совершеннолетних граждан России, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации (используемой также на ЕПГУ), стали доступны размещение своих инициатив и голосование за представленные инициативы.

3 апреля 2013 г. под нашим руководством стартовал инициативный проект Центра технологий электронного правительства НИУ ИТМО, ориентированный на изучение динамики и характера размещаемых на портале РОИ инициатив. Направления мониторинга: динамика выдвижения инициатив и их ориентация на уровни власти (федеральные, региональные, муниципальные); анализ тематической направленности инициатив; региональная активность (из каких регионов поступает больше всего инициатив); рейтингование инициатив (какие инициативы наиболее популярны и набирают больше голосов); реагирование органов власти на инициативы, набравшие необходимый порог голосов; результативность всего проекта РОИ (социальные эффекты). Естественно, что две последние позиции будут анализироваться после того, как хоть одна ини-

[1] Дмитрий Медведев дал поручения во исполнение указа Президента России об интернет-ресурсе «Российская общественная инициатива». [16 марта 2013]: [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/23332/.

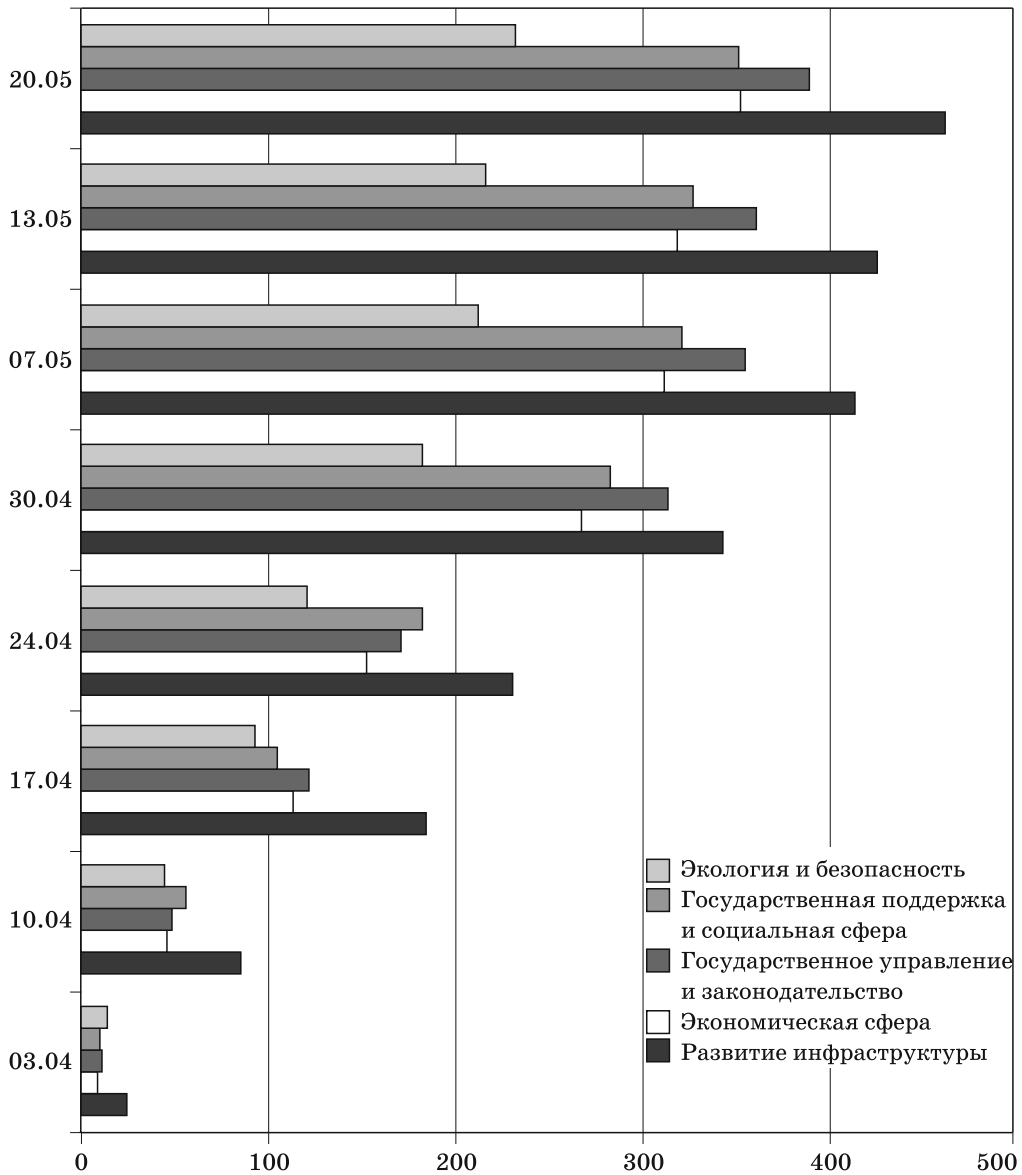


Рис. 2. Динамика представления инициатив на портале РОИ (по обобщенным темам)

циатива наберет требуемое количество голосов.

Первые результаты мониторинга (за 6 недель работы портала) представлены на рис. 1 и 2.

Следует отметить, что за первую неделю работы на портал РОИ поступило более 1000 инициатив, из которых около 180 прошли экспертизу и были размещены для голосования. В течение первого этапа работы портала, как мы видим, в основном поступают инициативы федерального уровня (рис. 1).

Распределение инициатив по тематикам демонстрирует устойчивое лидирование инфраструктурных проблем (око-

ло половины всех петиций), среди которых превалирует тема «Транспорт и дороги». На следующий день после открытия портала по этой темы было уже 14 инициатив (33%), через неделю — 45 (24%), еще через неделю — 96 (25%) и через три недели — 124 (24%). Группа инициатив, связанных с проблемами государственного управления и задачами совершенствования законодательства, на стартовом этапе развития проекта показывает устойчивый рост, но пока сохраняется на уровне 25–30% от общего количества представленных петиций. Характерно, что первой инициативой, которая сразу начала набирать голоса в свою поддержку, стало предложение ввести запрет любым государственным и муниципальным организациям требования представления ксерокопии (фотокопии) любых документов у граждан (1433 голоса в первую неделю функционирования портала и третье место в рейтинге петиций). Однако к концу первого месяца работы системы эта инициатива хоть и осталась в десятке приоритетных (на 29 апреля 2013 г. — 11, 800 голосов и 7-е место), но лидером во всем списке петиций стала инициатива «Запрет чиновникам и сотрудникам компаний с государственным (муниципальным) участием приобретать легковые автомобили стоимостью свыше 1,5 млн рублей» (на 29 апреля 2013 г. — 35 200 голосов и первое место в рейтинге). Следует обратить внимание, что данная инициатива за весьма короткий срок (около месяца) уже набрала треть голосов, необходимых для запуска официальной процедуры ее рассмотрения в соответствии с процедурой, закрепленной в нормативных документах.

Анализ петиций, которые были размещены на портале РОИ в первые месяцы его функционирования, показывает высокую активность социально активной части граждан и довольно существенный разброс и частичное дублирование петиций. На стадии предварительной экспертизы некоторые инициативы, которые полностью идентичны по своему содержанию уже представленным на портале, конечно, отклоняются, однако те, которые пересекаются по смыслу, но предлагают иные механизмы реализации, пополняют общий список петиций.

Можно предположить, что сама возможность опубликовать предложение, которое власти будут обязаны рассмотреть, если это предложение наберет необходимый минимум голосов, стимулирует и будет стимулировать выдвижение большого количества инициатив, не имеющих существенной социальной базы и не соответствующих потребностям и мнениям значимой части населения России. В качестве примера подобной инициативы можно привести такую петицию: «Отмена введения Петром I западного календаря и укорачивания летоисчисления русской цивилизации».

К сожалению, на момент подготовки статьи в системе еще не была реализована возможность получения обобщенной статистики по голосованиям в разрезе регионов и тематик. На первом этапе имеется возможность получать информацию о ходе голосования за каждую представленную инициативу и распределение инициатив по тематикам и уровню. Имеется также возможность на карте России увидеть общее количество (с указанием уровня) инициатив, выдвинутых гражданами конкретного региона (муниципалитета). Фонд информационной демократии планирует усовершенствовать интерфейсы системы, в том числе возможности для анализа характера и направленности инициатив, который выдвигают граждане. Это, несомненно, создаст новые возможности для исследования «температуры» общественных настроений, в том числе и в политической сфере.

Естественно, невозможно утверждать, что распределение тематик петиций и рейтинг наиболее «голосуемых» инициатив является репрезентативным отражением мнения большинства граждан нашей страны. Имеются два серьезных барьера, которые ограничивают возможность использования этого канала электронного взаимодействия граждан и

власти. Во-первых, это ограничение на пользование Интернетом (чуть более 50% населения), а во-вторых, регистрация на портале Госуслуг и/или через Единую систему идентификации и авторизации (по последним данным это немногим более 4 млн человек, или 2,8% населения страны).

В качестве позитивного аргумента можно привести предположение, что большинство из социально активных граждан (как потенциальных авторов инициатив и тех, кто готов высказывать свое мнение и участвовать в акциях референдумного типа) являются пользователями Интернета, т. е. преодолели первый из обозначенных барьеров. Второй барьер — регистрация на портале Госуслуг или через единую систему авторизации — легко преодолевается, особенно если этому будет способствовать развитие системы электронных услуг на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Существенные дополнительные возможности в этом плане может предоставить развитие процесса получения гражданами России Универсальной электронной карты (УЭК) и в дальнейшем реализация проекта «Электронный паспорт» (по прогнозам ФУО ОАО «УЭК» в 2013 г. владельцами УЭК станут порядка 3,5 млн россиян, а в 2014 г. планируется выдать около 10 млн электронных карт). Массовое получение индивидуальных идентификаторов в настоящее время сдерживается незначительным количеством услуг, которыми граждане могут пользоваться с их помощью.

Анализируя концепцию развития программы РОИ, следует отметить важное отличие российского портала петиций от его зарубежных аналогов (самые известные — американский и английские порталы). Это отличие состоит в том, что на портал РОИ принимаются для размещения и голосования не только законодательные инициативы (принятие неких новых регулирующих актов или предложения по изменению существующих), но и инициативы по осуществлению конкретных проектов, в которых требуется поддержка власти (например, «построить мост» и др.). Это отличие и возможность для продвижения конкретных проектов путем голосования создает потенциал для активности общественных организаций, групп граждан, краудсорсинговых проектов и в целом для эффективного электронного взаимодействия общества и власти.

Можно прогнозировать, что предстоят не привычные для чиновников ситуации, когда они будут обязаны рассматривать весьма необычные вопросы, а также вырабатывать методы онлайновой коммуникации с сообществами, продвигающими определенный проект методами краудсорсинга или просто агитацией в социальных медиа.

В органах власти уже идет процесс определения новых задач для подразделений, обеспечивающих связи с общественностью и других структур. Естественно, что текущий мониторинг ситуации в социальных медиа требует и освоения новых инструментов анализа. На смену традиционным инструментам электронного бенчмаркинга (анализ контента сайта, опрос пользователей, фокус-группы и т. д.) приходят новые инструменты [1], такие как анализ трафика, посещений, транзакций, введение сравнительных оценочных метрик [5], пользовательские инструменты (Google Analytics, Alexa.com), системы мониторинга социальных интернет-сервисов (IQ BUZZ, Babkee, Buzzlook и др.), анализ мнений, эмоций, вебкраулеры нового поколения [2], средства визуализации (пространственные данные, georeferencing и др.).

В заключение в качестве рекомендаций органам государственной власти и муниципального управления можно обозначить направления междисциплинарных прикладных исследований, которые необходимо проводить для получения комплексной картины развития механизмов «электронного взаимодействия» и «электронной демократии»:

- исследование социальных сетей и блогосферы (проекты в русле направления «Социодинамика»);

- открытые данные и системы краудсорсинга как инструментарий и механизмы «электронной демократии» и эффективные современные технологии взаимодействия власти и общества;
- исследование специфики функционирования обратной связи в условиях официального закрепления норм «электронного взаимодействия»;
- изучение появлений новых форм неравенства в случае придания приоритетов использованию механизмов «электронного взаимодействия» перед традиционными формами обратной связи;
- правовые коллизии, связанные с недостаточным нормативным обеспечением программ развития «электронной демократии».

Основным выводом, который можно сделать на основе анализа представленного материала, является утверждение, что в России в 2012–2013 гг. был обозначен явный тренд на институционализацию процессов формирования «электронной демократии» и электронного взаимодействия власти и общества. Эти процессы связаны в первую очередь с легитимизацией процедур подачи и рассмотрения «электронных петиций» в рамках проекта «Российская общественная инициатива» и нормативного закрепления необходимости представления информации о деятельности органов власти в формате открытых данных.

Однако этот процесс находится в начальной стадии своего развития и требуется тщательный анализ ситуации, а также определение критериев, которые позволят определить эффективность формируемых механизмов непосредственной демократии и степень их соответствия общественным потребностям. В этой связи следует привести мнение известного специалиста и консультанта администрации Б. Обамы Бет Новек. В своей известной книге «Wiki-правительство» она подчеркивает, что правовые основы прозрачности сами по себе не создают прозрачного правительства. «Внедрение новых технологий и новых способов осмысления информации, приводимое в действие группами, могут дать нам более открытую администрацию» [4, с. 198]. Тем самым юридические основы электронного взаимодействия закрепляют это право в теории, а не на практике. Исследователям предстоит оценить, насколько новые инициативы российской власти будут эффективны для решения проблемы установления обратной связи и выработки механизмов реального участия граждан в принятии властных решений.

Литература

1. *Бершадская Л. А., Биккулов А. С., Болгова Е. В., Чугунов А. В., Якушев А. В.* Социальные сети и социометрические исследования: теоретические основания и практика использования автоматизированного инструментария изучения виртуальных сообществ // Информационные ресурсы России. 2012. № 4 (128). С. 19–24.
2. *Иванов С. В., Болгова Е. В., Каширин В. В., Якушев А. В., Чугунов А. В., Бухановский А. В.* Web-ориентированный производственно-исследовательский центр «Социодинамика» // Приборостроение. 2011. № 10. С. 65–72.
3. *Коротков А. В., Кристальный Б. В., Курносов И. Н.* Государственная политика Российской Федерации в области развития информационного общества. М., 2007.
4. *Новек Б.* Wiki-правительство: Как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. М.: Альпина Паблишер, 2012.
5. *Филатова О. Г.* Коммунитаризм и гражданская журналистика как перспективные направления исследований // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 189–194.
6. *Хау Д.* Краудсорсинг: Коллективный разум — будущее бизнеса. М., 2012.
7. *Чугунов А. В.* Мониторинг общественного мнения об использовании общественных пунктов доступа в Интернет и востребованности электронных правительственных услуг (2005–2007 гг.) // Информационные ресурсы России. 2008. № 1 (101). С. 2–7.

8. *Чугунов А. В.* Российская концепция «Электронного государства»: формирование государственной политики и организационно-правовые проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 3. С. 78–89.
9. *Katz J. E., Lai C.* News blogging in cross-cultural contexts: A report on the struggle for voice // Knowledge, Technology and Police. 2009. Vol. 22. P. 95–107.

References

1. *Bershadskaya L. A., Bikkulov A. S., Bolgova E. V., Chugunov A. V., Yakushev A. V.* Social networks and sociometric researches: the theoretical bases and practice of use of the automated tools of studying of virtual communities // Information resources of Russia. 2012. N 4 (128). P. 19–24.
2. *Ivanov S. V., Bolgova E. V., Kashirin V. V., Yakushev A. V., Chugunov A. V., Bukhanovsky A. V.* The web focused production and research center «Sociodinamika» // Instrument making. 2011. N 10. P. 65–72.
3. *Korotkov A. V., Kristalniy B. V., Kurnosov I. N.* State policy of the Russian Federation in the field of development of information society. M., 2007.
4. *Novek B.* Wiki-government: As technologies can make the power better, democracy — stronger, and citizens — more influential. M.: Alpina Publisher, 2012.
5. *Filatova O. G.* Communitarizm and civil journalism as perspective directions of researches // Administrative consultation. 2011. N 2. P. 189–194.
6. *Howe J.* Crowdsourcing: Collective reason — the future of business. M., 2012.
7. *Chugunov A. V.* Monitoring of public opinion about use of public points of Internet access and a demand of electronic governmental services (2005–2007) // Information resources of Russia. 2008. N 1 (101). P. 2–7.
8. *Chugunov A. V.* Russian concept " Electronic state": formation of a state policy and organizational and legal problems // Messenger of the Moscow University. Series 12: Political sciences. 2010. N 3. P. 78–89.
9. *Katz J. E., Lai C.* News blogging in cross-cultural contexts: A report on the struggle for voice // Knowledge, Technology and Police. 2009. Vol. 22. P. 95–107.

С. В. Акопов S. V. Akopov

Цивилизация и империя как способ воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора

Civilization and the Empire as a Way of Imagination of Cultural and Political Community in V. L. Tsymbursky and V. K. Kantor's Concepts

Акопов Сергей Владимирович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра политологии
Заместитель заведующего
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

Akopov Sergey Vladimirovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of Political Science
PhD on Political Science, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
цивилизация, империя, В. Л. Цымбурский, В. К. Кантор

KEY WORDS
civilization, empire, V. L. Tsymbursky, V. K. Kantor

РЕФЕРАТ
Статья посвящена анализу цивилизации и империи в качестве способов воображения культурно-политического сообщества в концепциях В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора. Цивилизационная модель воображения сообщества В. Л. Цымбурского и имперская модель В. К. Кантора анализируются как важные шаги в сторону преодоления модели этно-национального сообщества. Вместе с тем, в статье выявляется «двойственность» попытки этих авторов совместить и цивилизационную, и национальную модель коллективной самоидентификации применительно к современной России.

ABSTRACT
This article analyzes "civilization" and "empire" as imagined political communities in the concepts of V. L. Tsymbursky and V. K. Kantor. Civilizational approach of V. L. Tsymbursky as well as an imperial model of V. K. Kantor are shown as important steps towards overcoming the model of ethno-national community. However, the article reveals controversial "duality" of these authors to combine both civilizational and a nation-state models of collective identity in relation to modern Russia.

Известный английский политолог и историк Б. Андерсон считает нацию и государство «воображаемыми сообществами». По его мнению, критической границей любой нации или государства служит идея «чужих» — людей, которых нация отличает и, возможно, даже отдаляет от себя. При этом такая граница проводится на уровне человеческого воображения. Называя нацию или государство «воображаемым сообществом», Андерсон имеет в виду, что это сообщество создается и удерживается не личным знакомством его членов, а исключительно силой их воображения. Откроем, рассуждает ученый, к примеру, газету *The New York*

Times. На ее страницах мы найдем истории о советских диссидентах, о голоде в Мали, об омерзительном убийстве, перевороте в Ираке, речи Ф. Миттерана и др. «Почему эти истории оказались рядом? Что их соединило? Ведь все вышеназванные события происходили независимо друг от друга. Та произвольность, с которой их объединили на страницах газеты, явно свидетельствует в пользу того, что связь между ними вымышлена» [9, p. 32]. Методологию книги «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона (1981) можно причислить к социальному конструктивизму. В данной статье предлагается проанализировать цивилизацию как способ воображения культурно-политического сообщества применительно к современной России.

Следует отметить, что в современной политической картине мира, сложившейся в эпоху модерна, доминирует норма, согласно которой государства «конституируются» нациями. При этом в современной литературе можно выделить как минимум *два подхода* к пониманию национального. Первый воспринимает нацию, скорее, как политическое сообщество, связанное с зарождением института государства на определенной территории. Второй подход сближает нацию с этнокультурной и языковой целостностью, не связанной с наличием единого государства, а возможно, и предшествовавшей ему, как это было в истории Германии. У истоков первого подхода стоит Э. Ренан, у истоков второго — И. Гердер. Понимание *нации* может исходить из биолого-культурного, *по сути — этнического*, подхода, (как до 2001 г. в законодательстве о гражданстве ФРГ); либо же нация может рассматриваться исключительно как политическое единство, возникшее в силу обстоятельств и заставившее совершенно разных людей забыть о своих различиях и жить вместе (конструктивистский подход). Последнее иллюстрируется фактом Французской революции и ее значением для формирования французской нации и гражданственности. Эти национальные особенности хорошо показаны в книге классика национализмоведения Р. Брубейкера [10]. Нацию, которая рассматривается как политическое, а не этническое единство, мы будем называть *гражданским пониманием нации*.

Однако, несмотря на гибкость модели культурно-политического сообщества, заданной многовариантной идеей нации *(как этнической, так и гражданской*) многим макрополитическим сообществам оказывается непросто в нее вписаться. Как отмечает О. Ю. Малинова, к сожалению, в литературе нет четких терминологических конвенций относительно значений понятий «нация» и «цивилизация». Воображение сообщества на основе цивилизационной общности, по ее мнению, связано с циклической историей религиозно-культурных и идеологических проектов, влияние которых удавалось распространять на значительные географические ареалы. При этом, как правило, это происходило параллельно с установлением политического контроля поддерживающих эти проекты и опирающихся на них империй [5, с. 333].

Для того чтобы осмыслить цивилизацию и империю как способы воображения культурно-политического сообщества в России, обратимся к наследию крупных российских политических философов В. Л. Цымбурского и В. К. Кантора. В работе «Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика» В. Цымбурский (1957–2009) ставит вопрос о том, что такое в геополитическом смысле «цивилизации», и можно ли к ним отнести Россию? С точки зрения московского философа, цивилизации в геополитике — это человеческие популяции (этносы или группы этносов), из которых каждая, во-первых, образцово, эталонно воплощает определенный, резко контрастирующий с иными тип духовности и социальности, и, во-вторых, заполняет собою некоторое достаточно обособленное пространство (ареал) в мировом раскладе, как бы конвертирует свой духовно-социальный тип в особую традицию государственного строительства и геополитики. Причем название, указывает Цымбурский, может характеризовать цивилизацию либо по типу ее

духовности, либо по типу ее социальности, либо по основной геополитической нише, либо, наконец, указывая на тот этнос или группу этносов, которые исторически представляют популяционное ядро цивилизации [8, с. 938].

У Цымбурского основное популяционное *ядро цивилизации* для самого себя предстает как «*особое, самодовлеющее человечество на особой земле»* [Там же]. Концепция Цымбурского хорошо иллюстрирует то, что цивилизационная модель воображения сообщества, как правило, предполагает наличие некоего локально закрепленного ядра. Периферия в цивилизационной модели Цымбурского потенциально безгранична. Как справедливо отмечает О. Ю. Малинова, это связано с тем, что в основе этой модели лежит принцип «сакральной вертикали», при котором «ядром» цивилизации выступают носители особых (сакральных) идей и культурных практик, которые совпадают с «трансцендентным назначением человечества» [5, с. 333]. У Цымбурского «сакральная вертикаль» делает из «ядровых народов» «основное человечество», а из населенного ими ареала — «основную землю» (ойкумены). В случае российской цивилизации «ядровым народом» являются «русские», а сама Россия, по мнению Цымбурского, «может быть непротиворечиво описана как геополитическое воплощение цивилизации, популяционным ядром которой были русские, независимо от их собственного этнического или субэтнического — как угодно — членения. А это значит, что сама цивилизация под именем Россия может быть представлена в виде „ядра“, окруженного геополитическим и этническим континуумом с различным содержанием инокультурных, а на некоторых направлениях — и иноцивилизационных признаков» [8, с. 940].

Конечно, такое видение структуры цивилизации Цымбурским предполагает цивилизационную геополитику, основанную на совершенно иных аксиомах, чем в варианте С. Хантингтона. Как отмечает сам московский философ, его вариант цивилизационной геополитики включает три важных момента: 1) различение для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии; 2) тезис об отсутствии непереходимых границ между периферийями соседних цивилизаций; 3) ставку на консолидацию и развитие цивилизационного ядра, наряду со взвешиванием и определенным ограничением обязательств стран ядра в отношении периферии [Там же].

Интересно то, каким образом Цымбурский сам осознает и пытается объяснить (оправдать) этноцентризм своей модели коллективного воображения русской цивилизации. Он пишет: «Мою модель обвиняют в „этноцентризме“. Но что же делать, если в истории отнюдь не редкость цивилизации, ядро которых образуется из одной группы близких друг другу этносов (или даже субэтносов)? Кто усомнится, что ядро китайской цивилизации в основном составляют китайцы? А ядро древнеегипетской — древние египтяне? Подобные цивилизации не менее распространены в истории, чем полисоставные, такие как романо-германская или арабо-иранская» [Там же].

В работе «Народы между цивилизациями» он вводит и далее конструирует свой дискурс через следующие понятия: *Лимитроф* — промежуточное пространство между империями или цивилизациями; *лимес* — неустойчивая окраина имперской или цивилизационной платформы; *сакральная вертикаль* — религия или идеология, соотносящая культуру, социальную практику и геополитику группы народов с трансцендентной высшей реальностью[1]. При этом на землях «от Дублина до Владивостока» по ключевым показателям («характеру сакральной вертикали, базисной этничности, опорному ареалу и, наконец, типу письма») в лице России и Запада Цымбурский выделяет два совсем разных цивилизационных комплекса: «Сво-

[1] *Цымбурский В. Л.* «Народы между цивилизациями». Московский Центр Карнеги, 1997: [Электронный ресурс] — URL: http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/nation/1. (Дата обращения: 13.03.2013.)

им северным православием, своим пережитым, но не изжитым большевизмом, «русскостью» и кириллицей Россия представляет собой скопление примет, противостоящих формальным показателям ядра Запада»[1].

В отличие от американского политолога С. Хантингтона Цымбурский доказывает, что цивилизационная геополитика, стремящаяся быть продуктивной, не должна замыкаться на догме «столкновения цивилизаций». Для него не менее важно взаимодействие каждой цивилизации с прилегающими этнокультурными лимитрофами (так называемое «Свое Иное»), а также — при большой экспансивной игре — влияние на лимесы других цивилизационных платформ. «Для России подобное геополитическое поле представляет собой евразийский „мир междумирий"; он протянулся от Финляндии до Кореи огромной дугой — Великим Лимитрофом, с которым соприкасаются все цивилизации Старого Света»[2]. Расходясь с С. Хантингтоном в важных деталях, Цымбурский в определении «*сакральная вертикаль*» вводит в ядро цивилизации религиозную, идеологическую и культурную составляющие, чем продолжает развивать российский цивилизационный дискурс, сформировавшийся в XIX веке.

Отдавая дань оригинальности модели «острова-России» Цымбурского, а также его стремлению уйти от неошмиттианского прямого «столкновения цивилизаций», есть четыре предпосылки, с которыми нам трудно согласиться. Во-первых, вопросы вызывает сама концепция «сакральной вертикали», которая представляется в качестве некоего стабильного источника *чего-то «священного»*, с помощью которого Цымбурский пытается легитимизировать цивилизационную модель «острова-России». Подробное исследование природы сакрального выходит за рамки данной статьи, но возникает вопрос: в чем критерии приобщения к такому сакральному и чему оно служит? Чтобы ответить на эти вопросы, можно обратить внимание на использование у Цымбурского эмоционально нагруженных выражений: «На практике республики, дистанцировавшиеся от России-СССР под лозунгами включения в некие свои „человечества", оказываются в положении цивилизационно-геополитических „амфибий", окраинных полукровок в тех сообществах, которым они напрашивались в родство» [8, с. 940]. Такие выражения в адрес бывших республик СССР, как «*окраинные полукровки», «которые напрашивались в родство»*, открыто отсылают нас к примордиалистскому, а может и постколониальному, дискурсу. То есть фактически «сакральная вертикаль» русской цивилизации оказывается у Цымбурского встроенной в дискурс о необходимости гегемонии России на постсоветском пространстве. Представляется, что данное понимание России у Цымбурского вполне вписывается в определение России в качестве «субальтерн-империи», данное В. Морозовым [11].

Во-вторых, относительно романтизации самого образа «острова-России», вспоминается рассказ Д. Г. Лоуренса «Человек, который любил острова». В нем герой — человек, который предпочитал проживать свою жизнь на островах — поочередно покупал себе острова и переселялся на них. Однако его второй остров был меньше первого, а третий — меньше второго, пока, в конце концов, человек (который любил острова) не умер от голода и холода, но наслаждаясь полной изоляцией на своем третьем острове. Вот как начинает свой рассказ Лоуренс: «Однажды жил человек, который любил острова. Он родился на одном из островов, но тот остров не подошел ему, так как там было слишком много других людей. А ему хотелось иметь остров, который бы весь принадлежал только ему одному. Необязательно, чтобы быть лишь одному на этом острове, но чтобы сделать из этого острова свой собственный мир (not necessarily to be

[1] *Цымбурский В. Л.* «Народы между цивилизациями» / Московский центр Карнеги. 1997: [Электронный ресурс]. URL: http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/nation/1 (дата обращения: 13.03.2013).

[2] Там же.

alone on it, but to make it *a world of his own*)»[1]. Представляется, что данный образ метафорически раскрывает идею построения воображаемого сообщества по принципу острова-цивилизации России. Не окажется ли Земля за Великим Лимитрофом — «остров-Россия» Цымбурского — своеобразной иллюстрацией сюжета рассказа английского писателя? Кто может дать гарантию, что нам не предложат со временем переселяться на второй или третий «острова-России»? Как справедливо заметил по этому поводу соотечественник Лоуренса Б. Рассел, все-таки «должен существовать неприятный компромисс между стремлением к изоляции и необходимостью удовлетворения эмоциональных и экономических потребностей» [6, с. 803]. Соответствует модель «острова-России» экономическим вызовам сегодняшнего дня? Речь идет в отношении России, вступившей в ВТО, сегодня, когда общепризнанно, что время «национальных рынков» уже прошло, что «уютных ниш больше не будет», что в «высокотехнологичном производстве существует только один — глобальный рынок» [7, с. 33].

В-третьих, сам термин «цивилизационной геополитики» невольно отсылает нас к наследию К. Хаусхофера и настраивает на язык «реализма» в теории международных отношений. Это же верно и в отношении термина «лимитроф», некогда обозначавшего пограничную область Римской империи, которая обязана была содержать стоящие на своей территории императорские войска. Примечательно, что в утвержденной 11 апреля 1939 г. А. Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву: *«Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»* [3, с. 50]. Сам Цымбурский, вероятно, воспринимал свою версию геополитики как наименьшее из зол, когда писал следующее: «В ближайшие годы переход российских политиков на „цивилизационную“ фразеологию и демагогию неизбежен. Вопрос лишь в том, в какой версии будет воспринят цивилизационно-геополитический подход — в наиболее ли брутальной, с подгребанием православных или евразийских „братьев“ и „битвами по разломам“, или же в варианте с различением для цивилизации ядра и периферии и преимущественным приравниванием цивилизации в целом к ее ядру» [8, с. 940].

Наконец, в-четвертых, какова цена этого «островного» положения России для рядового человека, не пожелавшего стать неотъемлемой частью (и здесь мы намеренно используем выражение Ж.-Ж. Руссо) «коллективного тела», то есть сакрального «ядра» цивилизации? У Цымбурского сакральность концентрируется в культурном, религиозном, идеологическом «ядре» цивилизации, но «угасает» по мере приближения к ее периферии. Не выступает ли тогда патриотизм просто в качестве способа встраивания в эту «сакральную вертикаль» власти внутри проекта данной цивилизации? И какова тогда будет судьба рядовых «непосвященных», выбравших проживать свою жизнь «на периферии» империи? Не теряется ли за этой моделью воображения сообщества ценность каждой отдельно взятой личности, «не пригодившейся» для миссии конкретной цивилизации? Не вынужден будет такой человек последовать известному совету поэта И. Бродского: «*Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...*» [1, с. 237].

Близкой к наднациональной идее цивилизации является *идея наднациональной империи*, в рамках изучения наднационального способа воображения культурно-политического сообщества можно

[1] *Lawrence D. H.* The Man Who Loved Islands: [Электронный ресурс]. URL: http://ebooks.adelaide.edu.au/l/lawrence/dh/l41wo/chapter9.html (дата обращения: 19.04.2013).

обратить особое внимание на работу В.К. Кантора (род. 1945) «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса». В своей монографии Кантор предлагает собственное понимание развития России и русской культуры в течение последних двух столетий. Особое внимание уделяется спору о судьбе двух столиц (Москвы и Петербурга), роли православия в решении Россией имперских задач, теме национализма, как причины, повлекшей за собой гибель имперских структур сначала в сознании, а затем и в реальности. В.К. Кантор находится в поисках возможности построить имперскую идеологию, то есть идеологию, опирающуюся на идею общего блага для всех народов, населяющих Российскую империю, ибо, по его мнению, Россия продолжает оставаться именно империей. В нарративе Кантора можно выделить несколько ключевых «поворотов».

Первый теоретический «поворот» Кантор делает, когда анализирует работу Э.А. Пайна «Между империей и нацией» и приходит к выводу, что *империя — это европейская идея*. Кантор соглашается с определением классической империи у Пайна (в качестве передовой формы государственной организации, которая стала изживать себя лишь к середине XIX века). Московский философ также поддерживает утверждение Э.А. Пайна, что ксенофобия и этнонационализм в принципе не присущи классическим империям. «Но, думаю, — отмечает далее Кантор, — что он [Пайн — *А. С.*] все же *не прав*, отождествляя нацистскую и сталинскую деспотию с имперской идеей (несмотря на самообольщения и самоназвания диктаторов), их генетическое родство с древними азиатскими деспотиями не раз отмечалось в западной литературе. Империя же — *европейский продукт*» [4, с. 14].

Почему Кантор считает империю именно европейской идеей? Философ высказывает мысль, что сама Европа возникает в качестве случайной мутации, маленького островка в огромном азиатском море (здесь мы снова возвращаемся к метафоре «острова» Д. Лоуренса; только уже не в отношении «острова-России», а «острова-Европы»). На взгляд московского автора, в XIX веке настоящими наследниками Римской империи пытались стать Российская империя и США. Сегодня возрождение имперских наднациональных принципов жизни можно видеть именно в Европейском союзе: «Европа становилась Европой с помощью имперской идеи, а разваливалась в эпоху становления национализма» [4, с. 14–15]. Империя, полагает Кантор, погибает при националистическом пафосе. Империя также немыслима без правового сознания. «Мы кусаем локти, говоря о гибели советской империи, называем сталинизм имперским, забывая, что на просторах истории всегда шла борьба западных империй и восточных деспотий. Чем же отличалась европейская империя от восточной деспотии?» [4, с. 18].

По мнению Кантора, именно Римская империя впервые вводит в единое целое государства три лучших принципа правления, указанных Аристотелем, соединяет их — монархию, аристократию и политию. Кантор дает следующее определение империи: «это политико-общественное структурное образование, *предназначенное историей* для введения в подзаконное и *цивилизационное* пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов» [Там же]. Как мы видим, у Кантора империя тесно переплетается с цивилизационным дискурсом. Выражение «предназначенное историей», видимо, заимствовано Кантором у Канта, так как не может быть случайной его ссылка на работу «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», в которой немецкий философ выражает надежду на «всеобщее *всемирно-гражданское состояние* [курсив В.К. Кантора — *А. С.*] как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода» [4, с. 21]. По мнению Кантора, именно Европа для Канта ориентирована на создание всемирного правового государства, как было некогда в Римской империи.

Второй «поворот» нарратива В.К. Кантора заключается в том, что он *на при-*

мере СССР разводит империю и национализм, империю и деспотизм. Кантор не только отвергает «распространенное в общественное сознание» представление об империи как абсолютно деспотическом образовании, но и в силу этого отказывается считать империей весь период существования СССР, деля его на периоды сталинской деспотии и попыток Н. Хрущева предложить идею имперского общего блага. Кантор воспринимает перспективу имперской идеи как возможность России вернуться в Европу, наподобие того, как это произошло в XVIII веке при Петре Первом. Однако для этого, по его словам, необходимо найти «код» подобной идеи, ключ к ней. Россия, по мнению философа, еще остается империей: в ней еще много национальных республик, а также разных народов внутри этих национальных республик. «Определять империю лишь как завоевательницу новых земель и их правительницу было бы упрощением. Она устраивает мир между многоплеменным населением, которое может находиться и на основной племенной территории. После сорока лет сталинской деспотии Хрущев нашел, быть может, наивные, но всем внятные слова, которые превращали страну из деспотии в империю. Он выдвинул абсолютно имперскую идею: «Догнать и перегнать Америку по производству масла, мяса и молока на душу населения». Идея казалась интеллектуалам примитивной, но она была знаковой, искала общего блага. Такую же роль сыграл и тезис о том, что отныне КПСС — «партия всего народа» [4, с. 509].

Такой имперский код, по мнению Кантора, найден сегодня в США. Используя методы визуальной антропологии, Кантор указывает даже на внешнее сходство Рима и Вашингтона: главное общественное здание — *Капитолий*; *Сенат* вызывает римские ассоциации не только как термин, но и как архитектурное строение, где по одной оси расположены *пантеон* Линкольна, *обелиск* Вашингтона и *ротонда* Джефферсона. Среди других признаков империи автор указывает на колоссальные прерогативы *принцепса* (президента США), на архитектуру и символическое название Верховного Суда, наконец на тот факт, что согласно американской конституции внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов. «Дело в том, — пишет Кантор, — что прежде всего США решили проблему внутренних взаимоотношений разных этносов, предложив им „идею американизма“ как наднациональную идею. Россия по всем своим параметрам *остается империей*. И это необходимо учитывать. Бесконечные статьи в СМИ и интернете о преступлениях на почве ксенофобии говорят как раз *об отсутствии имперской идеологии*. Но только не надо ее путать с национализмом, который всегда выступал как разрушитель всех империй» [4, с. 510]. Мы специально курсивом выделили парадокс в последней цитате у Кантора: у него Россия остается империей и при этом без имперской идеологии.

Третий «краеугольный камень» в нарративе Кантора — это идея *«русского европейца».* Петр Великий, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский (издававший, кстати, журнал «Европеец»), М. Ю. Лермонтов, Н. И. Лобачевский, А. К. Толстой, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, К. Д. Кавелин, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, В. С. Соловьев, И. И. Мечников, Д. И. Менделеев, А. П. Чехов, И. А. Бунин, П. А. Столыпин, Г. В. Плеханов, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой, И. П. Павлов, П. Н. Милюков, В. И. Вернадский, Ф. А. Степун — по мнению В. К. Кантора, это далеко не полный список «русских европейцев». Под последними Кантор понимал тех, «кто видели, что и Европе пришлось пережить чудовищные катастрофы: и бунты, и войны, и чумные эпидемии, и злодеяния сильных мира сего, и нищету народа, и закономерные ужасы революций, и продажность католической церкви, и жестокое, подчас кровавое противоборство реформаторских течений, что и поныне Европа раздираема социальными противоречиями, что она

не претендует на окончательное решение вопросов, но, однако, важнейшая, пусть даже единственная ее заслуга, что она каждый раз пытается их решать, не закрывая на них глаза» [4, с. 489–490].

Ссылаясь на Политика из «Трех разговоров» В. С. Соловьева, Кантор рассуждает о том, что *русские* в грамматическом смысле — имя прилагательное, а настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец* (как есть европейцы английские, французские, немецкие). То есть Кантор поддерживает мысль Соловьева о том, что сначала были только *греческие*, потом появились *римские* европейцы, затем *русские* европейцы, за океаном — европейцы *американские*, теперь должны появиться *турецкие, персидские, индийские, японские*, даже, может быть, *китайские* и т. д., потому что европеец — это понятие с определенным христианским содержанием и с расширяющимся объемом [4, с. 488]. Следует отметить, что европеизм Кантор понимает в качестве преодоления националистического почвенничества и националистической закрытости любой культуры. Именно в этом смысле русский европеец у Кантора полностью противоположен русскому западнику — не говоря уже о русском славянофиле.

Отдавая дань политической философии В. К. Кантора, представляется, что его имперская концепция не лишена внутренних противоречий. Думается, что В. Кантору не удалось полностью избежать смешения наднационального и национального, столь характерного для советского периода нашей страны в целом. С одной стороны, Кантор указывает, что, подпав под власть большевиков, традиционным образом русский народ выполнил то, что выполнял в течение столетий — собирание земель под руку Москвы. И что, в сущности, произошел повтор прежней империи, вплоть до географических контуров: «Это вроде бы новое геополитическое образование называлось Союзом республик, свободных и социалистических. По сути, была на субстрате империи рождена азиатская деспотия» [4, с. 508]. Рассуждая о попытке Хрущева найти «код» перевода деспотии в империю, Кантор пишет, что при этом не решена была проблема имперского сознания великорусского народа, которому долго внушались вполне националистические идеи, а смесь национализма и имперскости по сути дела разрушила самосознание народа, выбив смысловую опору его геополитического бытия. «Сегодня, по его словам, — русский народ переживает все последствия распада империи, как переживают эти последствия, скажем, Франция или Великобритания. Но под видом имперских амбиций на самом деле продолжают бушевать националистические амбиции, которые так и не были преодолены за все время, начиная с Петра Великого» [4, с. 508].

С другой стороны, Кантор апеллирует к Петру Первому как «великорусскому полубогу» [4, с. 301] и приводит цитату из Ф. Степуна о том, что «вести *русское* государство *может, конечно, лишь русское, точнее, великорусское племя*. В этом *водительстве* должна *твердо звучать тема имперской великодержавности*». И далее, поясняет тут же сам Кантор: «Имперская *великодержавность русского народа* означает лишь то, что определяющей в культуре империи может быть культура имперского народа и имперского языка, который с необходимостью используется как государственный язык. Таким языком была латынь в Риме, английский в Великобритании и т. п.» [4, с. 511].

Объяснения по принципу меньшего из зол (с которым мы уже сталкивались в нарративе Цымбурского) создает некую двойственность в позиции Кантора. С одной стороны, он утверждает, что было бы дикостью отказываться от укрепления национальной культуры имперского народа с его наднациональным порывом к «всемерности и всемирности», но еще большей дикостью и катастрофой становится «превращение национальной культуры в националистическую» [Там же]. С другой стороны, он допускает настораживающие оговорки, например: «поэтому имперский наднациональный пафос, терпимость к

соседям, *особенно внутренним*, остаются важнейшими задачами России» [Там же]. Возникает закономерный вопрос: что значит «терпимость к соседям, *особенно* внутренним» в сравнении с терпимостью к соседям «внешним»?

С одной стороны, Кантор критикует Достоевского за то, что тот считает великоруса «старшим братом в семье», осуждает его высказывание, что «русская земля принадлежит русским, *одним* русским, и есть земля русская, и *ни клочка в ней нет татарской земли*» [4, с. 361]. В России, аргументирует свое несогласие Кантор, — много «клочков чужой земли», это-то и надо было понять, эту проблему решать. Иначе как быть с «покоренным Кавказом»? Кто «пришлец» на *этой* земле? А с Польшей, Средней Азией, Финляндией и т. д.? Как быть с Сибирью, завоеванной русскими разбойными казаками-конкистадорами и московскими царями? Да и Малороссия, хотя Достоевский считал ее частью России, чувствовала себя несвободной и, начиная с Мазепы, пыталась обрести *самостийность*» [4, с. 362].

С другой стороны, пиетет перед фигурой Петра Великого у Кантора сочетается с политикой культурной ассимиляции (вместо, например, более щадящей в плане сохранения прежней идентичности интеграции). По его словам, Петр — *устроитель империи*, и при нем «великорусское государство перерождается во Всероссийскую империю, *господствующую* над многоплеменной страной, где русский элемент *только основа* и спайка, *организующая* и *ассимилирующая* сила» [4, с. 69]. Выражение «*только* основа» стоит того, чтобы его выделить отдельно.

Не достаточно, на наш взгляд, прописана в работе Кантора граница между имперскостью и космополитизмом, под которым он, в частности, понимает «пестроту национального состава» империи [4, с. 34]. По наблюдениям Кантора, космополитизм — имперская идея, которая «является впервые на свет, когда рушится античная полисная система и возникает первая европейская империя — империя Александра Македонского». Знаменитый киник Диоген впервые называет себя «космополитом». И великий император произносит всем известные слова, что, если бы он не был Александром, он хотел бы стать Диогеном. Поэтому объявление Сталиным «космополитизма» сущностным врагом советского строя означало только одно — окончательное перерождение советского режима в националистическую деспотию, о чем писали и Федотов, и Степун, и Франк, который, как мы помним, формулировал это так: «Впервые после XVII века “азиатский деспотизм” был насажден в России именно советским правительством; он отличается от архаических азиатских деспотий только тем, что в силу технического развития мог стать подлинно *тоталитарным* деспотизмом, каким не были и не могли быть его древние прообразы» [4, с. 500].

Однако если Кантор поддерживает мировое гражданство, космополитизм как продукт империи, тогда почему он восхищается фактом, что согласно американской конституции внутреннее законодательство и конгресс стоят выше международного законодательства и международных институтов [4, с. 510]. Новейшая история конфликтов военных интервенций в Югославии и Ираке хорошо показывает, чем может заканчиваться приоритет норм национальных (или наднациональных в смысле США-империи) над нормами международных организаций (ООН). Такое понимание космополитизма расходится с его определением у философов М. Нуссбаум и С. Бенхабиб и, кстати, самого же Кантора, который в другом месте соглашался с Соловьевым, что русский — лишь прилагательное для слова европеец, а за океаном такие же европейцы, только американские [4, с. 488]. Подобный космополитизм более всего выглядит как европоцентризм — знакомая нам у Цымбурского «сакральная вертикаль» в центре нового, но тоже «острова».

Таким образом, можно сделать вывод, что цивилизационная модель воображения сообщества В. Цымбурского и имперская модель В. К. Кантора — важные шаги в сторону преодоления модели

этно-национального строительства. Вместе с тем в «сакральной вертикали» цивилизации у Цымбурского «ядровые народы» трансформируются в «основное человечество», наподобие того, как великорусский народ у Кантора выступает в качестве ассимилирующей силы, господствующей над многоплеменной страной. Это показывает «двойственность» попытки совместить и цивилизационную, и национальную модель коллективной самоидентификации. Не исключено, что, защищая цивилизационную и имперскую идеи в России, Цымбурский и Кантор выбирают из двух зол (национализма и имперскости) меньшее. То, насколько бывает сложно (даже для таких интеллектуалов, как В. Цымбурский и В. Кантор) отказаться от «тоски по островам» (имеются в виду острова национального, цивилизационного или имперского сознания), может быть отражением объективного состояния нашего научного знания, которое философ М. К. Петров характеризовал как «кризис онаучивания», отмечая, что «распад научных дисциплин на плохо связанные друг с другом национальные очаги может привести к распадению ментального единства человечества» [2, с. 64]. Это также значит, что если могут быть иные способы воображения сообществ, чем нация и цивилизация, то они должны предлагать другие модели «сакрального».

Литература

1. *Бродский И.* Избранное. М., 2012.
2. *Дубровин В. Н., Тищенко Ю. Р.* М. К. Петров. Два эпизода и вся жизнь. М., 2006.
3. *Дюков А.* «Пакт Молотова — Риббентропа» в вопросах и ответах. М., 2009.
4. *Кантор В. К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2007.
5. *Малинова О. Ю.* Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Политическая идентичность и политика идентичности. год, №?С. 2012.
6. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 2001.
7. *Путин В. В.* О наших экономических задачах // Государственная служба: Вестник РАНХиГС. 2012. № 1.
8. *Цымбурский В. Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика // Геополитика. Антология. М., 2006.
9. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; N.Y., 2006.
10. *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge. 1999. P. 75–85.
11. *Decentring* the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. V. Morozov (Ed.). Ashgate, 2013.

References

1. *Brodsky J.* Favourites. M., 2012.
2. *Dubrovin V. N., Tishchenko Yu. R.* M. K. Petrov. Two episodes and all life. M., 2006.
3. *Dukov A.* “Molotov-Ribbentrop Pact” in questions and answers. M., 2009.
4. *Cantor V. K.* Saint-Petersburg: The Russian Empire against the Russian chaos. To a problem of imperial consciousness in Russia. M., 2007.
5. *Malinova O. Yu.* Between ideas of the nation and a civilization: dilemmas of macropolitical identity in a post-imperial context // Political identity and policy of identity. P. 2012.
6. *Russell B.* History of the western philosophy. Novosibirsk, 2001.
7. *Putin V. V.* On our economic tasks // State service. Messenger. 2012. N 1.
8. *Tsymbursky V. L.* Russia — Earth behind Great Limitrof: civilization and its geopolitics // Geopolitics. Anthology. M., 2006.
9. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York, 2006.
10. *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge. 1999. Pp. 75–85.
11. *Decentring* the West: The Idea of Democracy and the Struggle for Hegemony. V. Morozov (Ed.), Ashgate, 2013.

Ж. Дюметц
А. М. Сосновская

G. Dumets
A. M. Sosnovskaya

Кросс-культурная коммуникация

Cross-cultural Communication

Жером Дюметц

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва)
Кафедра сравнительной экономики и предпринимательства
Старший преподаватель
jerome.dumetz@clamart.net

Сосновская Анна Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра связей с общественностью
Кандидат филологических наук, доцент
anna12012007@ya.ru

Gerome Dumets

Russian Economic University, named by G. V. Plekhanov (Moscow)
Chair of Comparative economy and business
Assistant Professor
jerome.dumetz@clamart.net

Sosnovskaya Anna Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Chair of Public Relations
PhD in Philology, Associate Professor
anna12012007@ya.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

модели коммуникации, культуры низкого и высокого контекста, кросс-культурная коммуникация

KEY WORDS

models of communication, culture of high and low context, cross-cultural communication

РЕФЕРАТ

В статье предпринята попытка осмысления моделей коммуникации и стилей коммуникации в зависимости от культуры, а также показана важность осознавания принципов коммуникации для управления.

ABSTRACT

This article is an attempt to understand communication's patterns and styles, and it also shows the importance of the awareness of the principles of communication to cross-cultural management.

Кросс-культурный менеджмент опирается на результаты исследований в различных гуманитарных областях — от антропологии до социологии и, конечно, до управления бизнесом. Однако одна область — коммуникация, общение — особенно тесно с ним связана. Для многих ученых и исследователей в России и на Западе смысл менеджмента состоит именно в коммуникации. В данной статье предпринята попытка показать вариативность коммуникации, ее зависимость от страны, культуры и языка, а также важность осознавания принципов коммуникации для управления. Сначала мы противопоставим традиционной модели новую, нелинейную модель коммуникации, далее покажем ее релевантность для управления, приводя примеры из практики кросс-культурного менеджмента.

Модели коммуникации

Культура оказывает на нас влияние и проявляется через нас, в основном, когда мы общаемся. Асоциального человека (отшельника на острове) не затронет эта тема. Лишь в процессе взаимодействия с другими мы задумываемся над вопросами культуры.

Традиционная модель коммуникации. Согласно наиболее принятой, линейной модели, коммуникация состоит в отправке сообщений другим. Отправитель кодирует сообщение в прием-

лемый формат, чтобы соответствовать выбранному каналу передачи. Язык в письменной или устной форме является кодом. Дополнительная информация — шум или контекстная информация — оказывает влияние на процесс.

Для того чтобы реципиент вашего сообщения полностью понимал его, он должен разделять с вами не только один и тот же канал, но и один и тот же код.

В случае коммуникации между несколькими лицами получатель должен отправить обратно некую информацию, показав, что получил сообщение. Отзыв, feedback, обратная связь — важнейший элемент общения, поскольку лишь получив подтверждение того, что ваше первое сообщение понято, вы можете отправить следующее. Обратная связь может быть различной формы. Чаще всего это отдельное сообщение, иногда просто жест, порой — ничего. Любая реакция имеет определенный смысл и является частью коммуникации.

Нелинейные модели коммуникации

Ко второй группе — нелинейных, смысловых — моделей относят диалогические, транзактные, семиологические, полевые, интерактивные, психологические, философские и другие модели коммуникации.

Некоторые модели этой группы акцентируют внимание на том, что распространение сообщений выполняет ритуальную функцию, воспроизводя ценности, порядок, согласие, доверие через осмысление разделяемого опыта, таким образом, сохраняя общество во времени.

Основатель «культурных исследований» Стюарт Холл видит проблему традиционной модели коммуникации в том, что процессы кодирования и декодирования сообщения очень отличаются друг от друга (когда, например, реципиент воспринимает и интерпретирует тот или иной жест по-своему, вкладывая в него подчас совершенно не тот смысл, который подразумевал создатель сообщения).

Две основные идеи диалогической модели русского филолога М. М. Бахтина весьма существенны для нового понимания процесса коммуникации:

Необходимым признаком любого высказывания является его обращенность, адресованность; речь идет о том, что без слушающего нет и говорящего и говорят всегда кому-то.

Всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте. М. М. Бахтин ввел в научный дискурс концепцию «хронотопа»: «время» и «место».

Согласно концепции Бахтина, автор коммуницирует с респондентом через текст, а согласно представлениям французского семиолога Ролана Барта — текст сам «коммуницирует» независимо от автора, и каждое новое прочтение текста создает новое значение (читающий как бы пишет свой собственный текст заново) [1].

Ю. Лотман критикует линейную модель и трактует коммуникацию как перевод текста «с моего языка на твой язык»: «…акт коммуникации следует рассматривать не как простое перемещение некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, а как перевод некоторого текста с языка моего „я“ на язык твоего „ты“» [3, с. 653].

Как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой. Важнейшей атрибутивной характеристикой рассказа (нарратива) является его самодостаточность и самоценность» [2].

Языковую деятельность и общение чилийский исследователь Умберто Матурана сравнивает с танцем, которому свойственны не иерархия, управление и конкуренция, а взаимная подгонка действий, сотрудничество людей. «Человеческие существа являются биологически любящими (сотрудничающими) существами, — говорит он в одном из своих интервью, — а язык — это наш биологический способ жизни». Обмен мыслями, словами, вербальный и невербальный

контакт между людьми, по мнению Матураны, — это наиглавнейшая социальная потребность человека. Следует отметить, что умение удовлетворять эту потребность развивается в процессе социализации — человек учится строить отношения, общаться, вступать в контакт.

Матурана подвергает сомнению линейную модель коммуникации и сам термин «передача информации», считая его всего лишь неудачной метафорой совместной деятельности, в результате которой возникает сходный отклик: более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного. Это напоминает слова философа Мераба Мамардашвили: не надо даже пытаться понять другого, это бесполезно, лучше вместе понимать что-то третье.

Психотерапевтическая метафора «контактная граница» говорит об этом третьем элементе — в психотерапии есть терапевт, клиент и третье — психологическое пространство между ними: задача терапевта — обсуждать то, что происходит, что имеется в настоящий момент между двумя людьми в этом поле, пространстве, на контактной границе.

Новизна, рост, изменение конструируются в процессе взаимодействия людей, обмена информацией, дискурсивной практики. Иногда людям трудно уловить новизну, так как они воспринимают актуальность через призму прошлого, стереотипы и нерешенные конфликты.

Речь обозначает участников коммуникации. Вербальная и невербальная речь — это то третье, что их объединяет. Хотя восприятие этого совместного дискурса будет индивидуальным и субъективным для каждого участника, но они актом коммуникации порождают общий элемент, общий дискурс.

«Акт экспрессии, как и акт речи, ярко обозначает факт, что „кто-то есть“, — пишет гештальт-терапевт Жан-Мари Робин[1]. — Присутствует другой, кто позволяет этому акту осуществиться, кто участвует в его создании. Без присутствия этого другого это выражение или эта речь не была бы тем, чем она представляется»[2].

Для гештальт-психотерапии приоритетна работа не над психикой, не над тем, что происходит внутри человека, а работа с тем, что возникает при контакте человека со средой, с другим человеком, как осуществляется контакт, коммуникация, реализуется потребность. Это направление психологии может многое дать для коммуникативного менеджмента.

Все, что происходит при контакте человека со средой (а средой может быть и другой человек также), согласно гештальт-теории, мало-помалу становится психикой, — психика состоит из опыта «контактов», осознанных, рефлексивных столкновений с реальностью, ведущих к ассимиляции новых смыслов и интеграции личности. Любой акт экспрессии, вербальное и невербальное действие, текст вызваны к жизни аудиторией, средой и обращены к ней. Социальные, дискурсивные практики, опыты общения и контакта формируют психику, способствуют развитию человека и общества.

Рассмотрим особенности межличностной коммуникации в кросс-культурном контексте, как люди вступают в контакт со средой в разных странах, как они стремятся к развитию психики отдельного человека и формированию общества в целом. В условиях глобализации необходимо осознавать ответственность за конструирование дискурса и межкультурной среды.

Все новорожденные «говорят» (лепечут) одинаково по всему миру. Продолжается это около двух месяцев. По истечении этого периода в лепете младенцев начинают проявляться звуковые различия. В течение этих двух месяцев младенцы слышат окружающих их людей. Различия в языке, интонации и другие особенности, связанные с вербаль-

[1] Жан-Мари Робин — вице-президент Европейской ассоциации гештальт-терапии, директор Французского Гештальт Института.

[2] *Робин Ж.-М.* Быть в присутствии другого: этюды по психотерапии. М., 2008.. С. 83–84.

ным общением, способствуют тому, что ребенок начинает издавать новые звуки, характерные только для окружающего его мира, его культуры.

В первые годы жизни личность формируется под влиянием тесных контактов с другими людьми, что также обеспечивает культурную принадлежность данной личности. То, насколько часто мы прикасаемся к младенцам, целуем, моем их, — все это влияет на их будущее отношение к подобным проявлениям чувств и на общую чувствительность к нюансам коммуникации. То, как мы одеваем детей (или оставляем их голенькими); туго пеленаем или позволяем им свободно двигаться; говорим ли с ними шепотом или нормальным голосом; укачиваем или оставляем засыпать самостоятельно; позволяем ли им быть в контакте с животными, — все эти многочисленные детали и будут формировать коммуникационный тип личности.

Вербальная и невербальная коммуникация

Трудно оценить, какую часть нашего общения составляют вербальная и невербальная коммуникация. Для подтверждения чрезвычайной важности невербального общения специалисты часто обращаются к трудам Альберта Меграбьяна[1]. В его знаменитом правиле «7-38-55 процентов» говорится, что основной смысл сообщения передается средствами невербальной коммуникации (словами передается 7 процентов смыслового содержания сообщения, интонацией — 38, а мимикой и жестами — 55 процентов). Естественно, это правило не является универсальным, и применимо только в определенных ситуациях.

Вербальные средства используются в большей части нашей осознанной коммуникации.

Несмотря на все более широкое использование в общении современных технологий, вербальная коммуникация остается основным каналом передачи сообщений от одного индивидуума к другому. В заграничной поездке только владение местным языком или иным языком, общим для вас и местного жителя, поможет вам понять друг друга. Все ваши навыки в расшифровке языка мимики и жестов окажутся, скорее всего, бесполезными.

В общении участвуют все наши пять чувств, но именно речь является наиболее прямым, простым способом коммуникации в повседневной жизни. Речевое сообщение отправляется быстро, практически мгновенно, и отзыв (словесный или нет) приходит почти сразу же после отправки этого сообщения, а часто даже во время его отправки (то, что в гештальт-психологии называют полевым эффектом).

В мире насчитывается порядка семи тысяч языков. Владение иностранными языками ценилось всегда и ценится по сей день. Английский стал языком общения во многих регионах мира, как веками раньше шумерский, греческий, латинский или французский. Разумеется, невозможно определить заранее, какой язык станет языком международного общения в будущем, но любой путешественник, бизнесмен или просто турист осознает полезность владения каким-либо иностранным языком. Кроме того, в большинстве стран в реальности используется более одного языка (одноязычные страны являются редкостью), и, как следствие, почти 50 процентов населения земного шара является двуязычным.

Стоит также отметить, что в рамках одного языка возможно передать множество различных значений. Если говорить исключительно о вербальном общении, то много информации можно получить, всего лишь оценив уровень владения языком отправителя сообщения (слабый, средний, высокий), семантику речи, богатство лексики и, конечно, использование местного или профессионального жаргона. Родившийся в Севилье таксист, учитель литературы из Буэнос-Айреса или полицейский из Сан-Хосе в Коста-Рике говорят на испанском языке, но их вербальные сообщения

[1] Mehrabian, Albert. Silent messages, 1971.

сформированы с помощью разных кодов. Это верно также и для любого другого языка.

Кроме того, в одном языке слова могут иметь совершенно разные значения в зависимости от того, кто и где на этом языке говорит. Зачастую в связи с этим пищу для публикаций в средствах массовой информации дает международный маркетинг, когда при переводе рекламы какой-либо продукции на местный язык возникает недоразумение.

В австралийской газете «Кури Мейл» приведен пример такой многозначности: в английском языке австралийских аборигенов слово „deadly“ (букв. «смертельный») означает «отличный, замечательный». Во французском языке «char» означает «танк» (бронированная машина), а в Квебеке это просто «автомобиль». Китайский язык используется в различных районах Азии, и одно и то же слово может быть интерпретировано совершенно по-разному людьми, живущими на разных территориях. К примеру, слово ВуСинь в северном Китае означает «нечто, приводящее вас в длительное расстройство». При этом на Тайване и в Гонконге слово ВуСинь обозначает «нечто, что делает вас счастливым, восторженным и в некотором роде вас трогает». Представьте себе последствия приезда жителя северного Китая в Гонконг!

Вербальная коммуникация отражает многие черты нашей личности, равно как и элементы культуры, к которой мы принадлежим. Внимательный слушатель сразу же дает говорящему предварительную оценку. Хотя эта оценка не имеет особенного значения, мы все, тем не менее, неосознанно ее делаем. Именно таким образом, совершенно спонтанно, мы определяем принадлежность собеседника к определенной культуре, определяем возможность и продуктивность нашего общения.

Необходимо также отметить, что поскольку мы общаемся постоянно, то весьма значительная часть нашего общения происходит неосознанно. В частности, во время вербальной коммуникации периодически допускаются невольные ошибки и неточности, зачастую связанные с усталостью или стрессом.

Как уже отмечалось выше, люди, принадлежащие к разным культурам, говорят на разных языках. Помимо этого, они используют и разные элементы невербальной коммуникации. Для анализа невербального общения можно использовать две категории: коммуникация, связанная с языком — как мы говорим, «параязык», — и все остальное, что можно назвать неязыковой коммуникацией.

Параязык и просодия

Параязык охватывает широкий спектр проявлений, и все они культурно обусловлены. Его составляют различные типы акустических элементов, сопровождающих язык, а также звуки, заменяющие или дополняющие речь. И те и другие передаются по голосовому каналу, но являются невербальными средствами коммуникации. Паралингвистические проявления не только информируют нас об эмоциональном состоянии говорящего, но также представляют собой культурные сигналы.

Просодия, тесно связанная с параязыком, охватывает такие особенности речи, как громкость, темп, интонация, ритм, расстановка и длительность пауз и постановка акцентов и ударения.

Общение с соотечественниками на родном языке оставляет минимальные шансы для возникновения культурных недоразумений, чего нельзя сказать о ситуации, в которой коммуникация происходит между представителями разных культур.

Все мы склонны экстраполировать паралингвистические характеристики собственного языка на используемый нами иностранный язык, причем ситуация усугубляется (культурный разрыв углубляется), когда оба участника коммуникации говорят на третьем, не родном для них обоих, языке.

Большинство паралингвистических аспектов языка несет явно выраженный культурный смысл, и при этом они могут значительно различаться в разных культурах и языках.

Среди них выделяют следующие проявления:

- скорость речи;
- ее громкость;
- интонация или мелодика языка;
- тон голоса;
- длительность высказывания;
- использование пауз и молчания;
- звуки, не являющиеся словами.

Обратная связь в различных культурах

Финальная часть процесса коммуникации — это обратная связь, отзыв, реакция. Обратная связь может быть представлена в следующих видах:

- вербальный ответ;
- комментарий сообщения (перехват инициативы);
- звуки, не являющиеся словами;
- ономатопея (слова, имитирующие звук).

В США слово «великолепно» легко используется просто для подтверждения получения ответа на конкретный вопрос:

Продавщица: Какого цвета автомобиль вы бы предпочли?

Клиент: Я думал о простом белом...

Продавщица: Великолепно. С кондиционером?

Во многих других культурах такое использование превосходной степени может быть либо принято как похвала, или, скорее, как ирония. В обоих случаях, к сожалению, эффект очень отличается от ожидаемого!

«Да» является одним из наиболее часто используемых словесных выражений обратной связи по всему миру. При этом смысл слова «да» может существенно отличаться в разных культурах. Зависит это от важности роли, которую в той или иной культуре играет контекст. Культуры, в которых при общении практически отсутствует дополнительный контекст, называют низкоконтекстными культурами. Представители таких культур концентрируются на буквальном смысле сообщения. Представители других культур будут анализировать смысл сообщения с помощью максимального количества дополнительной информации, а не только на основе содержания данного сообщения: это высококонтекстные культуры. Согласно С. Холлу, американская, немецкая, скандинавская и швейцарская культуры, как правило, низкоконтекстные, тогда как азиатские культуры находятся в высококонтекстной части континуума. В японском языке имеется термин «иссин денсин», который переводится буквально как «традиционная мысленная телепатия». Этот термин отражает высоко ценимую данной культурой имплицитную, или молчаливую, коммуникацию. В корейском языке имеется аналогичный термин, «и-сим-жун-сим», который считается в Корее одной из высших форм коммуникации.

Таким образом, принятие во внимание большого количества информации может привести к тому, что в процессе коммуникации идеи будут выражаться и пониматься без слов (наличие подтекста). В таких случаях то, что говорится не в полной мере, означает то, что говорящий хочет передать. Иногда смысл сообщения противоположен ответу: «Да» означает «нет»!

В России в ситуации, когда один человек предлагает помощь другому: «Вам помочь?» — «Спасибо!» — «спасибо» означает «да». И далее совершается помощь. Во Франции в подобной ситуации: «Вам помочь? Спасибо!» — «спасибо» означает «нет». Русский человек испытывает в такой ситуации культурный шок — только он согласился на помощь и ожидает ее, француз, смущаясь и пожимая плечами, уходит.

Невербальный отзыв представляет собой звуки, не являющиеся словами, такие как «гм», «э-э-э» или «ага». Эти звуки неразрывно связаны с культурой, к которой принадлежит произносящий их, поскольку им нельзя дать точного определения, так как они не являются словами со своей этимологией в качестве ориентира.

Подобные невербальные отзывы — частые источники межкультурных недоразумений, и их рекомендуется при таком общении по возможности избегать.

Вопросы, содержащие отрицание («Ты не запер входную дверь?») также могут привести к путанице, поскольку ответ «да» может либо отвечать на отрицание, содержащееся в вопросе (т. е. «Да, я не запер дверь, она остается открытой»), либо на сам вопрос (т. е. «Да, я действительно запер дверь, она теперь закрыта»). Во избежание недоразумений в сходных ситуациях лучше убедиться, что вы правильно поняли ответ.

Культурные разногласия иногда приводят к фрустрации, ущемлению прав личности или даже целого народа.

Исследования показывают, что аборигены Австралии зачастую отвечают «да» на предложения разного рода продавцов для того лишь, чтобы угодить последним и вежливо закончить разговор. Однако продавцы, как правило, принимают «да» за согласие и втягивают аборигенов в заключение контрактов с тяжелыми для тех условиями.

Сотни представителей коренных народов Австралии и Океании были подобным образом втянуты в самые разнообразные сделки на покупку или аренду продуктов и услуг, которые они не могут себе позволить, на несправедливых, эксплуататорских условиях. Расположенная в Северном Квинсленде организация, оказывающая помощь потребителям — представителям коренных народов (ICAN), аннулировала более 800 контрактов, предотвратив нанесение финансового ущерба на сумму в 2 миллиона долларов, что сама она считает лишь «верхушкой айсберга».

Точно так же аборигены Австралии «соглашаются» в повседневных разговорах с представителями некоренного населения. Они всего лишь пытаются вежливо сказать человеку, что не хотят или не могут ответить на их вопросы или просьбу, потому что не испытывают доверия к собеседнику или просто не считают нужным давать ответы [4].

Культуры низкого контекста гораздо больше полагаются на эксплицитный, разговорный язык при передаче мыслей и сообщений. По этой причине они, как правило, поощряют способность точно выражать свою позицию вербальным способом, стремятся наращивать вербальную компетентность, тезаурус. Представители культуры высокого контекста ценят навыки нелинейной коммуникации, слушания себя и другого, осознавая контакт здесь и сейчас и полевые трансформации, продуктивность пауз. Знание нюансов межкультурной коммуникации позволит осознанно конструировать наше общее будущее в условиях глобализации и интеграции культур.

Мы полагаем, что использование западных технологий управления в рамках линейных коммуникаций и низко контекстуального вербального стиля, хотя доказавших свою эффективность в Европе, недостаточно для ситуации в России. Давайте проведем краткий экскурс в кросс-культурные различия в отношении ко времени (классическая классификация культур Р. Льюиса, согласно которой Россия занимает особое положение).

Моноактивные культуры (США, Германия, Швейцария, Англия):

- Систематически планируют будущее.
- Одно дело делают в одно время.
- Работают в фиксированное время.
- Пунктуальны.
- Подчиняются графикам и расписанию.
- Разбивают проекты на этапы.
- Строго придерживаются планов.

Вот лозунг моноактивных культур: «Время — деньги». Они воспринимают время линейно. Настоящее можно ухватить, разделить на части, упаковать и заставить работать на себя в ближайшем будущем. Моноактивные люди придерживаются системы четкого планирования.

Русскому человеку сложно удержаться в рамках и графиках, делать все по порядку — русские принадлежат к полиактивной культуре (как и испанцы, итальянцы, латиноамериканцы).

Русский человек:

- Планирует только в общих чертах.
- Делает несколько дел одновременно.
- Работает в любое время.

- Непунктуален.
- График непредсказуемый.
- Дает проектам накладываться друг на друга.
- Меняет планы.

Русский человек не боится неопределенности, он может наблюдать за «оно» ситуации (то есть за целостным процессом, динамическим развитием ситуации, играть в игру с незапланированным, туманным результатом). Здесь он приближается к медитативному, интуитивному, дзенскому восприятию восточно-азиатского типа — это реактивные культуры.

Время для жителей Востока — циклично. Человек может только приспособиться к нему, адаптироваться.

Представитель этой группы:

- Реагирует по ситуации.
- Подстраивается под график партнеров.
- Рассматривает все возможности.
- Вносит легкие корректировки.
- Он не принимает быстрых решений — ему надо обдумать.

Нетрудно отметить, что большинство книг по управлению коммуникацией, временем, людьми — они с Запада или США. Один из авторов данной статьи искренне верит, что можно эффективно управлять временем и коммуникацией, если учитывать вербальные и невербальные особенности акторов. Другой соавтор, представитель полиактивной культуры, полагает, что необходимо подходить к ситуации с точки зрения разворачивающегося здесь и сейчас процесса и нелинейной коммуникации, изучать структуру ситуации, а акторы лишь проводники полевых эффектов.

Не удалось избежать кросс-культурного конфликта в рамках даже одной статьи.

Кросс-культурный менеджмент — это прежде всего создание и применение технологий управления культурным разнообразием в условиях глобализации.

Существующие выхолощенные западные технологии управления необходимо адаптировать к российскому менталитету, наполнить целостным, философским, синергетическим содержанием. Знание нелинейных моделей, которые вкратце были здесь представлены и проиллюстрированы, расширит диапазон практик управленцев.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
2. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 72–130.
3. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
4. *Cross-cultural* management textbook. CreateSpace Publ., Charleston, USA, 2012. P. 81–117.

References

1. *Bakhtin M. M.* Forms of time and chronotope in the novel. Sketches on historical poetics // Literature and Esthetics Questions. M: Fiction, 1975. P. 234–407.
2. *Barth R.* Myth today // The chosen works: Semiotics. Poetics. M.: Progress, 1994. P. 72–130.
3. *Lotman Yu. M.* About Art. SPb.: Art, 1998.
4. *Cross-cultural* management textbook. CreateSpace Publ., Charleston, USA, 2012. P. 81–117.

И. И. Ординарцев I. I. Ordinartsev

Ключевые факторы успеха издательской деятельности в России

Key Factors of Success of Publishing in Russia

Ординарцев Игорь Игоревич
Институт образования и науки (Москва)
Научный сотрудник
qwertyuiop217@mail.ru

Ordinartsev Igor Igorevich
Institute of Education and Science (Moscow)
Researcher
qwertyuiop217@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
книгоиздание, ключевые факторы успеха, диверсификация, конкурентоспособность, интегрированные структуры, риски, стратегическая гибкость

KEY WORDS
publishing, key success factors, diversification, competitiveness, integrated structures, risks, strategic flexibility

РЕФЕРАТ
В статье рассмотрены вопросы стабилизации и развития книгоиздания в России. Показаны ухудшение положения отрасли, снижение в последние годы значений важнейших технико-экономических показателей, сокращение возможностей для развития отрасли. Рассмотрено формирование ключевых факторов успеха, к которым отнесены четкое следование запросам потребителей, скорость вывода на рынок новой продукции и интеграция участников отрасли. Выявлены источники конкурентоспособности издательских компаний. Рассмотрены преимущества крупных интегрированных структур в сфере издательской деятельности.

ABSTRACT
In the article questions of stabilization and development of book publishing in Russia are considered. It is shown the deterioration of the industry in recent years, declining values of critical technical and economic indices. Forming key success factors, which are classified as clear adherence to consumer demands, speed-to-market for new products and integration of industry participants are considered. The sources of competitiveness of publishing companies are identified. The advantages of large integrated structures in the field of publishing activity are considered.

Издание книг в мире и в России переживает тяжелые времена: падают тиражи книг и журналов, снижается читательский интерес, растет конкуренция со стороны товаров — заменителей, в первую очередь — электронных изданий. В России сокращается число типографий, а ассортимент продукции смещается в сторону выпуска рекламных материалов. Отрасли книгоиздания требуется серьезное реформирование, для чего необходимо провести стратегический анализ и выявить факторы, способствующие повышению конкурентоспособности ее предприятий.

Для начала уточним терминологию. Под издательской деятельностью нами понимается издание и распространение книжной продукции (книг и брошюр), а также специализированных профессиональных и детских журналов. В нее не входит предоставление коммерческой информации на основе онлайн-баз в форме подписки, поскольку эта сфера практически не развита у издательских групп России, а практикуется в основном

информационными агентствами, которые составляют отдельный рынок коммерческой информации. Под понятием «книгоиздание» мы предлагаем понимать деятельность по осуществлению редакционно-издательских работ, цель которых — получение книжной/журнальной продукции, которая предназначена для передачи информации и дальнейшего обеспечения ее доступности для потребителей путем организации тиражирования и распространения этого произведения в различных формах (печатной, электронной, звуковой или т. п.).

Книгоиздание в России переживает глубокий кризис, что отражает общемировые тенденции. Снижение показателей отрасли в 2008–2010 гг. объяснялось последствиями глобального финансового кризиса: как следствие кризиса уменьшилась покупательская способность населения, появились новые предпочтения, среди которых чтение книг занимает далеко не первые места. Однако падение показателей отрасли продолжилось и в 2011–2012 гг.[1]. Так, число издающих организаций в России в 2012 г. по сравнению с 2011 г. сократилось на 1,8%. Одновременно число издательств, выпустивших в 2012 г. 12 и более книг и брошюр, сократилось на 3,8%.

Значительно сильнее спад проявился в показателе совокупного тиража выпущенных книг. По сравнению с 2008 г. (предкризисным), в 2012 г. в России было напечатано на 30% меньше книг и на 25% меньше брошюр. Совокупный тираж книг за этот период упал в абсолютном выражении на 180 млн экз. Как катастрофическую можно охарактеризовать ситуацию с выпуском книг в расчете на душу населения: к 2012 г. этот показатель снизился на 30% по сравнению с докризисным 2008 г. При этом падение значения этого показателя имеет тенденцию к нарастанию: если в 2009 г. по сравнению с 2008 г. падение составило 5,6%, то в 2012 г. по сравнению с 2011 г. падение превысило 12%.

[1]www.fapmc.ru (дата обращения: 02.05.2013).

В России также происходит падение выпусков по названиям книг: в 2012 г. число выпущенных названий впервые за последние пять лет опустилось ниже отметки предкризисного 2008 г. А по совокупному тиражу отпечатанной книжной продукции Россия «вернулась» в 2001 г., когда данный показатель составил 542,3 млн экз.[2].

Описанные тенденции, особенно в условиях вступления России в ВТО, формируют угрозы конкурентным позициям российских издателей книг, уничтожают возможности для развития отрасли. Для определения перспектив развития отрасли необходимо провести стратегический анализ многих факторов и показателей. В первую очередь необходимо выявить отраслевые ключевые факторы успеха (КФУ).

Ключевые факторы успеха имеют отраслевой характер и ими владеют не все компании отрасли. Однако если КФУ в отрасли имеются, то всегда найдутся фирмы, которые сумеют достичь преимуществ хотя бы по одному фактору и будут способствовать развитию отрасли в целом. Если же предприятие не может обеспечить превосходства в КФУ, то его шансы на развитие практически равны нулю.

К ключевым факторам успеха относят любые элементы, которые обеспечивают успех компании и рост прибыли. Чтобы успешно работать в отрасли, особенно в издании и распространении книг, компания обязана знать, чего хотят потребители, и понимать, как она выживет в условиях конкуренции [5]. Для успешной конкурентной борьбы, в свою очередь, необходимо понимание движущих сил и основных характеристик конкуренции, а также того, каким путем можно достичь конкурентного преимущества (рис. 1). Очевидно, что главным источником КФУ будут запросы потребителей.

Рассмотрим потребителей печатной продукции в России. Население страны

[2]www.knigdelo.ru (дата обращения: 02.05.2013).

Рис. 1. Схема выявления КФУ [2]

можно разделить на читателей специальной литературы, включая учебники и методические издания, детской литературы и литературы для взрослых. Общими для всех читателей будут запросы надлежащего качества книги, удобства использования целевым сегментом, а также скорость предоставления нужной книги и приемлемая цена. Так как у всех выделенных групп потребителей печатной продукции требования будут разные, то первым ключевым фактором успеха будет большой масштаб производства, что позволяет реализовывать экономию за счет масштаба.

Вторым КФУ мы считаем широкую диверсификацию бизнеса, что предоставляет компании широкую свободу деятельности и формирует возможности сосредотачивать усилия на наиболее выгодных направлениях издания книг. Оценка специфики отрасли позволяет утверждать, что движущей силой конкуренции являются изменяющиеся запросы читателей. Успех ожидает того издателя, который быстрее всех и с наименьшими затратами выпустит бестселлер либо получит крупный государственный заказ на выпуск учебников, что потребует либо наличия крупных финансовых ресурсов, либо серьезного административного ресурса.

Все это характерно для крупных интегрированных структур корпоративного типа. Следовательно, конкурентные преимущества будут у крупных компаний, и именно интеграция издательских компаний поможет достичь хорошего конкурентного положения. Заметим, что формирование крупных корпоративных структур стало характерной чертой развития российской экономики в XXI в. и наблюдается в большинстве отраслей народного хозяйства. Интегрированные корпоративные структуры демонстрируют хорошее динамичное развитие и устойчивое положение участников корпорации на рынках. Эффективность объединений в корпоративные структуры подтверждена опытом черной и цветной металлургии, промышленного и гражданского строительства, лесной промышленности и ряда других отраслей.

Интеграция компаний выгодна практически для всех участников объединений, хотя и накладывает на них серьезные ограничения в деятельности. Объединение конкурентов, более известное как горизонтальная интеграция [2], позволяет оптимизировать логистику, расширить товарную линию корпорации, улучшить использование трудовых ресурсов и реализовать иные преимущества, в сумме формирующие синергетический эффект.

Рис. 2. Источники конкурентоспособности крупных интегрированных структур в книгопечатании

Вертикальная интеграция обеспечивает участникам гарантированную загрузку производственных мощностей и гарантированный сбыт по стабильным ценам, что позволяет формировать и реализовывать долговременные программы развития.

Эффективность формирования и деятельности корпоративных структур исследована многими авторами и раскрыты в литературе достаточно полно, хотя и не для отрасли книгоиздания в России. Поэтому рассмотрим формирование ключевых факторов успеха при интеграции отраслевых компаний.

КФУ в отрасли издания книг могут быть сгруппированы в два кластера: «рост конкурентоспособности» — «эффективность в издержках производства». Эти кластеры взаимосвязаны, что отмечено пунктирной стрелкой на авторской схеме (рис. 2).

Следует особо отметить, что ряд источников конкурентоспособности возникают лишь тогда, когда интегрированная группа компаний действует как единая производственная система. Повышение эффективности работы при интеграции предприятий в крупную корпоративную структуру может быть обеспечено за счет:

- оптимизации инфраструктуры, в первую очередь транспортных, ресурсных и информационных потоков;
- стандартизации производственных процессов в рамках интегрированной структуры, переход на единые форматы отчетности;
- концентрации крупных финансовых ресурсов, что повышает гибкость компании и создает возможности для крупных инвестиций, проведения НИОКР;
- сокращения управленческого аппарата вследствие оптимизации структуры и централизации некоторых функций управления, развития инфраструктуры;
- достижения синергетического эффекта, специфика и структура которого определяются структурой отрасли.

Кроме того, крупные интегрированные структуры обеспечивают создание рабочих мест в регионах базирования компаний, в значительной степени создают условия социальной стабильности

в регионах. Это позволяет рассчитывать на более серьезную поддержку федеральных и региональных органов власти, чем небольшим мелким предприятиям. Государство также может предоставлять преференции крупным компаниям.

Рост конкурентоспособности крупной интегрированной компании в отрасли книгопечатания может обеспечиваться преимущественно следующими факторами.

1. Использование эффективных рыночных механизмов. Крупная интегрированная группа компаний может позволить себе требовать преференций в отношениях с поставщиками и потребителями. В такой ситуации особый интерес вызывает возможность производить закупки материалов по более низким ценам, используя скидки на объемы закупаемых продуктов. В рамках интегрированных компаний выпуск единой продукции может быть дифференцирован по регионам, что позволит приблизить производство к потребителям, ускорить выход новой продукции на региональные рынки, сократить транспортные расходы. Серьезные экономические выгоды могут дать развитие региональных полиграфических предприятий, перенос части мощностей в регионы, где стоимость рабочей силы и аренды площадей значительно ниже, чем в экономических центрах (например, в Москве).
2. Оптимизация логистики и инфраструктуры. Серьезной проблемой российского книгоиздания является концентрация производства в Москве и Санкт-Петербурге, что затрудняет и замедляет доставку продукции в регионы. Корпоративная структура может использовать и развивать комплексные поставки продукции по оптимальным транспортным маршрутам. Формирование единой корпоративной информационной системы ускоряет прохождение информации и принятие решений, что также создает устойчивые конкурентные преимущества. Аналогичным образом действует стандартизация делопроизводства внутри корпорации: работа участников интеграции в единых форматах учета и отчетности ускоряет принятие решений руководством.
3. Снижение рисков. При интеграции происходит усиление присутствия и повышаются возможности выхода корпорации на новые, перспективные рынки при небольших сопутствующих затратах. Исследования показывают [4], что если корреляция между сбытом на новом рынке и развитием продаж на старом меньше 1, то компания сталкивается с меньшими рисками. Присутствуя и эффективно работая на нескольких рынках, интегрированная корпоративная структура может сформировать такой портфель взаимосвязей с различными рынками, который позволит снизить уровень риска интегрированной структуры в целом [3]. При интеграции предприятий снижается риск убытков. При формировании крупной интегрированной корпоративной структуры часто заранее оговаривается распределение убытков между участниками группы. В случае неуспеха ущерб для отдельного участника группы оказывается менее значимым, чем при его деятельности в одиночку.
4. Повышение стратегической гибкости при интеграции компаний также может обеспечить серьезное уменьшение рисков. В рамках интегрированной группы компаний отношения между отдельными самостоятельными предприятиями могут быть быстро приостановлены или прекращены. В условиях высокой степени неопределенности экономического развития это является существенным преимуществом. Также участники интегрированной корпоративной структуры могут использовать единую стратегию развития, например, для диверсификации производства.

Интеграция полиграфических предприятий в крупную корпоративную структуру позволит оптимизировать и в значительной части случаев уменьшить расход материальных и финансовых ресурсов. Одновременно снизятся посреднические расходы, но возрастут затраты на коор-

динацию совместной деятельности участников объединения. Включение в состав крупной интегрированной структуры нового участника предоставляет группе компаний наработанные каналы сбыта продукции и поступления ресурсов; рыночные ноу-хау, навыки, компетенции и умения партнеров. Все это способствует повышению операционной эффективности деятельности в рамках группы компаний. Безусловно, между участниками интеграции распределяется и прибыль, что способствует достижению их согласия на умеренный риск [1].

Рассматривая конкретные примеры интеграции предприятий полиграфии, можно расширить перечень факторов, повышающих конкурентоспособность и эффективность деятельности крупной корпоративной структуры в сфере книгоиздания и отражающих специфику отрасли, проводимой сделки или отношения собственников компаний. Интеграция предприятий сферы книгоиздания в России в крупную корпоративную структуру позволит сформировать индивидуальные и неповторимые источники конкурентоспособности группы компаний, которые обеспечивают долговременное и устойчивое развитие участников, высокую конкурентоспособность на рынке и получение синергетического эффекта при слиянии компаний. Следовательно, формирование крупных интегрированных корпоративных структур представляется одним из решающих КФУ отрасли в настоящее время.

Литература

1. *Антонов В.* Г. Корпоративное управление: Учеб. пособие / В. Г. Антонов [и др.]. М.: ИД ФОРУМ; ИНФРА-М, 2006.
2. *Беляева И. Ю., Цыгалов Ю. М., Беляев Ю. К.* Организационное развитие корпоративных структур. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2006. 200 с.
3. *Гранатуров В. М.* Экономический риск: сущность, методы измерения, пути снижения: Учеб. пособие. М.: Дело и сервис, 2010.
4. *Ленский Е. В., Цветков В. А.* Транснациональные финансово-промышленные группы и межгосударственная экономическая интеграция: реальность и перспективы. М.: АФПИ еженедельника «Экономика и жизнь», 1998.
5. *Томпсон-мл. А., Стрикленд III А. Дж.* Стратегический менеджмент. М.: ИД «Вильямс», 2012.

References

1. *Antonov V. G.* Corporate management: tutorial / V. G. Antonov [etc.]. M.: PH Forum; Infra-M, 2006.
2. *Belyaeva I. Yu.*, *Tsygalov Yu. M., Belyaev Yu. K.* Organizational development of corporate structures. M.: Financial Academy under the Government of the Russian Federation, 2006. 200 p.
3. *Granaturov V. M.* Economic risk: essence, measurement techniques and ways to reduce. M.: Business and service, 2010.
4. *Lensky E. V., Tsvetkov V. A.* Transnational financial and industrial groups and the Interstate economic integration: reality and perspectives. M.: IFPI of weekly journal "Economics and life" 1998.
5. *Thompson A. Jr., Strickland III A. J.* Strategic management. M.: Publishing House "Williams", 2012.

А. Ю. Суслов A. Yu. Suslov

Прагматическая модель предпринимательской деятельности университета

Pragmatic Model of Entrepreneurial Activity of University

Суслов Александр Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Ведущий научный сотрудник центра фундаментальных и прикладных исследований обществознания
susloff123@yandex.ru

Suslov Alexander Yuryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Leading expert of the Centre of basic and applied researches of social science
susloff123@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

научно-образовательная сфера, социально-экономическая система, рациональность, производительность, предприимчивость, предпринимательский потенциал университета

KEY WORDS

research and education, socio-economic system, rationality, performance, entrepreneurship, entrepreneurial potential of the University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы организации предпринимательства в научно-образовательной деятельности и излагаются подходы к формированию прагматической модели предпринимательского университета.

ANNOTATION

The article covers issues of organization of entrepreneurship in scientific and educational activities and outlines approaches to formation of a pragmatic model of entrepreneurial University.

Для реализации научно-образовательной деятельности в современной России широкое распространение получил предпринимательский подход. В этой связи актуальной является задача формирования модели предпринимательского университета. Подобные модели в системном анализе называются прагматическими. «Прагматические модели носят нормативный характер, играют роль стандарта, образца... Прагматические модели являются рабочим представлением целей, способом представления образцово правильных действий или их результата, поэтому их использование состоит в том, чтобы при обнаружении расхождений между моделью и реальностью направить усилия на изменение реальности с тем, чтобы приблизить реальность к модели» [2].

Содержательная прагматическая модель университета, с помощью которой возможно достижение поставленной цели, будет адекватной в том случае, когда требования полноты, точности и истинности выполнены в той мере, которая достаточна для достижения цели. Такую адекватную прагматическую модель предпринимательского университета, на наш взгляд, необходимо строить на концепциях современной научной картины мира, отражающих междисциплинарные подходы и позволяющих в единой целостности рассматривать явления социально-экономической реальности.

К теоретическим основаниям, используемым для формирования прагматической модели предпринимательского университета, относятся:

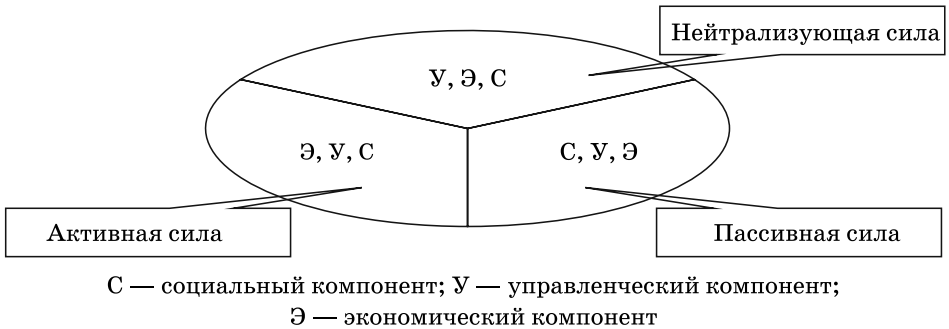


Рис. 1. Трехкомпонентная модель социально-экономической системы

Источник: [1, с. 162].

- теория социально-экономического управления, формализующая общественный интеллект с помощью специальных теоретических конструктов [1];
- системо-деятельностный методологический подход, выдвигающий трудовую деятельность, в том числе и творческий предпринимательский труд, на роль основного объекта исследования научных дисциплин обществознания [4];
- многоаспектный подход квалитологии и квалиметрии для оценки качественных явлений и процессов [3, с. 278].

Все идеальные модели в научных дисциплинах обществознания отталкиваются от принятой модели человека и уже на ее основе конструируют модели предприятий, организаций, государства и человечества в целом. В теории социально-экономического управления предлагается отказаться от механистического понимания людей как «атомов», из которых складывается все совокупное человеческое сообщество. Оно представляется устаревшим и некорректным в свете современных представлений универсального эволюционизма.

В данной статье будем опираться на определение социально-экономической системы, данное в работе [1]: «Социально-экономическая система — множество элементов (в качестве которых выступают люди), находящихся в социально-экономических отношениях и связях друг с другом, основанными на правилах и законах (nomos) общего обиталища (oikos) в обществе (в коллективе, в этносе, в универсуме), образующих определенную целостность, единство, которые служат определенной цели. Понятие «обиталище» рассматривается в самом широком смысле — от жилища, занимаемого человеком или семьей, до биосферы — природного обиталища человечества в пространстве космоса».

Для формирования модели социально-экономической системы «предпринимательский университет» мы используем известную типологию социально-экономических систем [Там же]. В данной типологии разнообразие социально-экономических систем и идентификация роли каждого типа в самоорганизующейся социально-экономической реальности определяются «феноменогенетическим» принципом. Данный принцип объясняет выделение социально-экономических феноменов на основе трех ключевых видов познавательно-практической деятельности человека: экономической, социальной и управленческой, на основе специализации «социально-экономических организмов» в самоорганизующемся социально-экономическом пространстве, и реализуется в результате взаимодействия «трех сил» социально-экономической реальности — экономической, социальной и управленческой (рис. 1).

Исходя из возможных положений типовых компонентов модели социально-экономической системы возникают различные типы социально-экономических

систем, обладающие своими характерными особенностями: «Домохозяйство-семья», «Экономическое предприятие», «Социальное предприятие», «Общественное самоуправление» (от местного самоуправления до самоуправления на уровне человечества).

Первые три типа социально-экономических систем создают «ресурсное обеспечение» воспроизводства социально-экономической реальности, а управленческие социально-экономические системы производят «управленческие блага», гармонизующие взаимодействие субъектов между собой. Специализация социально-экономических систем в данном случае имеет свое логическое и рациональное объяснение, она приводит к повышению производительности в трех сферах познавательно-практического процесса человечества. Каждый тип социально-экономических систем является завершенной тринитарной целостностью: самоуправляемой, социальной и экономической.

Рассмотрение изложенных теоретических конструкций позволяет непосредственно приступить к задаче формирования прагматической модели предпринимательского университета. Университет является социально-экономической системой, воспроизводящей общественный интеллект общества, особый тип социальных благ. Этот вид деятельности выражает сущностное предназначение данного типа социально-экономической системы в обществе, что предполагает постоянное наращивание качества продукта научно-образовательного производства.

Мы пока не идентифицируем номенклатуру и ассортимент продукта научно-образовательного производства университета, но подчеркиваем, что его качество является основным критерием успешности предпринимательского университета (ПУ).

Уточним ключевые сферы деятельности университета для формирования прагматической целевой модели социально-экономической системы «ПУ», для чего произведем позиционирование его положения в самоорганизующемся социально-экономическом пространстве общества. Предпринимательская суть социально-экономической системы «ПУ» и заключается в организации коллективного общественного интеллекта субъектов социально-экономического пространства на разрешении социально-экономических проблем России. Отправной базой для научно-образовательной деятельности университета в России должны быть проблемы общества, страны, государства, т. е. проблемы самоорганизующегося социально-экономического пространства России. Весь этот комплекс социально-экономических, экологических и политических проблем представляет собой социально-экономическое пространство России как проблемосодержащую систему, что и составляет объективно фронт научно-исследовательской деятельности (фундаментальных и прикладных исследований) социально-экономической системы «ПУ».

Результаты фундаментальной научно-исследовательской работы являются «системой знаний», которая разрешает (снимает) проблемы общества, страны, государства. Такая «проблеморазрешающая система знаний» и должна определять, на наш взгляд, содержание образования социально-экономической системы «ПУ».

Качество образования (всей номенклатуры и ассортимента продукции научно-образовательного производства) будет выражаться в способности социально-экономической системы «ПУ» к обучению субъектов социально-экономического пространства, решению социально-экономических, экологических и политических проблем. Для обеспечения такого качества образования ПУ должен проявить реальную предприимчивость и предпринимательские способности, которые базируются на его потенциальных возможностях. Тогда потребителями научно-образовательного продукта ПУ будут все субъекты деятельности самоорганизующегося социально-экономического пространства России: экономические, социальные, политические.

Выделим ключевые сферы деятельности университета для формирования

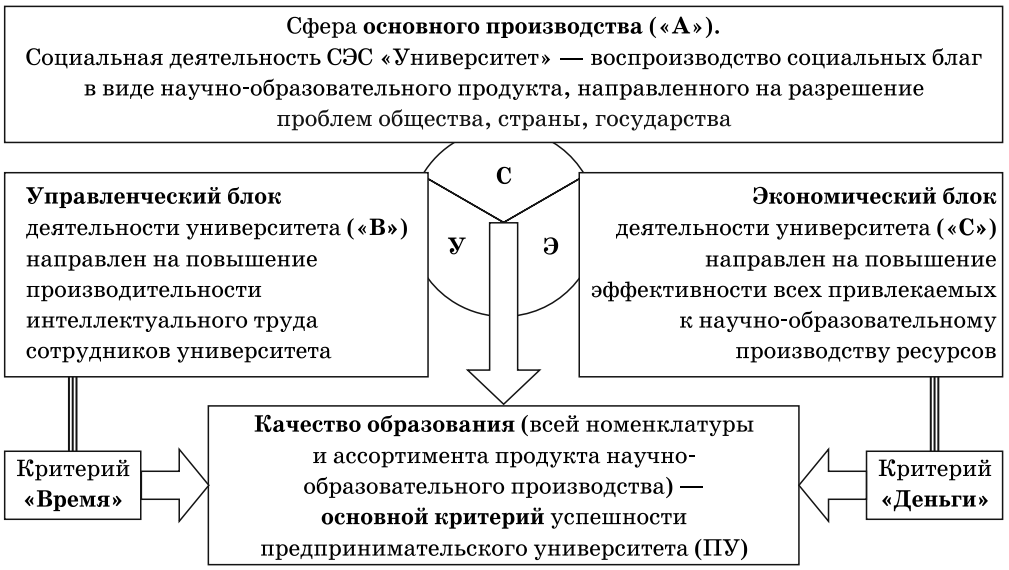


Рис. 2. Модель социально-экономической системы «ПУ»

прагматической целевой модели социально-экономической системы «ПУ».

Основное производство, ради которого существует университет, — научно-образовательное производство (обозначим его индексом «А»), включающее научно-исследовательскую деятельность; образовательную деятельность (очное, заочное, дистанционное образование и т. п.); различные виды консалтинга и послевузовского повышения квалификации. Указанные сферы определяют все многообразие (или разнообразие) видов «продукции» университета, которые можно объединить общим названием — сфера основного производства.

Вспомогательные блоки, обслуживающие основное производство предпринимательского университета, обозначим комплексными направлениями деятельности: управленческое и экономическое.

Управленческая деятельность университета (обозначим ее индексом «В») направлена на повышение производительности интеллектуального труда сотрудников университета. В этой сфере осуществляется формирование организационной культуры, разрешение проблемы нормативной среды, организационное планирование и учет результатов труда, информационно-техническое обеспечение процессов управления, мотивация, повышение квалификации и развитие персонала. Качество управленческой деятельности выражается в «экономии» человеческого капитала, в бережливом отношении к затратам времени сотрудников, что и является выражением стремления к повышению производительности интеллектуального труда.

Экономический блок деятельности университета (обозначим его индексом «С») направлен на повышение эффективности (отдачи, рентабельности) всех привлекаемых к научно-образовательному производству ресурсов, которые можно выразить через «деньги». В этой сфере осуществляется материально-техническое и финансовое обеспечение всех сфер деятельности университета. Здесь реализуется комплексное финансово-экономическое планирование университета, формируется система ценообразования на все виды «продукции», а также формируются резервы для развития. В этом виде деятельности сосредоточен экономический аспект жизнедеятельности университета.

Модель социально-экономической системы «ПУ» показана на рис. 2.

Научно-образовательное производство использует активную и пассивную силы как вспомогательные. Активное положение управленческой деятельности ПУ означает ее роль в решении целей предназначения данного типа СЭС. Пассивное положение экономической деятельности ПУ означает его подчиненное положение в решении целей предназначения данного типа СЭС. Очевидно, что в таком виде модель представляет собой «идеальную» модель целевого образа социально-экономической системы «ПУ», которая позволяет более четко очертить сферы деятельности предпринимательского университета, обосновать критерии эффективности этих сфер, целенаправленно повышать эффективность отдельных сфер деятельности, работая в итоге на повышение качества образования.

Литература

1. *Немчин А. М., Субетто А. И., Суслов Е. Ю., Суслов Ю. Е.* Теоретические основы и методология социально-экономического управления России XXI века: ноосферный аспект. СПб.: СПбГИПТ, 2006. 320 с.
2. *Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П.* Введение в системный анализ: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1989.
3. *Субетто А. И., Чернова Ю. К., Горшенина М. В.* Квалиметрическое обеспечение управленческих процессов. СПб.: Астерион, 2004.
4. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. 800 с.

References

1. *Nemchin A. M., Subetto A. I., Suslov E. Yu., Suslov Yu. E.* Theoretical bases and methodology of social and economic management of Russia of the XXI century: noosphere aspect. SPb.: SPbGIPT, 2006. 320 p.
2. *Peregudov F. I., Tarasenko F. P.* Introduction in the system analysis: Textbook for higher education institutions. M.: Higher School, 1989.
3. *Subetto A. I., Chernova Yu. K., Gorshenina M. B.* Qualimetrical ensuring administrative processes. SPb.: Asterion, 2004.
4. *Schedrovitsky G. P.* The chosen works. M.: School Culture Politics, 1995. 800 p.

А. А. Ломакин A. A. Lomakin

Принятие решений в региональной системе оказания адресной социальной поддержки

Decision-making in Regional System of Rendering Address Social Support

Ломакин Александр Александрович
Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Городской информационно-расчетный центр»
Ведущий программист информационно-аналитического отдела
lomakinaa@mail.ru

Lomakin Alexander Alexandrovich
Saint-Petersburg Public State Institution "City Information Calculating Center"
Leading programmer of Information and Analytical Department
lomakinaa@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
информационная поддержка, принятие решений, адресная социальная поддержка населения

KEY WORDS
information support, decision-making, targeted social support to the population

РЕФЕРАТ
Выделяются несколько уровней принятия решений при оказании адресной социальной поддержки населению. Приводятся примеры принятия решений из практического опыта органов социальной защиты населения Санкт-Петербурга. Рассматриваются задачи развития информационной поддержки принятия решений и пути их решения.

ABSTRACT
Multiple levels of decision-making in the provision of targeted social support to the population are allocated. Examples of decision-making from the practical experience of social protection of the population of St. Petersburg are given. Problems of improving decision-making information support are considered.

Целью настоящей статьи является анализ становления региональной системы адресной социальной поддержки населения на примере Санкт-Петербурга и формулировка проблем и направлений развития информационной поддержки принятия решений в социальной сфере.

Ключевой особенностью процесса модернизации в сфере обеспечения социальных гарантий населению Российской Федерации, начатого в 2004 г., стало разграничение полномочий федеральных органов государственной власти, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления. Передача части полномочий от федерального центра в регионы стала серьезным шагом по изменению всей системы социальной поддержки, ее приближению к населению Российской Федерации. Категории граждан, в отношении которых государство реализует обязанность гарантированной социальной поддержки, были разделены на две группы: федеральных и региональных льготников.

В процессе реформирования системы социального обеспечения региональные органы власти получили полномочия по предоставлению дополнительных мер социальной поддержки населения с учетом специфики ситуации в регионе, что позволяет обеспечивать максимальную

адресность предоставляемых мер и повышает эффективность системы социальной поддержки в целом. Однако вместе с полномочиями регионы получили и высокий уровень ответственности, в том числе за целевое расходование средств федерального бюджета, а также повышенные собственные финансовые обязательства по реализации переданных полномочий с учетом необходимости сохранения уровня социальной защищенности, не ниже достигнутого ранее. Таким образом, к середине 2000-х гг. объективно сложилась потребность формирования систем, обеспечивающих оптимальное управление социальной поддержкой, в том числе оказанием адресной социальной помощи в новых условиях.

Основой предоставления мер адресной социальной поддержки населения являются специализированные системы персонифицированного учета — социальные регистры населения. С началом в Российской Федерации реформирования системы социального обеспечения и передачи части полномочий на региональный уровень начался процесс активного формирования социальных регистров населения. Федеральный регистр льготников находится в ведении Пенсионного фонда Российской Федерации, а органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации создают социальные регистры регионального уровня. Информационное обеспечение адресной социальной поддержки граждан, проживающих в Санкт-Петербурге, обеспечивается автоматизированной информационной системой «Электронный социальный регистр населения Санкт-Петербурга» (АИС ЭСРН СПб). АИС ЭСРН СПб является основой для формирования единого информационного пространства в социальной сфере региона [1].

Процессы принятия решений в сфере социальной поддержки населения Санкт-Петербурга можно разделить на четыре группы, согласно уровню принимаемого решения, как показано в табл. 1. Решения, принимающиеся на верхнем, федеральном, уровне являются основополагающими и определяют социальную политику в Российской Федерации в целом. Законодательная инициатива на верхнем уровне, как правило, исходит от Президента и прорабатывается по его поручению до уровня готового решения Правительством с привлечением профильного министерства и региональных руководителей. В частности, на федеральном уровне принимаются решения о делегировании части полномочий в сфере социальной поддержки населения вниз — на региональный уровень.

На региональном уровне в рамках переданных полномочий готовятся и принимаются решения об установлении мер социальной поддержки в отношении региональных льготников, а также о введении дополнительных мер социальной поддержки с учетом возможностей регионального бюджета и реальных потребностей населения региона. Процесс принятия решений на региональном уровне можно рассмотреть на примере введения в Санкт-Петербурге в 2005 г. бесплатного зубопротезирования. Принятие решения потребовало рассмотрения целого ряда вопросов:

- определение оптимальной формы предоставления меры социальной поддержки;
- определение круга пользователей услугой;
- задание оптимального состава услуги, получаемой за государственный счет.

Все эти вопросы прорабатывались с учетом целого ряда параметров, в том числе имеющейся в АИС ЭСРН СПб информации о льготниках. Были рассмотрены возможные варианты форм адресной поддержки на осуществление зубопротезирования:

- сметное финансирование государственного учреждения, предоставляющего услугу;
- денежная выплата (пособие) в адрес гражданина;
- компенсация произведенных затрат на основании представленных документов о полученной услуге;
- компенсация произведенных расходов учреждению, где гражданин полу-

Таблица 1

Принятие решений в сфере социальной поддержки населения

Уровень	Подготовка	Утверждение	Форма
Федеральный	Министерство труда и социального развития	Государственная Дума	Федеральные законы
		Президент	Указы Президента
Региональный	Комитет по социальной политике СПб	Законодательное собрание СПб	Законы Санкт-Петербурга
		Правительство СПб	Постановления Правительства СПб
Районный	ОСЗН, КЦСОН	Районные администрации	Направления на получение помощи
Технический	ГИРЦ	КСП	Договоры с поставщиками, выплатные документы

чил услугу, по установленным нормативам на основании счета и перечня произведенных фактически работ.

Критерии выбора альтернатив при принятии решения об оптимальной форме предоставления меры социальной поддержки приведены в табл. 2. В результате анализа альтернатив была выбрана последняя форма — компенсация произведенных расходов учреждению, поскольку остальные имели ряд существенных недостатков: для сметного финансирования характерны большие возможности нецелевого использования денежных средств учреждениями, форма компенсаций требует от граждан предоплаты дорогостоящей услуги, а денежная выплата авансом может быть использована гражданином не по назначению.

После выбора формы предоставления меры социальной поддержки проводился анализ круга потенциальных получателей и возможностей бюджета. С учетом нормативов финансирования и средней стоимости услуги по зубопротезированию, объема очереди, количества учреждений здравоохранения, их пропускной способности было принято решение о выборе категории получателей услуги — малообеспеченные региональные и федеральные льготники. Именно эта категория лиц, в отношении которых в результате монетизации отменили аналогичную льготу, оказалась наиболее уязвимой, а размер установленной денежной выплаты в совокупности с низким размером пенсии не позволял осуществить зубопротезирование за свой счет.

С использованием сведений АИС ЭСРН СПб была проанализирована численность потенциальных получателей услуги, на основании чего был произведен расчет потребности бюджета на реализацию инициативы. Решение по предоставлению меры социальной поддержки на осуществление бесплатного зубопротезирования было утверждено Законодательным собранием в форме закона Санкт-Петербурга. После этого Правительство Санкт-Петербурга, в соответствии с законом и полномочиями, проработало и утвердило своим постановлением порядок предоставления указанной меры социальной поддержки. В дальнейшем был принят ряд решений о корректировке порядка предоставления меры социальной поддержки.

Анализ потребностей населения, возможностей бюджета и производственных мощностей уже задействованных учреждений выявил необходимость увеличения финансирования и включения в процесс дополнительно коммерческих клиник наравне с бюджетными учреждениями. Принятое решение позволило резко сократить очередь на получение услуг. Сле-

Таблица 2

Критерии выбора альтернатив при принятии решения об оптимальной форме предоставления меры социальной поддержки

Форма предоставления	Возможность нецелевого использования средств поставщиками	Возможность нецелевого использования средств получателями	Доступность услуг для получателей
Сметное финансирование	Высокая	Отсутствует	Высокая
Денежная выплата получателю	Отсутствует	Высокая	Высокая
Компенсация получателю	Отсутствует	Отсутствует	Низкая
Компенсация поставщику услуги	Низкая	Отсутствует	Высокая

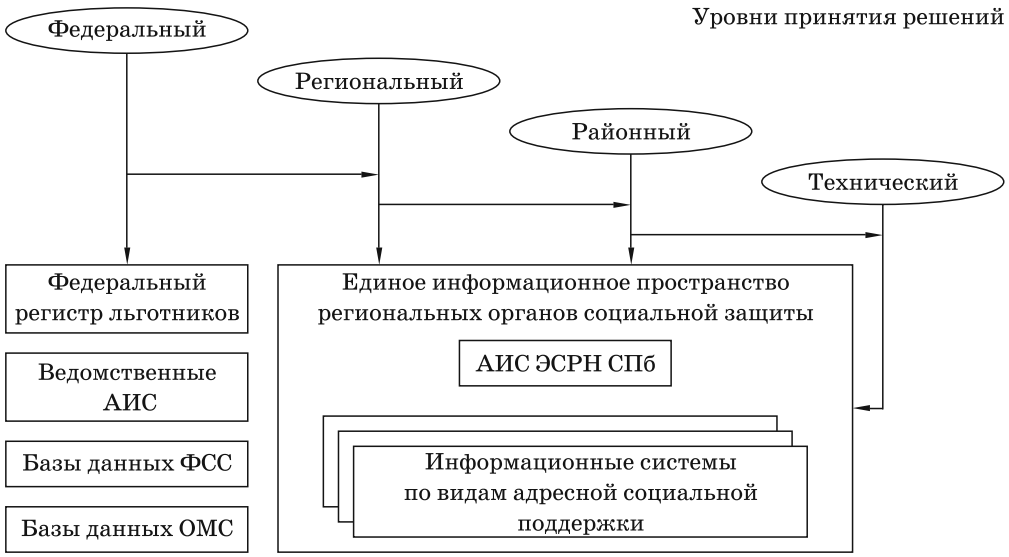
дующим важным этапом стало решение о снятии территориального ограничения по району проживания заявителя, после чего тот получил право выбирать любую из клиник, прошедших квалификационный отбор, в любом районе города. Последним на настоящий момент решением стало введение нового порядка приема заявок граждан на получение различных мер социальной поддержки, в том числе на бесплатное зубопротезирование, посредством многофункциональных центров государственных и муниципальных услуг (МФЦ).

На нижние уровни принятия решений — районный и технический — Правительство Санкт-Петербурга делегирует полномочия по исполнению решений, принятых на федеральном и региональном уровнях. Комитету по социальной политике (КСП), администрациям районов Санкт-Петербурга и другим субъектам постановлениями Правительства передаются определенные функции, в том числе подготовка будущих решений. В свою очередь КСП часть своих функций передает в подведомственное ему учреждение «Городской информационно-расчетный центр» (ГИРЦ), а также в территориальные органы социальной защиты города: комплексные центры социального обслуживания населения (КЦСОН) и районные отделы социальной защиты населения (ОСЗН).

В районные администрации, ОСЗН и КЦСОН Правительство делегирует полномочия по принятию решений об оказании адресной социальной помощи конкретным заявителям. Такое решение оформляется в виде выдачи направления на получение меры социальной поддержки или соответствующего отказа. Специалисты ОСЗН и КЦСОН обрабатывают заявки граждан, проверяют право на получение запрашиваемого вида помощи и готовят решения районных администраций о выдаче направления или отказе.

К функциям ГИРЦ, делегированным КСП, относится весь комплекс взаимодействий со сторонними организациями, от заключения договоров до оплаты предоставленных гражданам услуг и изделий. На примере меры социальной поддержки на осуществление бесплатного зубопротезирования можно говорить о следующих функциях ГИРЦ:

- установленные объемы финансирования распределяются между клиниками, прошедшими квалификационный отбор, на основе анализа производственных возможностей;



Структура системы информационной поддержки

- принимаются решения об оплате сформированных клиниками реестров оказанных услуг;
- устанавливаются порядок и методы информационных взаимодействий.

Приведенная схема демонстрирует структуру системы информационной поддержки принятия решений в сфере социальной поддержки населения.

Именно на самом нижнем, техническом, уровне принятия решений в настоящее время отмечается наибольший дефицит соответствующей информационной поддержки. Основными проблемами при принятии технических решений являются качество информации и степень ее актуальности. В последние несколько лет в структуре единого информационного пространства органов социальной защиты населения Санкт-Петербурга создаются и развиваются информационные системы, обеспечивающие эффективное оказание различных видов адресной социальной помощи.

Так, в целях уменьшения дефицита информационной поддержки при предоставлении бесплатного зубопротезирования в 2009 г. было начато внедрение первой подобной информационной системы, интегрированной с АИС ЭСРН СПб, совершенствующей информационное взаимодействие с клиниками и расширяющей возможности информационной поддержки принятия решений на техническом уровне [2]. Последние изменения законодательства и порядка предоставления меры социальной поддержки на бесплатное зубопротезирование допускают обращение гражданина в любой МФЦ и получение там направления в любую из клиник, прошедших квалификационный отбор.

В то же время общий годовой объем услуг, оказываемых каждой клиникой, ограничен рамками договорных обязательств, принятых с учетом реальных производственных возможностей клиники. В силу этих естественных ограничений и в целях повышения эффективности использования бюджетных средств и минимизации итоговых сроков получения зубопротезных услуг, необходимо уже на этапе сбора заявок учитывать оперативную информацию о текущей загрузке клиник и объемах еще не выбранного ими финансирования. Обеспечение доступа к такой информации позволит сотрудникам МФЦ, принимающим заявки, оказать заявителям помощь в выборе оптимального поставщика услуги.

Соответствующий модуль информационной поддержки для оперативной корректировки нагрузки на стоматологические клиники разрабатывается в настоящее время. Таким образом, основным направлением развития информационного обеспечения принятия решений в сфере адресной социальной поддержки населения Санкт-Петербурга на сегодня является совершенствование информационных систем нижнего уровня с целью повышения эффективности принятия необходимых технических решений.

Литература

1. *Ломакин А. А.* Интеграция предприятий социального обеспечения в единое информационное пространство социальной защиты населения региона: проблемы и перспективы развития // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 1. С. 235–239.
2. *Ломакин А. А.* Совершенствование информационного обмена в области социальной защиты населения Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 33–42.

References

1. *Lomakin A. A.* Integration of the enterprises of social security into a common information space of social protection of the population of the region: problems and development prospects // YSSU News. Technical science. 2013. N 1. P. 235–239.
2. *Lomakin A. A.* Improvement of information exchange in the field of social protection of the population of St. Petersburg // Administrative consultation. 2011. N 3. P. 33–42.

В. Б. Александров **V. B. Aleksandrov**

Гуманизм в зеркале русской философии

Humanity in the Mirror of the Russian Philosophy

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой культурологии и русского языка
Доктор философских наук, профессор
vladboralex@mail.ru

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Head of the Chair of Cultural Science and Russian Language
Doctor of Science (Philosophy), Professor
vladboralex@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гуманизм, рациональность, натуралистическая установка, либерализм, вера, человеческая природа

KEY WORDS

humanism, rationality, naturalistic installation, liberalism, faith, human nature

РЕФЕРАТ

В статье анализируются взгляды русских религиозных философов на проблему гуманизма. Устанавливаются главные, с точки зрения русских мыслителей, проблемы, свойственные гуманистической идеологии.

ABSTRACT

In the article the views of Russian religious philosophers on the problem of humanism are analyzed. Are established the main things, from the point of view of Russian thinkers, the problems, characteristic of humanism ideology.

Существуют идеи, содержание которых приобрело настолько бесспорный «хрестоматийный глянец», что они без специальной рефлексии на тему смыслов, могущих скрываться за их словарной экспликацией, входят в содержание идеологических концепций, связанных с ними лозунгов, идеалов, политических программ. К числу таких идей относится гуманизм, ставший основополагающим принципом современного либерального мышления, определяющего специфические интенции западной культуры.

Между тем глубокий философский анализ обнаруживает скрытые противоречия и не всегда в полной мере осознаваемые следствия, присущие этому, казалось бы бесспорному, концепту. Установление таких противоречий позволяет более точно представить те мировоззренческие следствия, которые следуют из принципа, согласно которому человек является высшей ценностью, обладает правом на свободу, счастье, развитие, реализацию своих способностей. Эти мировоззренческие следствия, даже не будучи осознанными, исподволь формируют определенные ментальные стереотипы и поведенческие схемы.

Важный вклад в развитие идеи гуманизма внесла русская религиозная философия, выявившая целый ряд присущих ей глубинных противоречий и вытекающих из нее следствий теоретического и практического характера.

Первой посылкой, из которой исходят русские философы, анализируя сущность гуманизма, это его изначальная укорененность в христианском миро-

воззрении. Вера в человека, являющаяся главным смыслом гуманистического учения, по мнению многих из них, имеет христианское происхождение [5, с. 413]. Утрата этой генетической связи начинается с утверждения пантеистических тенденций в духовной жизни европейцев, принципиального отказа от различения земного и небесного миров. Русские мыслители не отрицают того факта, что на определенном историческом этапе гуманизм сыграл позитивную роль в истории Европы. Так, С. Л. Франк указывает на то, что гуманистическое мировоззрение в XVIII–XIX вв. было не только влиятельным, но и весьма благотворным духовным движением. Он отмечает, что этому движению «европейское человечество обязано лучшими своими достижениями — отменой рабства, политической свободой и гарантиями неприкосновенности личности, социальными и гуманитарными реформами» [Там же, с. 415]. Подобную оценку гуманизма мы встречаем и у Бердяева, который полагает, что «гуманизм имел свое значение в истории человеческой культуры, и через него необходимо было пройти» [1, с. 53].

Вместе с тем, как отмечают русские мыслители, к концу XIX века и, особенно, в XX веке выявился целый ряд проблемных моментов в гуманистической идеологии, которые заставили говорить о кризисе традиционного светского гуманизма. В этой ситуации главной интенцией русской философии стало стремление вернуться к христианским истокам гуманизма, выйти за рамки сугубо земного, прагматически понимаемого гуманизма в сферу духовного самоопределения человека. Определяющими в этом отношении можно считать слова В. С. Соловьева о том, что «гуманизм есть *вера* в человека... верить в человека — значит признавать в нем нечто *больше* того, что налицо, значит признавать в нем ту силу и ту свободу, которая связывает его с Божеством... истинный гуманизм есть вера в *Богочеловека*» [2, с. 314].

Подобное понимание гуманизма позволяет преодолеть те противоречия, которые заключает в себе светский, или «профанный», по выражению С. Л. Франка, гуманизм. Он полагает, что, возникнув как духовная революция против освященного церковью общего стиля средневекового жизнепонимания, гуманизм постепенно начал все больше и больше противопоставлять веру в человека всякой религиозной вере.

Именно эта тенденция приводит к формированию важнейшего противоречия, которое проблематизирует принцип гуманизма. Суть этого противоречия философ выразил следующим образом: «Культ человека, оптимистическая вера в его великое призвание властвовать над миром и утверждать в нем господство разума и добра сочетаются в нем с теоретическим представлением о человеке как существе, принадлежащем и царству природы, и всецело подчиненном ее слепым силам» [5, с. 414]. Это теоретическое представление имеет своим следствием вывод, несовместимый с верой в человека. Оказывается непонятным, как существо, подчиненное независящим от него стихийным силам, может стать субъектом, утверждающим принципы разума и добра. Единственное, что для него будет доступным — это непрестанно бороться за свои интересы, реализуя стремление к благополучному существованию. Естественным следствием такого положения дел оказывается то, что универсальным мотивом человеческого поведения становится эгоизм [Там же, с. 414]. Неслучайно именно этот тезис, выражающий суть экономического рационализма, стал основополагающим в экономических концепциях Нового времени.

Сохранение принципа гуманизма в этих условиях требует нахождения системы аргументации в пользу того, что эгоизм, как главный мотив человеческого поведения, может быть каким-то образом сопряжен с гуманистическими идеалами всестороннего развития человека как существа духовного, стремящегося к утверждению принципов добра и разума. Однако такую систему аргументов, по мнению С. Л. Франка, философская мысль сформулировать не смогла.

Проблематизацию принципа гуманизма усиливает Н. А. Бердяев, который утверждал, что человеческая природа в своей основе заключает зло, которое гуманизм не в силах увидеть. Это зло фактически отрицается гуманизмом, возвеличивающим человеческую природу. И именно это отрицание становится главной чертой современного гуманизма. «Радикальное отрицание радикального зла, — отмечает русский философ, — получило название гуманизма» [1, с. 52]. Указанное отрицание было связано с тем, что существовавшее в истории человечества зло его представители связывали с социальными обстоятельствами и не видели зла в природе самого человека. Христианская позиция заставляет увидеть источник зла не в социальных обстоятельствах и поверхностных чертах общественной среды. Он, согласно христианской доктрине человека, находится в «метафизической глубине», коренится в греховной природе человека.

Сказанное означает, что главная проблема гуманизма, на которую указывают русские философы, заключается в особенностях его натуралистической установки, которая как бы исключала из поля рассмотрения злое начало в человеческой природе. Парадокс этого рода гуманизма заключался в том, что он оказывался, так же как и религиозное понимание человека, основанным на вере, вопреки свойственной ему апелляции к рациональному способу мышления. Это связано с тем, что разрушительному действию натурализма он не мог ничего противопоставить кроме веры, которая, конечно, не может рассматриваться как религиозная, а является, по сути дела, верой псевдорелигиозной.

Здесь обнаруживается задача, которая не решается в рамках идеологии светского гуманизма. Ее суть в определении оснований, на которых зиждется вера в человека. Провозглашение права на самореализацию человека явно или неявно основано на вере в разумное пользование этим правом. Это означает, что апелляция к разуму не может основываться на аргументах самого разума и требует дополнения в виде принципиально иного способа духовного освоения действительности, каковым и выступает вера.

В истории философии существовали различные попытки сохранить гуманизм на нерелигиозной основе. Однако все эти попытки заканчивались неудачей. Во всех случаях проблема взаимоотношения природного и связанного с ним социального начала, с одной стороны, и духовной основы человеческого бытия, с другой, оказывалась непреодолимой в рамках рациональной аргументации, и гуманизм как вера в духовное совершенствование человека заменялся верой в человека как природного существа.

В качестве первого примера подобного положения дел С. Л. Франк называет философию Фейербаха. Согласно этому мыслителю, «в идее Бога человек только иллюзорно отчуждает от себя и гипостазирует свою веру в себя самого, в свое абсолютное верховенство» [5, с. 416]. Эта вера, по сути дела, означала отказ от рассмотрения человека как существа духовного, ищущего способы обретения благого бытия.

Выводы, разрушающие принцип гуманизма, который провозглашается как фундаментальная мировоззренческая ценность, хотят того авторы или нет, следуют, по мнению С. Л. Франка, и из основных принципов марксистской философии. Как известно, социальная философия марксизма в качестве движущей силы исторического процесса рассматривала борьбу классов. Это означает, что в ней природа человека «прямо определяется не как добрая и разумная, а как злая и корыстная». Такой вывод может быть сделан, исходя из того, что классовая борьба, рассматриваемая как основной фактор исторического развития, есть, в конечном счете, борьба за обладание земными благами [см.: Там же, с. 416]. Данный способ мышления приводит к заключению, согласно которому вера в человека и его будущее оказывается основанной на вере в творческую силу зла» [Там же, с. 416]. В нем утрачивает силу тема

личности, которая в религиозном мировоззрении понимается как образ Божий в человеке и, в противовес этому, поднимается на щит тема массы, коллектива, являющегося, по сути дела, формой безличного существования человека.

Третьей попыткой возвышения человека как природного существа была философия Ницше, который увидел, что «человек в его чисто природном существе есть уклонение от некоей высшей *идеи* человека». В этой философии данное преодоление осуществилось как низвержение человека с помощью идеи сверхчеловека. Эта последняя означала вариант биологического обоснования человеческой сущности и представляла собой, по мнению Франка, богоборческий титанизм. Таким образом, преодоление профанного гуманизма в этой философии обернулось провозглашением «бестиализма».

Удивительным образом марксизм и ницшеанство стали источником новой веры, которую Франк называет *демоническим утопизмом*, в котором высшее состояние человечества может быть осуществлено через разнуздание и санкционирование низших животных сил, злых сил человеческого бытия [5, с. 418]. Примером такого положения дел для Франка явились большевистский режим в России и фашизм в Германии. Таким образом, в силу своего внутреннего противоречия, изначально его разъедающего, профанный гуманизм приводит к тому, что «вера в величие и высокое предназначение человека, культ человека как святыни кончается кощунственным отвержением всего святого в человеческой жизни, циническим прославлением злого, звериного начала — потерей человеческого образа» [Там же, с. 418].

Черту под печальной судьбой гуманизма, связанного с утратой духовного начала в человеке, подвел Н. А. Бердяев: «Гуманизм лживо смешал человека естественного с человеком духовным... и в пределе своем привел к отрицанию человека» [1, с. 132]. Между тем, по мнению философа, «человеческое в истинном смысле этого слова утверждается, когда в нем утверждается божественное» [Там же, с. 49], поскольку всякая ценность есть лишь культурное выражение божественного в исторической действительности. Эта позиция есть продолжение традиции, заложенной В. С. Соловьевым, который, солидаризируясь с видением человека в произведениях Ф. М. Достоевского, писал, что свой гуманизм Достоевский основывал «на действительной вере в Христа и церковь, а не на вере в отвлеченный разум или в то безбожное и бесноватое человечество, которое в романах самого Достоевского яснее, чем где-либо, отражается во всей своей мерзости» [3, с. 320].

Следствием христианского мировидения является важнейший тезис о том, что всякое стремление к осуществлению личного земного блага ведет к низвержению божественного в человеке. Отсюда следует важнейший критический аргумент в адрес светского понимания гуманизма. Суть его в том, что подлинное утверждение высших ценностей и смыслов человеческого бытия, раскрытие его глубинного потенциала, а значит и реализация установки на всестороннее осуществление его возможностей, не может быть следствием обычного «делания», направленного на обретение земного благополучия. Оно достигается путем принесения жертв и страданий. Без этого самоосуществление человека, о котором говорит гуманизм, невозможно. Эту же мысль со всей очевидностью проводит и Г. П. Федотов: «Свобода не игрушка и не комфорт, даже не счастье, а долг и жертва, служение — часто суровое, — очищение от всякого идолопоклонства, — вдохновение, послушное высшей воле» [4, с. 148].

Идея жертвенности, включающаяся в понимание гуманизма, требует, на наш взгляд, определенного уточнения. Дело заключается в том, что ее абстрактное утверждение приводит к тому, что из поля зрения выпадает вопрос о субъекте, реализующем принципы гуманизма. Гуманизм может исповедовать человек, являющийся носителем определенного рода ресурсов — материальных, поли-

тических, культурных. Для него следование гуманистическим идеалам будет означать деятельность по обеспечению права *других* на реализацию своих способностей и свободное существование. Вместе с тем от имени гуманизма может действовать человек, реализующий *свое* право на всестороннее развитие и свободу. Очевидно, что тема жертвенности и самоограничения для каждого из них будет иметь свой смысл. В первом случае — это гуманизм человека, решившего в основных чертах для себя проблему самоосуществления в земной жизни (по крайней мере, в пределах того круга ресурсов, которыми он обладает). Для него гуманизм это проявление некоторой «метафизической» установки, в силу чего тема самоограничения выступает для него как осознание своего призвания, определяющего направленность его жизнедеятельности. Во втором случае — гуманизм как борьба за самоосуществление, за право на счастье, собственное развитие может приходить в противоречие с устремлениями других субъектов, что обусловливает необходимость самоограничения притязаний.

Еще одна проблема гуманизма, на которую указывают русские мыслители, коренится в разрушении им того, что можно было бы назвать ценностным содержанием исторического процесса. Это противоречие между великими устремлениями и высокими идеалами, ради которых жили, боролись и страдали великие деятели прошлых веков, и теми земными прагматическими устремлениями, которые, как бы ни вуалировали это его представители, овладевают современным человечеством.

Светский, или профанный, гуманизм, по мнению Бердяева, хотят этого или нет его адепты, не видит и не стремится увидеть связь провозглашаемых им идеалов со сложным и многоплановым процессом исторического развития человеческого общества. Именно поэтому он не предполагает решения вопроса о том, в какой степени абсолютными, соответствующими логике исторического процесса могут считаться те идеалы, которые определяют смысл гуманистического мировоззрения. Такой способ мышления приводит, в конечном счете, к растворению великих человеческих деяний прошлых эпох в земном благополучии современного человека. Размышляя на эту тему, Н. А. Бердяев солидаризируется со следующими словами К. Н. Леонтьева: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом какомнибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы „индивидуально“ и „коллективно“ на развалинах всего этого прошлого величия?» [1, с. 49–50].

Превращение в главный смысл человеческой истории этого стремления к благодушествованию, имеющего свои истоки в неисторической абсолютизации идеи естественного права, происходит в либеральной идеологии. Этой концепции Бердяев противопоставляет историческое видение смыслов человеческого бытия. Он отмечает, что «„историческое“ — конкретно, „естественное„ же есть абстракция. В „историческом“, в исторических органических целостях побеждается грех и зло „естественного“ состояния» [Там же, с. 132].

Духовным истоком либеральной концепции гуманизма является чрезмерная рационализация человеческой природы, основанная на сужении человеческого опыта, и нежелание видеть ее иррациональные стороны. Иррациональное определяет глубинность человеческого бытия, способность человеческого сознания достигнуть высшего состояния, каковым выступает духовное просветление, сопряженное с принципиально иным, нежели естественное, правом. Таковым, по Бердяеву, выступает духовное право. «Права и свободы человека

безмерно глубже, чем, например, всеобщее избирательное право, парламентский строй и т. п., в них есть священная основа» [1, с. 133]. Устремленность к этой священной основе наполняет смыслом и земное бытие человека, и тем самым позволяет преодолеть ограниченность профанного гуманизма, сделать осмысленными и оправданными жизненные претензии современного человека.

В заключение следует отметить, что осуществленная русскими мыслителями критика профанного гуманизма не должна рассматриваться как основание для отказа от решения конкретных жизненных проблем современного человека, его права на самореализацию в земной жизни. Русские философы, акцентируя внимание на гуманизме как мировоззренческой концепции, связанной с определенным пониманием природы человека, формируют то принципиальное видение, в котором любовь к человеку, гуманизм, может обретать осмысленный характер, не предполагающий абсолютизации земного благополучия и разгула «злого» начала, присущего человеческой природе.

Гуманизм как мировоззренческая система должен наполнять смыслом «практический» гуманизм, имеющий свои истоки или в нерефлексивной приверженности традиции, или в судьбе конкретного человека, приведшей его к принятию гуманистической идеи. Этот вид гуманизма направлен на удовлетворение реальных жизненных проблем конкретных людей, и далеко не всегда исповедующий его человек, будучи погруженным в бурный поток бытия, выходит на уровень философской рефлексии по поводу смысла осуществляемых им действий. Проблема установления этих смыслов осознается тогда, когда конкретные практические ситуации, нередко неожиданно, выбрасывают человека за границы привычных схем поведения и действия, обозначая эфемерность казавшихся ранее значительными усилий.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. М., 1991.
2. *Соловьев В. С.* Три речи в память Достоевского // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
3. *Соловьев В. С.* Заметки в защиту Достоевского от обвинений в «новом» христианстве // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990.
4. *Федотов Г. П.* Основы христианской демократии // Русские философы (конец XIX — середина XX века: Антология. Вып. 3 / Сост. Л. Г. Филонова. М., 1996.
5. *Франк С. Л.* Свет во тьме // Духовные основы общества. М., 1992.

References

1. *Berdyaev N. A.* Inequality philosophy // Russian abroad. From history of social and legal thought. M., 1991.
2. *Soloviev V. S.* Three speeches in Dostoevsky's memory // Collected works in two volumes. Vol. 2. M., 1990.
3. *Soloviev V. S.* Sketches in behalf of Dostoevsky against charges in „new" Christianity // Collected works in two volumes. Vol. 2. M., 1990.
4. *Fedotov G. P.* Bases of Christian democracy // The Russian philosophers (the end of XIX — the middle of XX century: Anthology. Vol. 3 / Editor L. G. Filonov. M., 1996.
5. *Frank S. L.* Light in darkness // Spiritual bases of society. M., 1992.

Л. И. Шишкина L. I. Shishkina

Проблема национальной идентификации и культуры в работах Д. В. Философова

The Problem of National Identification and Culture in Works of D. Filosofov

Шишкина Лидия Ивановна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры культурологии и русского языка
Кандидат филологических наук, доцент
lidia_shishkina@mail.ru

Shishkina Lidia Ivanovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Professor of the Chair of Culturology and the Russian language
PhD in Philology, Associate Professor
lidia_shishkina@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
культуртрегер, общественность, культура и цивилизация, национальное самосознание, культурная миссия

KEY WORDS
bearers, community, culture and civilization, national identity, cultural mission

РЕФЕРАТ
В статье рассматриваются аспекты публицистики известного культурного деятеля XX в. Д. В. Философова, которые до сих пор не были предметом научного изучения. Автор обращает внимание на актуальность рассуждений мыслителя об особенностях русской культуры и русского национального сознания, которые необходимо учитывать при реализации проектов будущего России.

REFERENCES
The article is devoted to the aspects of journalism of person of name in culture of the XX century of D.V. Filosofov which still weren't a subject of scientific research. The author pays attention to relevance of reasoning of the thinker about features of the Russian culture and the Russian national consciousness which need to be considered at implementation of projects of the Russia future.

Д. В. Философов — одна из вершин знаменитого «триумвирата»: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, представлявшего в русской литературе рубежа XIX–XX вв. петербургское, «идеологическое» крыло старшего символизма. Воспринимая себя не столько литераторами, сколько «общественниками», культуртрегерами, все трое полагали главной целью своей деятельности выработку нового общественного сознания, строительство нового миросозерцания «на обломках старых идеологий», создание новой культуры, которая, соединив искусство и религию, в конечном счете преобразит мир. Вдохновляемая этой глобальной задачей, деятельность Философова отмечена разнообразием интересов, реализующихся в синтетическом единстве разных форм литературной и художественной деятельности, философии, истории, идеологии.

Он был одним из основателей и художественным критиком журнала «Мир искусства», ставшего центром и генератором новых художественных идей, обозначивших начало Серебряного века русской культуры. В начале века вместе с Мережковскими участвовал в создании Религиозно-философского общества (1901–1903), поставившего целью под-

готовку духовной революции человечества. В годы Первой русской революции Философов и Мережковские, сосредоточенные на вопросах общественности, размышляют о религиозном смысле революции. Их концепция, изложенная в сборнике статей «Le Tzar et la Revolution» (Paris, 1907), вытекала из понимания самодержавия как особой формы религии, сложившейся на русской почве. В статье «Царь — Папа» Философов отождествлял власть Папы, то есть церкви, на Западе и власть царя на Востоке, утверждая, что именно сохранившаяся в России, по сути, теократическая форма правления определяет остроту противостояния власти и общества. Если на Западе, где политика правительства зависит от общественного мнения, противники сражаются посредством посланий и речей, то в России слово берут браунинги и бомбы как единственный способ воздействия на власть. Поскольку самодержавие в России — религия, то и борьбе с ним придавался религиозный смысл. Революция воспринималась как сверхисторическое явление, новый Апокалипсис, который должен завершиться осуществлением Третьего Завета и приходом Нового царства. Отсюда проистекала идея религиозности русского террора, оправдание пролития крови «во имя», утверждение святости революционной жертвы и уподобление современных эсеров-террористов мученикам-первохристианам. Отсюда же и сближение Мережковских с Борисом Савинковым, одной из самых ярких фигур русского террора, написавшим под их идейным влиянием роман «Конь бледный» (1908). Во многом автобиографический, отразивший конкретные реалии покушения на великого князя Сергея Александровича, он весь пронизан темами, мотивами, явными и скрытыми цитатами из Апокалипсиса. В первые годы эмиграции после Октябрьской революции Философов вместе с Мережковскими станет идейным вдохновителем «крестового похода» Савинкова на Советскую Россию и идеологом савинковского движения.

Нетрадиционен Философов и как литературный критик. Его статьи, отличающиеся многоплановостью ассоциаций, широтой сопоставлений, носили скорее культурологический характер. Литературные произведения интересовали его как «ценный материал для изучения современного идейного сдвига, перелома» общественного сознания («Весенний ветер»). Философов постоянно подчеркивал, что искусство не может быть оторвано от общих корней культуры, от религиозной, национальной и социальной почвы, «иначе оно висит в воздухе и не дает ответов на самые естественные вопросы» [5, с. 284].

Сам Философов называл себя «home de letters» — «человек слова», «человек литературы». Сегодня более точным представляется другое определение: он был «человеком культуры», одушевленным идеей ее сохранения и строительства.

Термин «культура» — наиболее часто употребляемый в статьях, составивших две книги Философова: «Старое и новое» и «Неугасимая лампада» (обе — 1912), написанных в условиях русской пореволюционной действительности. Осмысление итогов и причин поражения революции 1905 г. обратило мыслителей, публицистов и художников к проблеме русского национального характера, поразному интерпретируемого в творчестве Блока, Горького, Бунина, Малявина, Нестерова, Рериха, Васнецова. Философов, вливаясь в общее русло постижения загадок и противоречий русского сознания, связывает его своеобразие не с принадлежностью к тому или иному социуму (крестьянство или мещанство), не с «фантастической» русской историей (веками крепостного права и татаро-монгольского ига), но с истоками и корнями национальной культуры.

Круг культурологической проблематики, затронутой в статьях Философова, широк и многообразен. Это актуальная на рубеже XIX–XX вв. тема «гибели культуры», проблема соотношения культуры и хаоса. События 1905 г., по мысли Философова, обнажили конфликт между культурой и природой, между ценностями гражданской свободы и вырвавшимися наружу стихийными инстинктами,

сломавшими культурные запреты. «Наша культура не справилась с природой, — писал он, — и надо снова, упорным трудом, собирая камень за камнем, строить устои культуры новой» [5, с. 273]. Это и вопрос о бинарности, дихотомичности русской культуры, соединившей в себе начала язычества и христианства, Востока и Запада, несущей глубинную трагедию культурного разрыва между «верхами» и «низами» общества. Все эти вопросы, больные для своего времени, не утратили своей актуальности и в начале нынешнего тысячелетия. Именно на современности идей и размышлений Д. В. Философова хотелось бы сделать акцент в данной работе.

На рубеже XIX–XX вв. начинают настойчиво звучать эсхатологические мотивы, связанные с крушением системы ценностей гуманистической культуры Нового времени с ее абсолютизацией Разума, верой в безграничные возможности научного знания и поступательное движение человечества по пути прогресса. «Идея прогресса... получила форму определенного религиозного верования, которое представляло собой последнюю форму человеческого оптимизма — уверенность в бесконечности совершенствования человеческого рода. Прогресс был признан социологическим законом» [4, с. 158], — писал Философов, анализируя книгу знаменитого французского ученого-математика и политического деятеля XVIII в. Ф. Кондорсэ «Исследование о прогрессе человеческого разума». Особо отметив свойственную просветительскому рационалистическому сознанию уверенность во взаимосвязи между успехами науки и прогрессом моральным и социальным, когда знание и нравственная мудрость признавались категориями одного порядка, подчиненными одним и тем же законам развития, он показал несостоятельность этих иллюзий. Вера в науку как всесильное средство счастливого устроения жизни рухнула; выявился конфликт между наукой и нравственностью, между личными устремлениями ученого и объективными результатами его деятельности. Философов в качестве примера приводил парадокс судьбы Бертелло — священника и ученого, «человека святой жизни», усовершенствовавшего взрывчатые вещества. XX в., отмеченный войнами и революциями, обнаружил трагическое противоречие цивилизации, использовавшей новейшие достижения науки для уничтожения человечества и давших множество примеров трагедий ученых (в частности, судьба «отца атомной бомбы» Р. Оппенгеймера).

Выдающийся социолог Питирим Сорокин в своем обобщающем труде «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) обозначил симптомы культурного кризиса как деградацию общественных институтов, несостоятельность прежних политических и социальных идей, релятивизм и конвенционализм этических и правовых норм, утрату искусством своей провиденциальной роли и превращение его в предмет купли-продажи, наконец, резкую поляризацию общества, находящую выражение во взрывах войн и революций, которые, по его мнению, являются лишь внешними признаками глубинного процесса перехода от одного типа культуры к другому. Весьма показательно, что Философов уже на опыте Первой русской революции предвосхитил мысль Сорокина, оценивая революцию не как результат социальных и экономических противоречий, но как общекультурный феномен, «некое претворение в плоть истории духовного, метафизического и религиозного запаса идей, накопленных человечеством» [Там же, с. 165].

В начале XXI в. ситуация перехода, смены культурных парадигм обозначилась особенно отчетливо, проявив себя в глобальном, охватившем все развитые страны системном кризисе, в России усугубленном ее собственными проблемами. Глубина кризиса вызывает потребность его онтологического объяснения, более серьезного, чем предлагаемые экономистические решения. Становится все более очевидно, что в основе «тупиков» современной России лежит основополагающий вопрос индивидуальной и коллективной самоидентификации, актуализированный вследствие утраты

современным человеком ценностных ориентиров. Необходимы поиски новых форм культурной общности, понимание объективных закономерностей развития культуры как системы, вырабатывающей ценности, нормы и традиции, являющейся хранителем духовного опыта нации, способом формирования национального самосознания.

Сто лет назад Д. В. Философов произнес пророческие слова: «Национальный вопрос стоит на очереди. Вернее, вопрос русской культуры» [6, с. 283] и утверждал, что от понимания данной проблемы зависит будущее страны, без ее осмысления невозможно идейное возрождение.

Особенности русского национального сознания во многом объясняются своеобразием историко-культурного развития нашей страны. Как и многие так называемые «молодые» культуры Европы, образовавшиеся на развалинах великой Античности, русская культура ведет свое начало с принятия христианства. Но Русь — через Византию — прикоснулась к античному наследию на семь веков позже и в меньшей степени, чем европейские государства. Отсюда — «двоеверие», соединение в ней христианства и язычества. Эту особенность в понимании Философова приобретает решающее значение. «Бинарность» русской культуры он связывает не с традиционным противопоставлением Москвы и Петербурга как восточного и западного начал, а Москвы и русского Севера, Новгорода и Пскова, хранящих древнейшие архетипы национального сознания. Он считает, что у русской культуры два противоположных истока, нашедших воплощение в двух ее духовных центрах. Первый — христианская Москва с православной иконописью, житиями святых, духовными стихами. Второй — русский Север, древняя языческая Русь с народными сказками, поверьями, былинами, песнями Они противостоят друг другу как воплощение государственности (Москва) и исконно народное демократическое начало (Новгород и Псков), выраженное в символике главных святынь этих городов. Новгород — храм святой Софии, Псков — Святой Троицы. Оплот Москвы — Успенский собор, «черный клобук и меч цезаря» [6, с. 20].

Для Философова чрезвычайно значима языческая ветвь русской культуры, славянские корни русской души – неповторимые «языки огня», еще не унифицированные принятием западной веры. В Руси «некрещеной», «бессознательной» он видит истоки «почвы», «национальной основы», «славянства», не искалеченного византийщиной и татарщиной Великой России. «Чужеземный заносный сплав Византии с Золотой Ордой», который часто навязывается различными идеологиями как основа национальной самобытности, по его убеждению, не выражает национального лица России. «И если ждать возрождения русской национальности, то его, конечно, надо ждать из Новгорода, а не из Москвы» [Там же, с. 21], — утверждает мыслитель.

«Дихотомичная» и «пограничная» русская культура традиционно соединяла в себе восточное и западное начала. Более того, Россия на протяжении многих веков вольно или невольно играла роль связующего звена противоположных частей единого целого, именуемого мировой культурой. Н. Бердяев, называя Россию Востоко-Западом, утверждал, что в ней «сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории» [1, с. 44]. Действительно, все переломные моменты в истории страны, начиная от христианизации Руси до основных событий XX в.: русско-японской войны, Октябрьской революции, реформ 90-х — были, по сути дела, постоянным колебанием между двумя началами. Они же вызывали и вызывают яростные споры о русском пути и месте России в общемировом процессе.

Философов в перманентном историческом взаимодействии России и Запада усматривал целый ряд знаковых противоречий русской культуры. «Приняв христианство от Византии, мы волей-неволей приобщились к европейской культуре. Однако в силу наших национальных особенностей, в силу специфической психологии русского консерватизма, инозем-

ная культура приходила к нам в каком-то истерзанном виде. От нее отрывали куски мяса, и органическое тело превращалось в мертвую окаменелость» [4, с. 107]. Мыслитель отмечает неестественность, насильственность приобщения к европейскому опыту, которое всегда носило характер резких сломов, революций, противоречащих самому закону культурной эволюции. «Каждое восстановление прерванной связи с европейской культурой было у нас делом насильственным, почти революционным, которое встречало протест у современных „староверов“, робкую, бессознательную, злобную покорность у остальных. Так было при крещении Руси, так было при Никоне, так было при Петре, так есть и теперь, когда Россия пытается прийти к новому строю» [Там же].

«Коренное» противоречие русского сознания при освоении «иного» культурного опыта Философов справедливо усматривал в фетишизации и слепом поклонении чужой *форме* при отрицании и даже ненависти к чужому *содержанию*, что являлось следствием интуитивного отстаивания собственной «уникальности». «Мы любим и ценим иноземное „хитроделие“, но источник этого «хитроделия» мы ненавидим», — весьма точно отмечал он. Однако невозможно пользоваться плодами цивилизации, оставляя в самом центре бытия староверческий культ иконы древнего письма. Нужно не заимствовать «плоды» цивилизации, — утверждал мыслитель, — а так «обрабатывать русскую почву», чтобы она сама приносила цивилизационные плоды. Эти слова, сказанные в начале прошлого века, вполне соотносятся с нынешней ситуацией, когда наше общество, «обезьянничая», копирует внешние черты западного «общества потребления». Прокламируя культ удовольствий, богатства, гламурной жизни, выдвинув в качестве цели существования слоган: «бери от жизни все», оно в то же время «забывает» взять у Запада традиции добросовестного каждодневного труда, социальной ответственности, строгой протестантской этики, пренебрежение которыми при каждом удобном случае оправдываются русской неповторимостью и самобытностью. Определяя разницу европейского и русского сознаний, Философов пишет: «У европейцев сохраняется форма, но в ней вырабатывается новое содержание. <...> У нас другое. Заимствуется форма, но сохраняется содержание, и сбрить бороду, надеть на Илью Муромца немецкий кафтан, а Микулу Селяниновича посадить на аэроплан нам ничего не стоит». «Наш консерватизм наизнанку есть самое противоконсервативное начало, потому что он ведет не к мирной эволюции государственной жизни, а к незакономерным скачкам, к всевозможным неожиданностям и случайностям» [4, с. 113].

Главная угроза России, по глубокому и верному предсказанию Философова, таится в культурном расколе, не экономическом, а культурном ее расслоении. В России, соединившей в себе Восток и Запад, административный аппарат, церковь, реформаторская интеллигенция и многомиллионная народная масса существуют, по его мнению, в разных историко-культурных эпохах, и мостов между ними нет.

Действительно, как показывает история, начало разрыва было заложено в XVIII в. реформами Петра I, которые стали не только сломом государственно-политической структуры патриархальной Руси, но сменой культурного типа. Они обозначили резкий перерыв теократической традиции и всестороннюю установку на западный тип сознания. Результатом этого стало расслоение ранее единого «русского мира», культурный конфликт между тонким слоем «птенцов гнезда Петрова», «русскими европейцами» и народом, остававшимся в рамках традиционной культуры. Петровская эпоха — начало процесса расхождения власти и народа как результат несовпадения их ценностных ориентиров. Оно заложило бомбу, взорвавшуюся революцией 1917 г., оно же определило неслыханную жестокость гражданской войны, в которой встали друг против друга «два мира» — не только социальных, но два разных культурных сознания. Об

этом размышляли русские философы (Н. Бердяев, Г. Федотов, А. Потресов) и художники (достаточно вспомнить роман Андрея Белого «Петербург»). В этот ряд необходимо ввести пророческие размышления Д. Философова.

В начале XX в. он утверждал, что ценностные ориентиры многомиллионного народа категорически расходятся как с идеями властных «верхов», так и с интеллигентской «общественностью», с разных сторон, но в равной мере ориентированных на западную либеральную, рационалистически-потребительскую систему мышления. Народу чужда установка власти на устройство «совершенных учреждений», основанных на разуме и университетской выучке. Но и интеллигентская стратегия либерализма, «господская психология с верой в науку, в разум, в „клеточку“, — полагал Философов, — также малодоступна народу. Не потому, «что народ „неграмотен“, а потому, что он ищет света не там, где его ищут ученые „господа“». «Русской душе, которая по существу своему мистична, холодно в космополитическом гуманизме Запада» [4, с. 89]. Политические же споры, столь увлекательные для интеллигенции, интересуют народ лишь практически — какая партия выведет его из материальной нужды. Эти размышления столь же актуальны для современной России, где явственно обозначилось противостояние традиционной системы ценностей, укорененной в сознании большинства населения, и западных либеральных новаций, исповедуемых так называемой «политической элитой» и настойчиво внедряемых СМИ. Данное противостояние чревато новым расколом общества.

Кто же наиболее полно выражает русское культурное сознание? С точки зрения Философова, это художественные гении России, в первую очередь Достоевский и Толстой. В свое время Достоевский в знаменитой Пушкинской речи представил великого поэта как воплощение русского национального характера и символ исторического предназначения России. В самом факте Пушкина увидел он персонификацию «русской идеи» «всепримиримости» и «всечеловечности». Аналогичную характеристику Философов дает самому Достоевскому. Он называет писателя «микрокосмом русской культуры»: «Мучившие его загадки и противоречия — не только личные его переживания, но общерусские и даже всечеловеческие» [6, с. 165]. «Проблема Достоевского» есть и проблема русской культуры, связанная со «слишком широким» характером русского человека (о чем сказал Достоевский), отвергающего любые «учреждения», т. е. законы, основанные на разуме, и предпочитая им стихийную «волю». И если не считаться с открытиями Достоевского, если забыть имена Толстого, Кропоткина, Бакунина — тех, кто стоял у истоков философии анархизма, — невозможно понять варварскую ненависть к государственному устройству, которая в крови у российского обывателя.

Философов справедливо заметил, что Пушкинская речь, в которой Достоевский сказал пророческие слова о всемирном предназначении России, современниками была услышана по преимуществу в контексте злободневном и социально-историческом, тогда как ее значение можно оценить лишь в масштабе всемирном и общекультурном. Потому и прозвучавший в речи призыв: «Смирись, гордый человек» либеральная интеллигенция с негодованием восприняла как воспевание смирения и пассивности русского народа. Тогда как Достоевский, по глубокой мысли Философова, говорил об опасности безудержного индивидуализма, неограниченного своеволия, о необходимости подчинения личности не политическим и идеологическим запретам, но запретам культуры, вне которых человеческое сообщество подвержено угрозе распада.

Достоевский, говоря о культурной миссии России, заключающейся, по его убеждению, в силе «всеединяющего духа», полемизировал с современными ему концепциями и, как оказалось, с сегодняшними рассуждениями псевдомыслителей, иронизирующих над тем, что «нищая земля может быть, в конце концов,

скажет новое слово миру»; повторяющих, что прежде «надобно самим развиться экономически, научно и гражданственно». Писатель утверждал, что «русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны вместить в себя идею всечеловеческого единения. <...> Это не экономическая черта и не какая другая. Это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском» [2, с. 131]. «Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может заключать в себе столь высокие стремления, пока не сделается экономически и гражданственно подобна Западу, — есть уже просто нелепость» [Там же, с. 132], ибо нравственные сокровища духа не зависят от экономической силы.

Миссию всечеловеческого единения олицетворяет, по мысли Философова, личность Льва Толстого. В статье, посвященной 80-летнему юбилею писателя, он сказал о мировом значении Толстого, назвав его совестью человечества: «Со дня изобретения книгопечатания не было на земле такого громкого, такого слышного голоса, не было идей, в такой степени известных всему миру». Толстой «сумел подойти к индивидуальной совести каждого отдельного человека вне его религиозных, национальных, государственных, социальных и даже семейных связей. Католик и православный, англичанин и русский, капиталист и рабочий, умный и глупый — каждый живой человек не может не услышать слово Толстого... Толстой говорит для всех, обращается к каждому из нас. Он — совесть всего человечества» [6, с. 191].

Для Философова Толстой не просто великий писатель, но феномен культуры, присутствие которого определяет вектор ее движения и развития. Воплотив в своем творчестве трагические антиномии современного мира, выразив ощущение «конца истории», Толстой, как считает Философов, указал и возможность выхода, лежащий не на пути индивидуалистическом и рациональном, а соборном — через культуру. Самое существование Толстого может быть предметом национальной гордости, ибо через него мир способен понять и принять подлинную Россию, суть которой не в политических программах, а в коренных свойствах национального сознания. «Национальность, создавшая Толстого, имеет право на бытие, существование ее оправдано. Она послужила культуре <...> ибо создала величайшую культурную ценность — самого Льва Толстого». «В самую глухую пору русского безвременья, когда на Западе сложилось представление о России как о зараженном манией величия дикаре-великане <...> на весь мир прозвучал голос Толстого. <...> Запад вновь узнал, что есть две России — одна „истинно-русская“, другая — подлинно русская» [5, с. 193]. В этом оправдании русской культуры, в воплощении ее сути, может быть, и есть главное общественное значение Толстого для России.

Все эти размышления стали основой для разрабатываемой Философовым и Мережковскими уже в эмигрантский период теории «Третьей России» — России не монархической и не большевистской, а той, которая восстановит «верховенство совершенной личности» [3, с. 268–271]. Они создают своего рода утопическую грезу о нации как духовном обществе, построенном на принципах творческой свободы и высоких ценностях. Тем не менее эта романтическая мечта одушевлена верой в будущее России и непоколебимой убежденностью, что коренные политические перемены невозможны вне рамок и законов культуры.

Публицистика Д. В. Философова демонстрирует глубину размышлений писателя над кардинальными проблемами культуры. Она заслужила право занять свое достойное место в ряду рассуждений известных русских мыслителей и писателей о русском национальном характере, об историческом и культурном предназначении России. Высказанные в ней идеи приобретают новое звучание в современном социокультурном контексте.

Литература

1. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М., 1990.
2. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Л., 1984.
3. См. подробнее: *Дюррант Д. С.* Третья Россия // Философовские чтения: Сб. мат-лов IV философовских чтений. Псков, 2011.
4. *Философов Д. В*. Неугасимая лампада: статьи по церковным и религиозным вопросам. М., 1912.
5. *Философов Д. В.* Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908). СПб., 1909.
6. *Философов Д. В.* Старое и новое: Сб. статей по вопросам искусства и литературы. М., 1912.

References

1. *Berdyaev N. A.* Russian idea. Main problems of the Russian thought of XIX and beginning of the XX century. M., 1990.
2. *Dostoevsky F. M.* Collected works: In 30 vol. Vol. 26. L., 1984.
3. *Durrant J. S.* Third Russia // Philosophsky readings: Materials of the Fourth Philosophsky readings. Pskov, 2011 .
4. *Filosofov D. V.* Unextinguishable icon lamp: articles on church and religious questions. M., 1912.
5. *Filosofov D. V.* Words and life: Literary disputes of the latest time (1901–1908). SPb., 1909.
6. *Filosofov D. V.* Old and new: Collection of articles concerning art and literature. M., 1912.

А. Л. Сагалова A. L. Sagalova

Парламентская демократия и международная организация во взглядах британских лейбористов (1914–1945 гг.)

Parliamentary Democracy and the International Organization in Views of the British Labourists (1914–1945)

Сагалова Александра Львовна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международных процессов Евразийского региона
Кандидат исторических наук, доцент
sagalovaal@yandex.ru

Sagalova Alexandra Lvovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Associate professor of the Chair of international processes of Eurasian Region
PhD in History, Associate Professor
sagalovaal@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Лига наций, международная организация, парламентская демократия, лейбористская партия, Союз демократического контроля, «всемирное правительство»

KEY WORDS
League of Nations, international organization, parliamentary democracy, Labour party, union of democratic control, world government

АННОТАЦИЯ
В статье анализируется идея, распространенная в первой половине XX в. среди британских лейбористов: возможность демократизации международных отношений посредством организации, функционирующей как глобальный парламентский институт. Демократия первоначально воспринималась лейбористами как идеальная основа деятельности Лиги наций, а впоследствии как критерий членства для последующих организаций.

REFERENCES
The article presents an analysis of an idea of democratic world government popular among the British Labour in the 1910–20s. Parliamentary democracy being put into action by the League of Nations could be an instrument of democratization of the international relations. As the League declined, the Labour started to regard democracy as a criterion of membership in future international organizations.

В теории международных отношений первые десятилетия XX в. стали временем формирования и господства либерально-идеалистической парадигмы — системы представлений, краеугольным камнем которой была идея несостоятельности государства и агрессивной природы государственного суверенитета, а также концепция «всемирного правительства», наднационального института, призванного навсегда покончить с войнами. Уже в годы Первой мировой войны в разных странах Европы и в США развернулась оживленная дискуссия о том, каким должен быть будущий механизм обеспечения глобальной безопасности. В этой полемике приняли активное участие представители британских общественных и политических организаций, в том числе и члены тогда еще

относительно молодой лейбористской партии. Не будет преувеличением сказать, что для английских социалистов их роль в разработке теории «всемирного правительства», а впоследствии и теории Лиги наций стала внешнеполитической «визитной карточкой». Не случайно первое лейбористское правительство Дж. Рамсея Макдональда, ненадолго пришедшее к власти в 1924 г., по словам современника, левого социалиста Дж. Д. Г. Коула, заставило всех поверить, что Лига наций «на самом деле может стать чем-то реально действующим» [6, p. 164].

Для британских социалистов первой трети XX в. «всемирное правительство» и Лига наций представляли собой, прежде всего, способ демократизации международных отношений. В соответствии с распространенными среди членов партии представлениями о природе войны и мира избежать кровопролитных столкновений в будущем человечество могло, лишь полностью отказавшись от феномена государственного суверенитета и его внешнеполитического инструмента — принципа «баланса сил». Подобный шаг надлежало закрепить созданием наднациональной структуры, решения которой будут иметь приоритет перед политикой национальных правительств. С другой стороны, социалистическое мировоззрение диктовало британским лейбористам восприятие войны как неизбежного результата развития империализма с его безудержной территориальной экспансией и гонкой вооружений. Идея обеспечения глобальной безопасности через упразднение капиталистической системы и переход к социализму, достаточно популярная среди представителей левых сил континентальной Европы, английскими лейбористами в целом не отрицалась, но и не являлась «мэйнстримом» их внешнеполитической теории. Критика Лиги наций как «шайки империалистических воров» [14, p. 254], безусловно, звучала из уст радикально настроенных левых лейбористов, однако партийное руководство занимало гораздо более умеренную позицию в вопросах отношений капитализма и социализма в мировой политике. На одной из ежегодных конференций лидер партии Джеймс Рамсей Макдональд заявил, что «Лига может называться капиталистической [организацией] лишь в том случае, если государства направляют туда капиталистических представителей», намекая на то, что социалисты каждой отдельно взятой страны, даже не приходя к власти, способны влиять на принятие решений в международной структуре [15, p. 193]. Таким образом, британские лейбористы, размышляя о необходимости придания Лиге наций характера того или иного политического режима, опирались на сложившуюся еще в годы Английской революции середины XVII в. концепцию парламентаризма. С точки зрения большинства из них, не победа социализма в масштабах всего мира, а система парламентской демократии, спроецированная на «всемирное правительство» или на Лигу наций, могла стать залогом избавления мира от войн.

Подобные взгляды социалисты XX в. унаследовали от своих идейных предшественников — левеллеров и радикалов эпохи движения за парламентскую реформу. Теория антинорманизма, сформировавшаяся в годы Английской революции и сохранявшая свою популярность вплоть до начала XIX в., наложила существенный отпечаток на восприятие феномена классовой борьбы последующими поколениями участников демократического движения в Великобритании. Основная идея философии антинорманизма состояла в объяснении экономических, политических и социальных проблем Британии узурпацией власти потомками Вильгельма Завоевателя. Левеллеры и радикалы направляли свою критику против некого властного политического или финансового лобби, действия которого не поддавались обычным механизмам контроля со стороны существующих законодательных органов. Борьбы классов с этой точки зрения, по сути, не существовало — представители различных слоев общества должны были выступать единым фронтом против засилия правящей клики, в равной степени угрожавшей

интересам низших, средних и высших классов. Панацеей от всевластия этой группы могли стать только расширение избирательного права и предоставление доступа к контрольному механизму максимально большему числу граждан из разных социальных сегментов. При этом подавляющее большинство радикалов настаивало на сохранении исторически сложившейся парламентской системы: идея революции, как и концепция классовой борьбы ни в XVIII, ни в XIX вв. так и не пустили глубоких корней на Британских островах. Эту логику во многом восприняли лейбористы: не забывая подвергать критике капиталистическое мироустройство, многие идеологи социализма в Великобритании делали упор на важности демократизации и транспарентности, во-первых, национальных институтов внешней политики и, во-вторых, властных органов будущего «всемирного правительства». Если этой структуре суждено было появиться на свет, ей надлежало принять форму парламентской демократии.

Необходимость реформирования с целью придания более демократического характера существующей в Великобритании парламентской системе и деятельности Форин офис неоднократно обсуждалась и на партийных конференциях, и на страницах работ отдельных теоретиков международных отношений. Современный «капиталистический» парламентаризм, включая его внешнеполитические аспекты, представлялся им нуждающимся в срочной корректировке отклонением от нормы. При этом немногие британские социалисты приветствовали насильственное ниспровержение капитализма и утверждение социализма — наличие в Великобритании вековых традиций парламентской демократии, с их точки зрения, позволяло совершить этот переход постепенно и бескровно. Дж. Рамсей Макдональд в своих книгах «Парламент и революция» и «Парламент и демократия», говоря о несовершенстве современной парламентской системы, вступал в полемику с британскими коммунистами и большевиками и констатировал возможность реформирования системы представительства [см.: 11; 12]. Известный журналист и теоретик международной организации, представитель левого крыла партии Генри Ноэль Брейлсфорд в работе «Собственность или мир?» (1934) подчеркивал важность использования «конституционных средств» при совершении перехода к социализму. Словно вторя своим предшественникам, за сто лет до выхода этой книги отстаивавшим дело парламентской реформы, он писал: «Было бы преступной расточительностью со стороны лейбористов получить в наследство демократическую конституцию и пытаться достигать своих целей иными средствами» [3, p. 249–250].

Идея демократизации внешнеполитического ведомства как частный аспект реформирования парламентской системы получила выражение в деятельности Союза демократического контроля, созданного в начале Первой мировой войны. Его основателями были либералы Ч. Тревельян, Н. Энджел, А. Понсонби, Э. Морель и лейборист Дж. Рамсей Макдональд. Членов Союза вне зависимости от их партийной принадлежности объединял лозунг: «Дипломатия провалилась!» [5, p. 24]. Объектом критики со стороны членов группы стала секретная дипломатия, являвшаяся, по их мнению, одной из причин участия Великобритании в войне. В первом программном памфлете «Завтрашний день войны», увидевшем свет в сентябре 1914 г., создатели Союза сформулировали четыре главных пункта своей политики:

1) «Ни одна провинция не может быть отторгнута от одного государства и передана другому без согласия, полученного путем референдума или иным способом, от населения данной провинции.
2) Ни один договор, соглашение или обязательство не может быть введено в действие без санкции парламента. Необходимо создать соответствующий механизм для обеспечения демократического контроля над внешней политикой.

3) Внешняя политика Великобритании не должна иметь целью создание альянсов для поддержания „баланса сил"; ее следует направить на согласованные действия держав и создание Международного совета, намерения и решения которого будут открыты для широкой общественности и который обеспечит реализацию международного соглашения, гарантирующего прочный мир.
4) Великобритании надлежит в рамках мирного урегулирования выступить с планом существенного сокращения вооружений... всех воюющих сторон и содействовать... национализации производства вооружений и введению контроля над их экспортом» [9, p. 1].

Эти «четыре пункта» четко обозначили тот контекст, в котором рождались проекты и замыслы будущей международной организации в последующие годы как в рамках СДК, так и вне его. Транспарентность внешней политики, создание международного органа в области обеспечения безопасности, разоружение и гарантия прав национальных меньшинств — все эти атрибуты внешнеполитической философии Союза в той или иной мере присутствовали на страницах либеральных и лейбористских газет, журналов, памфлетов и книг в период Первой мировой войны.

Среди лейбористов — членов Союза наиболее ярким публицистом можно назвать уже цитировавшегося выше Г. Н. Брейлсфорда, создателя лейбористской теории Лиги наций, убежденного приверженца идеи «всемирного правительства» и впоследствии сторонника концепции Соединенных штатов Европы. В наиболее известной своей книге «Война стали и золота», увидевшей свет за два месяца до начала Первой мировой войны, он подверг критике феномен «классовой дипломатии». Брейлсфорд формулировал проблему следующим образом: «Во всех странах Европы внешняя политика находится в руках кучки бюрократов, подконтрольной разве что немногочисленному правящему классу и пребывающей с ним в союзе финансовой верхушке» [4, p. 129–130]. Осуждение с его стороны вызывает и принцип «континуитета», фактически сводящий на нет партийную специфику внешней политики. С точки зрения автора «Войны стали и золота», ни корона, ни кабинет, ни даже палата общин не обладают достаточным влиянием на процесс принятия внешнеполитических решений — глава Форин офис осуществляет свою деятельность фактически единолично и бесконтрольно [Ibid, p. 136–148]. Для исправления сложившейся ситуации Брейлсфорд предлагал расширить влияние палаты общин на внешнюю политику — для этого он считал необходимым избрать из состава палаты специальный комитет в составе как минимум семи-восьми членов. Этот контрольный орган должен регулярно собираться и иметь право доступа ко всем документам и официальным посланиям, проходящим через Форин офис. При этом новому механизму надлежало действовать таким образом, чтобы не приводить постоянно к отставке правительство и министра иностранных дел: общее руководство внешней политикой осталось бы в руках последнего, однако разногласия, возникающие между главой Форин офис и комитетом, должны были выноситься на рассмотрение палаты общин [Ibid, p. 202–212].

Принцип демократического контроля над внешней политикой отстаивал в своих произведениях и Артур Понсонби, также член Союза демократического контроля, известный публицист, политический и общественный деятель, либерал, перешедший в лейбористскую партию после поражения на выборах 1918 г. В книге «Демократия и дипломатия» он защищает право всех слоев населения на получение достоверной, не подчиненной интересам правящей верхушки информации. Понсонби сетует на то, что осведомленность и внимание граждан к вопросам внутренней политики неизмеримо выше, чем к вопросам политики внешней. В «Демократии и дипломатии» публицист представил проект реформирования внешнеполитических органов, в соответствии с которым предполагалось,

не посягая на компетенцию главы Форин офис, поставить его деятельность под более жесткий контроль парламента. Как и Брейлсфорд, Понсонби видел необходимость в создании внутри палаты общин комитета экспертов для объективного анализа международной ситуации. Договоры, союзы и любые обязательства государственного уровня, с точки зрения автора «Демократии и дипломатии», не могли считаться правомерными без одобрения парламента. «Длительный мир не будет достигнут, пока народы лишены возможности самостоятельно распоряжаться собственными судьбами», — констатировал Понсонби [10, p. 118–120].

Подобные взгляды находили свое отражение и в деятельности парламентской фракции партии: например, 11 марта 1925 г. лейбористы вынесли на обсуждение палаты общин резолюцию, в которой содержалось следующее требование: «... Ни один договор не может быть ратифицирован, никаких соглашений и взаимопонимания с другими государствами не может быть достигнуто... без согласия парламента, и всякое сотрудничество в подготовке к войне по условиям соглашения будет носить незаконный характер [без санкции парламента. — *А. С.*]» [14, p. 101].

Подчинение внешнеполитической деятельности принципам парламентской демократии, по замыслу лейбористских теоретиков, должно было происходить параллельно с созданием наднационального органа, в который суждено было превратиться Лиге наций. Будущий облик этой организации начали обсуждать по обе стороны Атлантики еще в начале Первой мировой войны — один из широко известных проектов был представлен в 1916 г. в книге члена Фабианского общества Леонарда Вулфа «Международное управление». Автор утверждал, что войны в значительной степени являются результатом отсутствия глобального законодательного органа и, как следствие, международного права [16, p. 13]. С точки зрения Вулфа, мир начала XX столетия оказался настолько опутанным системой дву- и многосторонних договоров, что «поневоле начинаешь удивляться не тому, что какие-то из них нарушаются, а тому, что довольно многие все-таки выполняются» [Ibid., p. 17]. В целом положительно оценивая феномен международной конференции, Вулф отмечал, что они могли бы стать прообразом парламента будущей всемирной федерации [Ibid., p. 105]. В книге специально оговаривалось, что в ассамблее должны быть представлены не государства, а народы — эта мысль впоследствии красной нитью будет проходить через многие публикации и выступления партийных теоретиков. В работе Вулфа получил отражение еще один классический тезис социалистов: существующая система представительства, основанная на географическом принципе, должна быть реформирована, поскольку в современном мире человек идентифицирует себя не столько с местом проживания, сколько с профессиональной, социальной, религиозной и т. д. группой — интересы этих сообществ и должны быть защищены посредством деятельности законодательного органа [Ibid., p. 352–353].

Эта мысль у лейбористских идеологов соотносилась с тезисами о несостоятельности государства-нации как основы мироустройства: принцип формирования всемирного законодательного органа не следует связывать с государством и национальностью. Следуя этой логике, Брейлсфорд в своей программной работе «Лига наций» (1917) настаивал на том, что представительство в тогда еще будущей организации «должно основываться не только на национальном интересе, но и на тех идеях, для которых не существует национальных границ», имея в виду приверженность тем или иным политическим взглядам. «Люди являются не только британцами или немцами, — заявлял Брейлсфорд. — Они еще могут быть либералами, консерваторами и социалистами и обладать поразительно сходным мировоззрением, несмотря на все национальные различия» [1, p. 319]. Идея созыва своеобразной «ассамблеи народов», высказанная Вулфом, также

получила развитие в книгах Брейлсфорда; по его замыслу, законодательный орган Лиги должен был формироваться в результате всемирных выборов, осуществляемых национальными парламентами [Ibid., p. 319; 2, p. 399].

При подобном подходе иерархия главных органов Лиги наций не вызывала сомнений у британских социалистов: в книгах, статьях и на партийных форумах лейбористов неизменно подчеркивалось, что приоритет должен изначально отдаваться не исполнительному органу (Совету), а представительному (Ассамблее). В ходе конференции 1919 г. была высказана поддержка созданию Лиги наций, однако в докладе исполкома партии особо отмечалось, что для эффективной работы организации необходимо усилить представительный орган; именно он, а не Совет должен был налагать обязательства на государства-члены и принимать решения по пресечению агрессии [13, p. 23–24]. Брейлсфорд, формулируя причины несостоятельности Лиги наций в 1934 г., писал, что «гибельным просчетом» в ее работе стало доминирование Совета, где доминировали правительства. Сама идея исполнительного органа лиги представлялась Брейлсфорду несколько абсурдной: человек, чья деятельность целиком и полностью связана с интересами его государства, в Совете вынужден действовать как представитель человечества. Совет, с точки зрения Брейлсфорда, ни в коей мере не являлся подлинной «мастерской политики космополитизма», в лучшем случае он мог выполнять функцию «рыночной площади, где государства заключают торговые сделки» [3, p. 144–145].

К середине 1930-х гг. историческое фиаско Лиги наций стало свершившимся фактом: узконациональные интересы отдельных государств оказались более значимым фактором мировой политики, чем воля либералов и социалистов к созданию всемирной парламентской федерации. Парламентская демократия не состоялась как панацея от войн, и накануне Второй мировой войны лейбористы начали переосмысливать роль политического режима в обеспечении мира. В 1939 г. увидела свет книга американского журналиста, корреспондента New York Times при Лиге наций Кларенса Страйта «Союз сейчас» — эта работа открыла новую страницу в развитии теории международной организации. По мнению Страйта, достойной альтернативой Лиге наций могла стать федерация 15 североатлантических демократий, в рамках которой предлагалось создание оборонительного, таможенного, валютного и почтового союзов, а также введение института единого гражданства[1]. Кажущаяся простота этого проекта обманчива: благодаря этой книге теория международной организации совершила переход от глобальности к избирательности. Если Лига наций стремилась к географической всеохватности, то членами федерации Страйта могли стать лишь отдельные государства, соответствующие определенному критерию (в данном случае: наличие проверенных временем, устойчивых и схожих демократических режимов). Брейлсфорд и Вулф, создавая свой проект в годы Первой мировой войны, размышляли над тем, *как* будет действовать Лига наций; их американский современник задался вопросом, *кто* войдет в будущий «союз».

К эксклюзивизму еще до выхода книги Страйта пришел и Брейлсфорд. Возмущенный тем фактом, что в Совете лиги две демократические великие державы вынуждены были иметь дело в двумя фашистскими, он писал о необходимости некого «цивилизационного критерия» при создании организации [3, p. 148]. На партийных конференциях периода Второй мировой войны достаточно отчетливо звучала концепция «ядра» будущего глобального института, который придет на смену Лиге наций. Парламентская демократия в риторике лейбористов утратила свое значение как всемирная панацея от войн и обрела новое качество как критерий отбора в новую

[1] *Streit C.* Union Now: [Электронный ресурс]. URL: http://www.constitution.org/aun/union_now.htm

международную структуру, а также как знамя борьбы с гитлеризмом. В подобной исторической ситуации значимость демократических ценностей неуклонно возрастала; само слово «демократия» словно обрело новое дыхание и начало все чаще мелькать в устной речи и официальных документах. В манифесте «Лейбористская партия, война и мир» содержится призыв к Советскому Союзу присоединиться «к демократиям для создания коллективной организации мира и отпора агрессору» [8, p. 7]; в документе «Международное послевоенное урегулирование» (1944) в качестве одной из целей послевоенного развития обозначено повсеместное распространение демократии, наилучшим инструментом для которого является социализм [7, p. 4].

К моменту прихода к власти лейбористского правительства летом 1945 г. идея всемирного парламентского государства, отрицающего национальный суверенитет самим фактом своего существования, безнадежно устарела. В условиях холодной войны парламентаризм, как и предрекал Страйт, стал служить не столько целью при создании международных объединений, сколько критерием, опознавательным знаком для государств Запада. НАТО, Совет Европы и Организация европейского экономического сотрудничества, возникшие в 1940-е гг. при активном участии, а в отдельных случаях и по инициативе лейбористов, были достаточно далеки от проектов, создававшихся в годы Первой мировой войны. Тем не менее спустя почти столетие после выхода в свет книг Брейлсфорда, Понсонби и Вулфа вопрос об универсальности парламентской демократии как политической системы и гаранта мира по-прежнему обсуждается — уже в совсем иных исторических условиях.

Литература

1. *Brailsford H. N.* The League of Nations. N.Y.: The Macmillan Company, 1917.
2. *Brailsford H. N.* Olives of Endless Age. Being a Study of This Distracted World and Its Need of Unity. N.Y.; L.: Harper and Bros. Publishing, 1928.
3. *Brailsford H. N.* Property or Peace? L.: Victor Gollancz Ltd., 1934.
4. *Brailsford H. N.* The War of Steel and Gold. A Study of an Armed Peace. L.: G. Bell and Sons Ltd., 1915.
5. *Callaghan J. T.* The Labour Party and Foreign Policy: a History. L.: Routledge, 2007.
6. *Cole G. D. H*. A History of the Labour Party from 1914. L.: Routledge a. Kegan Paul Ltd., 1948.
7. *The International* Post-War Settlement // Report of the 43d Annual Conference of the Labour Party Held in Central Hall. (Westminster, December 11th-15th, 1944). L., 1944.
8. *Labour,* the War and the Peace. A Declaration of Policy by the National Executive of the British Labour Party. February 9, 1940. L., 1940.
9. *The Morrow* of the War. Union of Democratic Control. Pamphlet N 1. L., 19. n.d.
10. *Ponsonby A.* Democracy and Diplomacy. A Plea for Popular Control of Foreign Policy. L.: Methuen&Co, 1915. P. 118–120.
11. *Ramsay MacDonald J*. Parliament and Democracy. L.: National Labour Press Ltd., 1920.
12. *Ramsay MacDonald J*. Parliament and Revolution. N. Y.: Scott and Seltzer, 1920.
13. *Report* of the 19th Annual Conference of the Labour Party. (Southportl, 1919). L.: The Labour Party, 1919.
14. *Report* of the 25th Annual Conference of the Labour Party. (Liverpool, 1925). L.: The Labour Party, 1925.
15. *Report* of the 28th Annual Conference of the Labour Party. (Birmingham, 1928). L.: Transport House, 1928.
16. *Woolf L. S.* International Government. Two Reports Prepared for the Fabian Research Department. L.: Allen &UnwinLtd., 1916.

А. С. Петрова **A. S. Petrova**

Роль местного самоуправления в формировании гражданской культуры российского общества

The Role of Local Government in Formation of Civil Culture of the Russian Society

Петрова Анастасия Сергеевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
Nastya87@list.ru

Petrova Anastasiya Sergeevna
North–West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student
Nastya87@list.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
политическая культура, гражданская культура, местное самоуправление

KEY WORDS
political culture, civic culture, local self-government

АННОТАЦИЯ
Данная статья посвящена определению роли института местного самоуправления в процессе формирования российской гражданской культуры. Рассматриваются проблема формирования политической культуры России, согласовывающейся с проводимыми в стране демократическими преобразованиями, и возможность применения теории гражданской культуры Г. Алмонда и С. Вербы к условиям российской действительности.

ABSTRACT
The article is dedicated to the analyising the role of local self–government in the development of Russian civic culture. Under consideration it puts an issue of development of Russian political culture in connection with democratic transitions held and possibility of application of G. Almond and S. Verba civic culture theory in Russian current conditions.

Практически во всех программных документах современной России содействие развитию гражданского общества отмечено в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики.

Необходимость развития гражданского общества отражена в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.[1]. Потребность в государственном содействии данному процессу, в том числе путем совершенствования механизмов участия граждан в управлении страной, ежегодно упоминается Президентом Российской Федерации в послании Федеральному собранию. В 2009 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, объявив начало всесторонней модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии, в качестве желаемого результата провозгласил смену «архаичного общества, в котором вожди думают и решают

[1] *О Концепции* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. 24 ноября.

за всех» обществом умных, свободных и ответственных людей»[1]. Для совершенствования политики в сфере содействия гражданскому обществу учреждены специальные органы. Общественная палата, созданная в 2005 г., ежегодно проводит мониторинг состояния гражданского общества в России, по результатам которого представляет органам власти рекомендации в области государственной поддержки гражданских инициатив и общественных объединений граждан[2]. При Президенте Российской Федерации сформирован Совет по развитию гражданского общества и правам человека — консультативный орган, разрабатывающий меры по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина[3].

В условиях модернизации российской политической системы проблемы развития гражданского общества, выступающего одним из условий эффективного функционирования демократического государства, особенно актуальны. При этом для качественного развития гражданского общества и функционирования демократических институтов граждане должны обладать соответствующей политической культурой. Формирование политической культуры общества, которая бы согласовывалась с проводимыми демократическими преобразованиями, является важной задачей современной России.

Вопрос о существовании политической культуры, соответствующей демократической политической системе и способствующей поддержанию демократической стабильности, сформулировали в 1970-х гг. американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба. В работе «Гражданская культура. Политические установки пяти наций» авторы определили, что политическая культура представляет собой *политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения* [1, с. 594–595]. Исследователями подробно освещена проблема классификации политической культуры путем выделения ее «идеальных» типов. В качестве таковых Г. Алмонд и С. Верба рассматривали «патриархальную» политическую культуру, характеризующуюся ориентацией граждан на местные ценности и отсутствием у индивида знаний о политической системе; «подданническую политическую культуру», отличающуюся пассивным отношением граждан к политической системе и отсутствием представления о возможностях влияния на процесс выработки решений; и «политическую культуру участия», определяющуюся активным включением индивидов в политическую жизнь. При этом авторы отмечали, что в реальной политической жизни политическая культура любого общества представляет собой комбинацию из нескольких «идеальных» типов [Там же, с. 594–595]. В качестве комбинированной культуры, соответствующей демократической политической системе, была определена «гражданская культура».

В теории Г. Алмонда и С. Вербы гражданская культура направлена не столько на привлечение населения к активной политической деятельности, сколько на поддержание политической стабильности, развитие сотрудничества и взаимной ответственности власти и граждан в целях эффективной реализации интересов последних. Отрицая необходимость доминирования рационально-активистской модели политической культуры в развитой демократии, исследователи рассматривали политическую деятельность «как всего лишь не очень важную часть» интересов гражданина [Там же, с. 601].

---

[1] *Послание* Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации: Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 ноября.

[2] *Об общественной* палате Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 4 апреля 2005 г. № 32-Ф / Принят Государственной Думой Федерального собрания РФ 16 марта 2005 г., Одобр. Советом Федерации Федерального собрания РФ 23 марта 2005 г. // Российская газета. 2005. 7 апреля.

[3] *О Совете* при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: Указ Президента РФ от 1 февраля 2011 г. № 120 / Принят Президентом РФ // Российская газета. 2011. 4 февраля.

Общество с гражданской культурой сочетает в себе активное участие в политике одних граждан и исполнение более пассивной роли «подданных» другими. Именно такая, смешанная политическая культура, способная включить граждан, придерживающихся различных вариантов политической активности, в политический процесс и обеспечить социальную стабильность, соответствует демократической политической системе, также наполненной внутренними противоречиями [1, с. 594–595].

Развитое демократическое государство характеризуется не столько активным участием в политике всего населения, сколько наличием возможностей и отлаженных механизмов такого участия. Гарантии участия в управлении, а также обратная связь государства и общества позволяют его членам жить в соответствии со своими интересами, не задумываясь постоянно над политической повесткой дня.

Формирование гражданской культуры является неотъемлемой составляющей механизма развития гражданского общества и необходимым условием эффективного функционирования демократических институтов. В развитых демократических странах гражданское общество и гражданская культура формировались эволюционно, «снизу», при практически полном отсутствии участия государства. Напротив, развитие российского общества носило революционный характер, причем идеология нового периода, как правило, отрицала накопленный опыт ушедшего. Закономерным следствием таких скачкообразных изменений явилась невозможность формирования гражданской культуры и гражданского общества эволюционным путем «снизу». В таких условиях в связи с сохранением высокой этатистской ориентации граждан обязательства по формированию и развитию гражданской культуры и гражданского общества возложило на себя государство. В послании Федеральному собранию 2009 г. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев заявил о сохранении потребности в сильном государстве, несмотря на готовность граждан к свободной деятельности без государственной опеки. В качестве важных государственных задач были обозначены защита и укрепление демократических институтов, а также создание условий для развития гражданского общества[1].

Однако не следует возлагать всю ответственность за формирование гражданского общества и гражданской культуры на государство. Успех во многом будет зависеть от наличия эффективного сотрудничества и взаимной ответственности государства и общества. Обязанностями государства при этом являются совершенствование механизмов обратной связи власти и населения, а также создание условий, не препятствующих самостоятельной деятельности граждан, их самоорганизации.

В качестве одного из механизмов самоорганизации граждан выступает институт местного самоуправления.

В процессе формирования гражданской культуры России местное самоуправление играет важную роль. Прежде всего данный институт не является заимствованным, а имеет глубокие корни в российской истории, принимая на определенных ее этапах различные формы: земские дворы или приказы при Иване Грозном; земские избы при Петре I; регулярные дворянские собрания, городские думы при Екатерине II; земские собрания и управы при Александре II и т. д. [3, с. 6–15].

В современной России под местным самоуправлением понимается самостоятельная и «под свою ответственность» деятельность населения по решению вопросов местного значения, которая осуществляется непосредственно, а также через органы местного самоуправления с учетом исторических, культурных и иных традиций[2]. Принципы организации и клю-

---

[1] *Послание* Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному собранию Российской Федерации: Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 ноября.

[2] *Об общих* принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

чевые гарантии местного самоуправления закреплены Конституцией Российской Федерации 1993 г. Местному самоуправлению посвящена 8 глава «Основного закона России», устанавливающая такие принципы, как его самостоятельность в решении вопросов местного значения; автономию в вопросах муниципальной собственности и местных финансов; гарантии защиты прав, в том числе от ограничения его прав государственными органами, и т. д.[1].

Значимость местного самоуправления в процессе формирования российской гражданской культуры заключается также в том, что данный институт представляет собой наиболее приближенный к населению уровень власти, отвечающий за самые насущные вопросы его жизнеобеспечения. Большинство исследователей, занимающихся изучением местного самоуправления, определяют его в качестве одного из основных институтов гражданского общества. При этом они отмечают, что местное самоуправление является властью, сочетающей в себе государственное и общественное начала [2, с. 13–19; 5, с. 41–44; 6, с. 65–71]. Действительно, на муниципальном уровне пересекаются интересы отдельного гражданина, общественных организаций и государства. Являясь одновременно составной частью гражданского общества (как форма самоорганизации граждан) и уровнем публичной власти (инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами), местное самоуправление может стать механизмом согласования интересов общества и государства.

Важность совершенствования местного самоуправления признается на самом высоком уровне власти и находит свое отражение в политике российского государства. В статье «Демократия и качество государства» Президент России В. В. Путин называет местное самоуправление «школой демократии и ответственности граждан». Он также отмечает необходимость повышения автономности и финансовой самостоятельности муниципальных образований, делая особый акцент на важности проведения отчетов руководителей органов местного самоуправления перед своими избирателями [4].

Для совершенствования государственной политики в сфере содействия развитию местному самоуправлению в России учреждены специальные органы. В 2007 г. при Президенте Российской Федерации образован Совет по развитию местного самоуправления. Среди его задач: подготовка предложений по осуществлению государственной политики в области развития местного самоуправления и определение приоритетных направлений ее реализации; рассмотрение вопросов обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований; рассмотрение проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по вопросам местного самоуправления[2].

Подобные органы созданы также на уровне субъектов Российской Федерации. Так, например, при Губернаторе Санкт-Петербурга в 2010 г. образован Совет по развитию местного самоуправления в Санкт-Петербурге, цели которого представляют собой совершенствование организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге и повышение эффективности взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с органами местного самоуправления внутри-

рации: Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ / Принят Государственной Думой Федерального собрания РФ // Российская газета. 2003. 8 октября.

[1] *Конституция* Российской Федерации / Принята 12 декабря 1993 г. Гл. 8 // Российская газета. 1993. № 237.

[2] *О Совете* при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления: Указ Президента РФ от 2 ноября 2007 г. № 1451 / Принят Президентом РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 45. Ст. 5462.

городских муниципальных образований Санкт-Петербурга[1].

10 июня 2012 г. Президент России В. В. Путин подписал Указ об учреждении Дня местного самоуправления 21 апреля. Об этом он сообщил в приветствии участникам и гостям IV съезда Всероссийского совета местного самоуправления[2] – общероссийской общественной организации, созданной 31 мая 2006 г. в целях содействия реализации конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления и создания условий для формирования эффективной системы местного самоуправления[3]. Таким образом, в развитии системы местного самоуправления заинтересовано не только государство, но и гражданское общество России.

При совершенствовании местного самоуправления в Российской Федерации одной из главных задач является максимальное включение в процесс управления территорией жителей муниципальных образований. В соответствии с действующим законодательством к формам участия населения в осуществлении местного самоуправления относятся: участие в местных референдумах, муниципальных выборах, правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрания граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан, обращения граждан в органы местного самоуправления и другие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления (гражданские инициативы, наказы избирателей, деятельность общественных совещательных органов)[4].

Участие населения в решении вопросов местного значения является одним из основных показателей уровней развития гражданского общества и гражданской культуры. Однако существует ряд препятствий, к которым можно отнести недостаток знаний граждан о своих правах, неверие в возможность оказывать влияние на принимаемые решения, недоверие к органам местного самоуправления и т. д. Сегодня большинство граждан не имеют опыта реализации данных им полномочий. Для улучшения сложившейся ситуации органы местного самоуправления должны проводить постоянную работу, направленную на повышение интереса населения к деятельности муниципальных образований и внедрение форм повседневного участия жителей муниципальных образований в решении вопросов местного значения путем создания домовых комитетов, территориального общественного самоуправления и иных форм самоуправления.

Чрезвычайно важным является информирование жителей о возможностях местного самоуправления в рамках различных коммуникационных площадок — от образовательных учреждений до средств массовой информации. В рамках системы гражданского образования необходимо подготовить и реализовать комплекс мер по муниципальному просвещению граждан. Можно сказать, что местное самоуправление может стать своеобразной школой развития гражданской культуры населения.

Таким образом, развитие и совершенствование системы местного самоуправления занимает важное место в формировании гражданской культуры современного российского общества.

---

[1] *О создании* Совета при Губернаторе Санкт-Петербурга по развитию местного самоуправления в Санкт-Петербурге: Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 29-пг / Принят Губернатором Санкт-Петербурга // Кодекс.

[2] *Президент* России: Портал: [Электронный ресурс]. URL: Президент.рф/новости/15614 (дата обращения: 25.04.2013).

[3] *Общероссийская* общественная организация Всероссийский совет местного самоуправления: [Электронный ресурс]. URL: www.vsmsinfo.ru (дата обращения: 25.04.2013).

[4] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ / Принят Государственной Думой Федерального собрания РФ // Российская газета. 2003. 8 октября. Ст. 3–33.

Литература

1. *Алмонд Г.* Гражданская культура // Антология политической мысли. Т. II. М.: Мысль, 1997. С. 592–610.
2. *Каверзин М. Ю.* Государство и местное самоуправление: проблемы взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2003. № 4.
3. *Местное* самоуправление. История и современность / Под. ред. Г. Ф. Трифоновой, И. Э. Билялетдинова. СПб.: ООО «Медиа-Альянс», 2013.
4. *Путин В. В.* Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февраля.
5. *Шамхалов М.* Местное самоуправление: между государственной властью и гражданским обществом // Власть. 2011. № 3.
6. *Шуба К.* Местное самоуправление в современной России: достижения и проблемы // Власть. 2010. № 8.

References

1. *Almond G.* Civil culture // Anthology of political thought. Vol. II. M.: Thought, 1997. P. 592–610.
2. *Kaverzin M. Yu.* State and local government: interaction problems // Messenger of the Peoples' Friendship University of Russia. Political science. 2003. N 4.
3. *Local* government. History and the present / Under the edition of G. F. Trifonova, I. E. Bilyaletdinov. SPb.: JSC Media Alliance, 2013.
4. *Putin V. V.* Democracy and quality of the Ыtate // Kommersant. 2012. February 6.
5. *Shamkhalov M.* Local government: between the government and civil society // Power. 2011. N 3.
6. *Shuba K.* Local government in modern Russia: achievements and problems // Power. 2010. N 8.

А. Ю. Кулев A. Yu. Kulev

Динамика инновационных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа

Dynamics of Innovative Processes in Regions of the North-West Federal District

Кулев Антон Юрьевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
antoniokulev@mail.ru

Kulev Anton Yuryevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
Graduate student
antoniokulev@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
инновации, инновационный процесс, регион, научно-инновационный комплекс

KEW WORDS
innovations, innovation process, region, research and innovation complex

РЕФЕРАТ
Статья посвящена анализу роли инновационного процесса в инновационной экономике и динамики развития инновационных процессов в СЗФО.

ABSTRACT
This article is about innovation process as a part of innovation economic and about the dynamics of innovation processes in Northwestern Federal District.

В современных условиях достижение и удержание Россией необходимого уровня конкурентоспособности в глобализирующемся мире нереально без перехода экономики и общества на инновационную траекторию развития. Модернизация страны предполагает превращение знаний в решающий фактор совершенствования деятельности экономических субъектов и властных структур, социальных формирований и каждой личности [1, с. 24].

Долгое время в российском обществе, власти, бизнесе существовало непонимание или недооценка необходимости трансформации экономики по пути инновационного развития. Сегодня необходимость перехода к инновационному развитию признана на всех уровнях государственного управления России. Старт формированию инновационной экономики в стране уже дан, есть обнадеживающие подвижки. Однако, как отмечают многие ученые, подход к этому вопросу по-прежнему не является системным, концепции появляются, но не реализуются. Наукоемкость отраслей, территорий и корпораций сравнительно невелика, не развита инновационная институциональная среда, масштабность инновационной сферы мала [2, с. 20–21].

Одним из основных условий успешного развития экономики является формирование национальной инновационной системы (НИС), которая должна обеспечить непрерывный рост экономики на основе развития инновационных процессов и внедрения инноваций. В традиционном представлении инновационный процесс — это структурированный процесс, который базируется на развитии инноваций, основанных на практике. Основанная на практике ин-

новация — сочетание продукта, процесса и организационной структуры. Процесс состоит из действий, которые направлены на внедрение нового или улучшенного продукта; новых технологий; новых бизнес-моделей и методов; новых организационных структур. Инновационный процесс обычно используется для того, чтобы коммерциализировать технологические инновации. Он начинается в инициировании инновации и продолжается в разработке продукта, коммерциализации и аудите.

Существует ряд моделей инновационного процесса, разработчиками которых являются Майерс и Маркиз, Тушман, Ван де Вен, Чесбруг и Тиис, Шапиро и Вэриэн, Лорсен и Сэлтер, и др. [5, с. 151–153].

Исходным компонентом, предшествующим инновационной деятельности, являются фундаментальные исследования. Основная цель их проведения заключается в получении новых знаний о процессах мироздания, природе, обществе, человеке. При этом получаемые результаты коммерчески непривлекательны, поскольку практически невозможно определить время и объемы их коммерческого использования. В то же время именно фундаментальные исследования позволяют получить результаты, научные открытия и изобретения, создающие технологии новых поколений. Достаточно упомянуть освоение атомной энергии, создание лазерных, информационных и телекоммуникационных технологий, включая мобильную связь, в основе которых лежат результаты фундаментальных исследований.

Коммерческая неопределенность делает фундаментальные исследования непривлекательными для бизнеса. Поэтому финансирование фундаментальных исследований осуществляется в основном из бюджетных средств.

Следующей стадией инновационной деятельности являются прикладные исследования, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), в ходе которых на базе результатов фундаментальных исследований создаются новые технологии и образцы продукции. Здесь уже коммерческий результат более предсказуем, поскольку в результате создаются объекты «прикладной» интеллектуальной собственности, на которые распространяются соответствующие механизмы введения их в хозяйственный оборот, правовой охраны и защиты. Эта сфера становится более привлекательной для бизнеса.

На базе инновационных технологий разворачивается наукоемкое производство, в ходе которого создается конкурентоспособная продукция, востребованная на рынке. Как правило, создание такой продукции осуществляется в несколько этапов: подготовка производства; выпуск опытной партии, в ходе которого проводится необходимая доработка технологии и изделия; выпуск малой серии с целью практической оценки потребительского спроса и устранения возможных «детских болезней»; массовый выпуск продукции и ее коммерческая реализация, освоение инновационных рыночных ниш.

Для успешности инновационной деятельности следует учитывать, что большое влияние на ее результаты оказывают система образования, квалификация менеджеров, уровень маркетинговых исследований, а также инновационная политика государства [3, с. 54–55].

Ведущие российские ученые отмечают, что эффективность инновационных процессов, определяющаяся вкладом инноваций в ВВП страны, напрямую зависит от эффективности и результативности региональных инновационных систем. Связано это с тем, что современной тенденцией во всем мире является увеличение роли регионального уровня управления, следовательно, необходим акцент на поддержке региональных процессов инновационной деятельности, совершенствование форм и методов управления региональными инновационными системами [4, с. 48]. На региональном уровне вопросы часто решаются быстрее и с большей привязкой к конкретной практике целенаправленного создания инфраструктуры экономики, основанной на знаниях.

Рассмотрим динамику инновационных процессов в регионах Северо-Западного федерального округа Российской Федерации, который включает 11 субъектов РФ, отличающихся предпосылками инновационного развития. Округ обладает значительным экономическим потенциалом. Так, в 2012 г. в округе объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами составил: по добыче полезных ископаемых — 515 млрд руб., обрабатывающим производствам — 4191 млрд руб., производству и распределению электроэнергии, газа и воды — 457 млрд руб.

Инновационное развитие регионов Северо-Запада происходит в своих специфичных условиях и имеет ряд как позитивных предпосылок, так и ограничительных факторов:

- приближенность к западным границам России и портам определяет большую зависимость экономики от импорта, повышенные риски при вступлении России в ВТО. Этот же фактор дает дополнительные конкурентные преимущества ряду отраслей, потребляющих импортируемые составляющие (например, рыбную муку, шрот, импортное оборудование и технику), а также при выходе предприятий с производимой продукцией на экспорт;
- близость ряда субъектов к крупнейшим в стране рынкам сбыта и капитала, в первую очередь к Санкт-Петербургу и Москве, является дополнительным конкурентным преимуществом;
- имеет место опережающее сокращение населения в сельской местности, в том числе трудоспособного;
- по ряду отраслей субъекты РФ в составе СЗФО являются одними из лидеров в России как по показателям эффективности и современности производства, так и по объемам валового производства;
- значительный образовательный и научный потенциал отрасли, участие в проектах приграничного сотрудничества и иных международных проектах, высокая активность инвесторов и ведущих международных компаний-производителей обеспечивают в ряде случаев опережающее внедрение инноваций в регионе.

Научно-инновационный комплекс (наука, высшее образование, высокотехнологичные и опытные производства) является определяющим в обеспечении инновационного развития Северо-Западного федерального округа и всего народного хозяйства Российской Федерации. В силу приграничного положения округа научно-инновационный комплекс играет большую роль в экономической, научно-образовательной и гуманитарно-культурной интеграции России со странами Европейского союза, в адаптации международных стандартов в области образования, в развитии конкурентоспособных экспортно-ориентированных отраслей и производств, в решении проблем международной энергетической, экономической и экологической безопасности[1].

По состоянию на 1 января 2012 г., в округе функционировало 346 организаций, выполняющих исследования и разработки (14% всех организаций в Российской Федерации) с численностью персонала, занятого исследованиями и разработками, около 97 тыс. человек (13% всех специалистов в Российской Федерации). Только г. Санкт-Петербург насчитывает 46 организаций Российской академии наук и других академий. Кроме того, научные центры Российской академии наук имеются в Республике Карелии, Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях и в г. Вологде. На базе указанных учреждений формируется ряд инновационно-технологических центров, в том числе по нанотехнологиям в области электроники (г. Гатчина, Ленинградская область). В табл. 1 и 2 приведены показатели, характеризующие инновационную активность в регионах Северо-Запада.

Если посмотреть на динамику затрат на технологические инновации в СЗФО,

[1] *Россия* 2013: Стат. справочник / Р76 Росстат. М., 2013. С. 57–58.

Таблица 1

Затраты на инновации и инновационная активность в регионах Северо-Запада

№ п/п	Регион	Инновационная активность организаций (в процентах)		Затраты на технологические инновации, млрд руб.		Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млрд руб.	
		2007	2011	2007	2011	2007	2011
1	Российская Федерация	10	10,4	234	734	371	610
2	Северо-Западный федеральный округ	9,8	11,2	28,7	78,4	48	81,5
3	Республика Карелия	5,8	9,2	1,2	0,9	0,3	1
4	Республика Коми	8,1	6,1	0,9	15,4	1,2	2
5	Архангельская область	9,9	9,3	0,9	3,2	0,8	0,9
6	Вологодская область	8,3	9,3	4,2	10	0,1	0,3
7	Калининградская область	10,1	3,3	0,42	0,18	0,7	1,3
8	Ленинградская область	6,7	9,1	3,8	9	2,5	4,5
9	Мурманская область	8,0	8,5	3,2	0,8	1,6	2
10	Новгородская область	8,9	7,5	1,4	0,8	0,4	0,8
11	Псковская область	9,8	10,0	0,2	0,2	0,06	0,07
12	г. Санкт-Петербург	13,1	18,9	12,2	38	40	68

то с 2007-го по 2011 гг. они увеличились более чем в 2,5 раза — с 287 до 785 млрд руб. Как итог увеличенного финансирования, мы видим прирост инновационной активности организаций округа.

Несмотря на увеличенное финансирование, число созданных и используемых передовых производственных технологий все еще очень мало, хотя нельзя не отметить положительную динамику в данной области. При этом процент инновационных товаров, работ и услуг в некоторых регионах снижается. Особенно это коснулось Калининградской области (13,4% в 2007 г. и 0,2% в 2011 г.).

Анализируя данные таблиц, можно увидеть, что для округа характерно неравномерное распределение инновационного потенциала и инновационной активности по регионам. Лидирующее положение занимает г. Санкт-Петербург, на который приходится 42% затрат на технологические инновации, 87% созданных передовых технологий.

Научно-инновационный комплекс Северо-Запада как система отраслевой и академической науки, образовательных учреждений, инновационных и исследовательских центров, а также крупных производств в единое целое еще не сложился. Есть разрыв между фундаментальной и прикладной наукой, востребованной и фактической структурой подготовки кадров, тематикой научных разработок и

Таблица 2

Инновационная активность регионов Северо-Запада

№ п/п	Регион	Число созданных передовых производственных технологий		Число используемых передовых производственных технологий		Объем инновационных товаров, работ, услуг, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	
		2007	2011	2007	2011	2007	2011
1	Российская Федерация	780	1138	180 324	191 650	4,6	6,3
2	Северо-Западный федеральный округ	117	217	11 671	17 894	3,4	5,2
3	Республика Карелия	8	1	549	1191	0,3	0,3
4	Республика Коми	1	2	258	609	5,5	7,8
5	Архангельская область	7	7	729	1414	0,1	0,2
6	Вологодская область	—	1	2765	2228	7,5	3,7
7	Калининградская область	8	5	1067	1040	13,4	0,2
8	Ленинградская область	3	6	258	1195	0,3	2,5
9	Мурманская область	3	—	828	1557	0,2	0,2
10	Новгородская область	2	4	1326	1944	6,9	4,8
11	Псковская область	—	1	906	1594	0,9	2,3
12	г. Санкт-Петербург	85	190	2985	5122	2,3	9,0

структурой инновационных потребностей производства. В связи с этим необходимо развитие конкуренции в научной и инновационной деятельности, формирование научно-производственных кластеров и сетевых инновационных структур, объединяющих субъекты научно-инновационной деятельности.

Межрегиональные комплексообразующие связи объединяют г. Санкт-Петербург с регионами округа в несколько научно-инновационных и производственных кластеров. К их числу можно отнести центр развития сберегающих технологий природо- и лесопользования (Республика Карелия — Республика Коми), а также региональный центр трансфера технологий (Республика Карелия — Архангельская область — Мурманская область). Регионально локализованные комплексообразующие связи характерны для машиностроительного комплекса Воло-

годской области и центра технологий геоэкологических основ устойчивого развития регионов в Калининградской области.

Как показал анализ, основой инновационного потенциала Северо-Западного федерального округа являются:

- научные школы, сформировавшиеся и развивающиеся, прежде всего, в г. Санкт-Петербурге — историческом центре российской науки и образования;
- развитая инфраструктура крупных производственных мощностей, профили которых соответствуют выделенным на федеральном уровне приоритетным направлениям развития науки и техники;
- возникновение новых научно-образовательных центров, специализирующихся на тематике фундаментальных исследований и прикладных разработок и являющихся «инновационными локомотивами» в формирующихся производственных кластерах;
- сохраняющийся кадровый потенциал, особенно в системе высшего образования, постоянно растущий интеллектуальный капитал за счет увеличения численности занятых с высшим образованием, подготовки кадров высшей квалификации (докторов наук) и развития патентной деятельности;
- международное сотрудничество в области инновационной деятельности, развитие совместных разработок и трансфера технологий, налаженная система обмена учеными, специалистами с ведущими европейскими, прежде всего скандинавскими, научными центрами, практика совместных научных и образовательных проектов с крупными университетами Центральной и Восточной Европы, Америки, скандинавских стран.

18 ноября 2011 г. правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года. Она определяет перспективные ориентиры и направления развития социально-экономического комплекса общерегионального значения, а также возможности развития и конечные результаты — сводные показатели экономики и социальной сферы округа в целом. В концепции уделено большое внимание развитию научно-инновационного комплекса и инновационных процессов, которые рассматриваются в качестве главных задач развития округа.

Главная цель развития научно-инновационного комплекса Северо-Западного федерального округа до 2020 года — обеспечение перехода экономики округа от экспортно-сырьевого к преимущественно инновационному типу развития, повышение доли высокотехнологичных наукоемких производств в валовом региональном продукте, повышение конкурентоспособности экономики и приближение к мировому уровню в науке и образовании в условиях постиндустриального и информационного развития общества[1].

В Северо-Западном федеральном округе созданы необходимые элементы инновационной инфраструктуры. Несмотря на это, наблюдается неравномерность развития инновационных структур в регионах, связанная с различным их инновационным потенциалом. Следует также отметить, что еще не созданы условия для взаимодействия в регионах элементов инновационной инфраструктуры, поэтому говорить о создании полноценной инновационной инфраструктуры в СЗФО пока преждевременно.

На практике инновации пока слабо влияют на национальную экономику, в свою очередь, макроэкономическая ситуация сдерживает инновационную активность предприятий, низкий уровень характерен как для всех видов экономической деятельности — промышленного производства (включая малое предпринимательство) и сферы услуг, — так и для всех типов инноваций — технологических, организационных, управленческих. Вместе

[1] *Стратегия* социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года от 18 ноября 2011 г. № 2074-р. С. 126–128.

с тем, старт формированию инновационной экономики в стране дан, есть и позитивные подвижки.

Эффективность инновационных процессов в экономике зависит не только от того, насколько эффективна деятельность самих экономических субъектов инновационной деятельности, но и от того, как они взаимодействуют друг с другом в качестве элементов коллективной системы создания и использования знаний, а также с общественными институтами.

Литература

1. *Васин В. А., Миндели Л. Э.* Пространственные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы // Инновации. 2011. № 11 (157). С. 24–34.
2. *Гусаков М. А.* Принципы организации инновационной экономики // Экономика и управление. 2010. № 4 (54). С. 20–24.
3. *Инновационный* тип развития экономики / Под общ. ред. А. Н. Фоломьева. М.: Изд-во РАГС, 2008. 712 с.
4. *Фияксель Э. А., Назаров М. Г.* Создание инновационных кластеров в наукоградах // Инновации. 2010. № 12 (46). С. 48–54.
5. *Hansa* Thota Key Concepts in Innovation: CPI Antony Rowe, 2011. 326 p.

References

1. *Vasin V. A., Mindeli L. E.* Spatial aspects of formation and development of national innovative system // Innovations. 2011. N 11 (157). P. 24–34.
2. *Gusakov M. A.* Principles of the organization of innovative economy // Economy and management. 2010. N 4 (54). P. 20–24.
3. *Innovative* type of development of economy / Under a general edition of A. N. Folomyev. M.: RAGS publishing house, 2008. 712 p.
4. *Fiyaksel E. A., Nazarov M. G.* Creation of innovative clusters in science cities // Innovations. 2010. N 12 (46). P. 48–54.
5. *Hansa* Thota Key Concepts in Innovation: CPI Antony Rowe, 2011. 326 p.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
   - распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
   - две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
- **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
  - **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
  - **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
   поля — 2,5 см везде;
   - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
   - шрифт — Times New Roman;
   - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
   - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
   - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
   - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
   - название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
   - краткий реферат на русском языке;
   - краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
   - ключевые слова на русском языке;
   - ключевые слова на английском языке;
   - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
   - абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
   - расстановка переносов не применяется;
   - все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
   - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
   - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем, не допускаются);
   - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
   - маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок **(ВАЖНО!!!):**
   - ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
   - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой;
- список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- *Монографии:*
  Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.
- *Статьи в научных сборниках:*
  Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
- *Публикации в многотомных изданиях:*
  Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. / пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
  Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.
- *Статьи в научных журналах:*
  1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. *Шамахов В.А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

- *Статьи в газетах:*
  Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- *Правовые акты:*
  О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.
  О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):
  Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.
  Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
  1. *Манойло А. В*. Объекты и субъекты информационного противоборства: [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2013).
  2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде»: [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2013. № 8 (56)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Л. И. ПОЛЯХ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 13.08.2013 г.
Подписано к печати 29.08.2013.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,9. Тираж 650 экз.
Заказ № 8/13.

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс работ выполнен Издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97